

**«Я УБЕЖДЕН,
ЧТО ЧЕЛОВЕКОМ
УПРАВЛЯЕТ ВРЕМЯ...» 3**

Беседа с музыкантом и писателем
Владимиром Рекшаном

ПЕСНЬ
АКЫНА
В СЕТИ
11

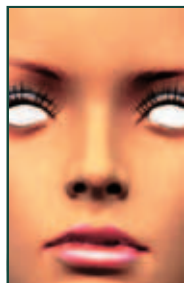
УЧЕБНИК
ПОЭЗИИ –
ДЛЯ КОГО?
24

#5-6
(2433-2434)

Книжное обозрение

WWW.KNIGOBOZ.RU

выходит с 5 мая 1966 года

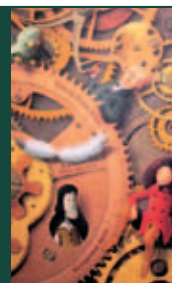
5 ДИАГНОЗ:
ПЛОХОЙ
ЧЕЛОВЕК?

М. Томас рассказывает,
что такое – быть социопатом

6 В МЕНЯ
ВСЕЛИЛСЯ
ГЕН КРАБА!

Ася Казанцева
против интернет-мифов

29 ЧАСЫ
С ВЕСЕЛОЙ
ДАМОЙ

Аня Вагнер о волшебниках
и поисках счастья

НОВОСТИ

Слушай!.. Чтобы читать!

В Москве начала вещание радиостанция «Книга». Услышать ее можно на новой столичной частоте 105,0 FM. Слоганом радиостанции стала фраза «Слушай!.. Чтобы читать!»

Принадлежит «Книга» солисту группы «Любэ» Николаю Расторгуеву – инициатору создания проекта – а главным редактором радиостанции стал Егор Серов, до этого работавший генеральным продюсером «Радио Звезда», главным редактором «Детского радио» и директором эфира «Сити FM».

«Радио «Книга» – это уникальный проект, одна из основных задач которого состоит в том, чтобы возродить у населения России интерес к чтению, привить слушателям культуру речи, а также повысить общий интеллектуальный уровень аудитории. Сегодня люди все меньше и меньше времени уделяют чтению, предпочитая другие варианты проведения досуга, в частности кино и телевидение. Однако ни один из них не может заменить чтение книг с точки зрения образовательно-просветительской и культурной значимости. Именно поэтому столь важно пробудить у населения интерес к литературе», – сообщает сайт радиостанции. Впрочем, несмотря на свою интеллектуальность, «Книга» обещает быть легкой для восприятия – создатели называют свое детище «радиостанцией короткой литературной формы» и обещают, что эфир будут составлять «аудиозаписи новелл, эссе, исторических и литературных анекдотов, стихотворений, фельетонов, миниатюр, зарисовок, рецензий, коротких интервью».

Егор Седов отмечает, что радио «Книга» не ставит перед собой цель заменить собой процесс чтения. Радиостанция призвана быть «навигатором в мире книг». В эфире «Книги» будут звучать как фрагменты уже изданных аудиокниг, так и уникальные записи – озвученные на радиостанции отрывки из книжных новинок. Также на «Книге» будут выходить короткие познавательные программы.

Чем дальше в лес...

**«Выживший»:
фильм и книга (стр. 22)**

книжное обозрение
pro

Читайте в выпуске «PRO»:

В Москве обсудили перспективы развития книжной отрасли;
Губернатор самого читающего региона России делится опытом.

Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров зарубежной литературы вы сможете найти только в ПРОфессиональной версии «Книжного обозрения», распространяемого только по подписке.

КНИГА НЕДЕЛИ

Налево пойдешь...

«*Семь жизней*» — как тот сад расходящихся тропок, когда человек встает на одну тропку, а мог бы сделать шаг влево или шаг вправо и прийти... куда-то в совсем другую жизнь? Или другую смерть? Или туда же? Эта книжка — попытка сходить во все стороны, вернуться и пересказать, чем всё закончится». После такого авторского пояснения чувствительный читатель может вообразить, что Захар Прилепин решил переодеться Виктором Пелевиным. На самом же деле перед нами вполне «классический» прилепинский реализм со знакомыми героями.

«Прилепинский мужчина» знаком нам давно. Воюющий и просто дерущийся, возвышенно любящий и мучительно ищущий где взять денег, по-первобытному охотящийся на жизнь и влипающий на этой охоте в карнавалы неприятности; сильный и хрупкий человек, для которого само «быть мужчиной» — вечный сказочный квест. Чем

Прилепин З.
Семь жизней: Рассказы.
М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. — 256 с. — (Захар Прилепин: проза). 20 000 экз. (п) ISBN 978-5-17-096750-6

же отличается этот сборник Прилепина от других? Да просто тем, что у здесь у персонажей и их создателя — новый этап самопознания, новая смесь силы и хрупкости. Пересказывать сюжеты «Семи жизней» — напрасный труд, эти истории надо проходить, как компьютерную игру, наслаждаясь метаморфозами северных протеев, которым не суждено найти точку неподвижности. Нету ее — ни между испуганным пацаном и мужиком с автоматом, ни между стихами и мордобоем, ни между мерзостью и добротой, ни между детскими обидами и взрослыми победами. Может, где-то и есть дом нашей судьбы, где ангелы едят варенье, но не здесь. Здесь — только русская женщина, невозмутимо говорящая новорожденному сыну «*Это наш папа, он будет заботиться о тебе*», забирая папу из ментовки, обряженного в... просто прочтите рассказ «Рыбаки и космонавты», это еще и один из лучших примеров философского юмора в сегодняшней русской прозе.

А расходящиеся тропки... куда бы ты ни сворачивал, ты все равно ходишь внутри себя. Поэтому жалеть не о чем — есть только чему удивляться.

Оксана Бек

Умер Юрий Кушак

В Москве на 80-м году жизни скончался Юрий Кушак — автор стихотворения «Аты-баты, шли солдаты», легшего в основу легендарной советской песни.

Стихи Юрия Кушака начали публиковать в 1955 году, а первый сборник «Пазори» вышел в 1962-м в Мурманске. Юрий Кушак работал в журналистике, был известным переводчиком стихов с татарского, казахского, чувашского и других языков народов СССР. Его достижения в области современной поэзии были отмечены премией имени Корнея Чуковского, а за создание серии книг «Антология сатиры и юмора в России» Юрий Кушак был удостоен премии «Золотой Остап»

«*Моряк, боксер, любимец женщин и детей, верный друг, вечно молодой и бесконечно любящий жизнь*», — написал об отце на своей странице в Facebook сын поэта Александр Кушак.

Фото — Андрей Глуховцев

Оруэлл и свобода

В Великобритании появился первый публичный памятник Джорджу Оруэллу. Бронзовый писатель в полный рост и с сигаретой в руке стоит у входа в штаб-квартиру BBC в Лондоне. Во время войны Оруэлл проработал здесь два года ведущим антифашистской передачи, транслировавшейся для Индии, и уволился в 1943-м, написав в заявлении: «*Я давно осознал, что трачу свое время и государственные деньги на работу, которая не дает никакого результата... Я чувствую, что, вернувшись к писательской работе и журналистике, мог бы стать более полезным, чем сейчас*». Сейчас, кроме скульптуры работы Мартина Дженнингса, посетителям BBC приветствует огромное высказывание Оруэлла: «*Если свобода что-нибудь да значит, так это право говорить людям то, чего они не хотят слышать*».

Издания, отрецензированные в номере

Анатомия смеха: Английская карикатура XVIII – первой трети XX века	32
Бердичевская А. Крук	4
Букреев А., ДеУолт Вестон Г. Зверест. Смертельное восхождение	22
Бялик Х.-Н. И было однажды... Агадические сказания	14
Вагнер А. Мадам Мелинда из кухонных часов	29
Вишневский В. Акын online. Любимая, я знаю, ты в сети	11
Воронин В. Тень орла: Роман-хроника: Трилогия	19
Голубкова А. Взгляд сбоку и немного сверху: Статьи, рецензии, комментарии	9
Гончарова А. Заклинайки	30
Данлоп Д. История хазар-мудеев. Религия высших кланов	8
Дашевский Г. Избранные статьи	9
Джеймс П. Клеймо смерти	25
Джойс Н. Любовные письма	14
Драгунский Д. Мальчик, дяденька и я	4
Жданов О. Возвращение к языку	19
Замятин Д. Булгуньях снов: Книга стихов	14
Казанцева А. В интернете кто-то неправ! Научные исследования спорных вопросов	6
Козырева М. Девочка перед дверью	4
Коровин А. Детские преступления	11
Кривачек П. Вавилон. Месопотамия и рождение цивилизации	8
Левитин М. В поисках блаженного идиотизма	7
Лорус А., прот., Красникова О. Влюбленность, любовь, зависимость. Как построить семейное счастье	14
Люди с безграничными возможностями: В борьбе с собой и за себя	5
Магиум Советикум. Магия социализма	19

Магрис К. Дунай	10
Между: Альманах сибирской актуальной поэзии. Вып. №1	14
Мелихов А. И нет им воздаяния	12
Мельникова М. Птица, обитающая... ..	11
Мир Стругацких. Полдень и Полночь	20
Окуджава Б. Прелестные приключения	29
Панке М. Выживший: Роман о мести	22
Поэзия: Учебник	24
Проект 018. Смерть?	19
Прозоров С. Ислам как идеологическая система. Т. II	19
Пурин А. Почтовый голубь. Собрание стихотворений. 1974–2014	14
Резвин В. Москва и ее главные архитекторы. От Фьораванти до Посохина	13
Резников К. Мифы и факты российской истории. От лихолетья Смуты до империи Петра	19
Русская фантастика-2016	20
Сергазина К.Т. «Хождение вокруг»: Ритуальная практика первых общин христоверов	14
Старосельская Н. Волшебный карандаш Михаила Левитина	7
Томас М. Исповедь социопата. Жить, не глядя в глаза	5
Томпсон Д. Супермодель и фанерный ящик. Шокирующие истории и причудливая экономика современного искусства	19
Уайт Н. Игра на выбывание	25
Уилсон Э.О. О природе человека	19
Чанцев А. Когда люди встречают птиц: Люди, книги, кино	9
Шарый А. Дунай. Река империй	10
Шульман Д. Боцман: Рассказы	14

За русскую словесность

Бунинская премия-2016 объявляет о начале конкурса. Награда была учреждена в 2004 году Московским гуманитарным университетом, Обществом любителей российской словесности, Национальным союзом негосударственных вузов, Национальным институтом бизнеса и Институтом современного искусства. Бунинская премия присуждается за произведения, написанные в жанрах художественной публицистики и призвана поддерживать лучшие традиции русской словесности в современной литературе.

Работы на конкурс принимаются с 15 апреля по 15 июля. Бунинская премия присуждается авторам, опубликовавшим свои произведения на русском языке, как правило, в течение года, предшествующего году проведения конкурса. На конкурс принимаются работы, изданные отдельными книгами или в виде журнальных публикаций как в России, так и за рубежом.

После двухуровневой экспертизы, в которой участвуют литературоведы — доктора филологических наук из ведущих вузов и академических институтов — попечительский совет премии формирует «короткий список» претендентов. Победителя определяет жюри конкурса. Объявление Лауреатов конкурса состоится 22 октября 2016 года, в день рождения Бунина.

Лауреатами и дипломантами Бунинской премии в разные годы стали более 60 литераторов: Владимир Алейников, Максим Амелин, Андрей Битов, Лариса Васильева, Мария Ватутина, Андрей Волос, Вера Галактионова, Глеб Горбовский, Николай Добронравов, Борис Евсеев, Фазиль Искандер, Александр Кабаков и другие.

Робот, который вошел в шорт-лист

Новые достижения искусственного интеллекта: в Японии в финал литературного конкурса имени Хоси Синьити вышла повесть «День, когда компьютер написал роман», одним из авторов которой была компьютерная программа. «Писателя» разработала команда специалистов из Университета Хакодате во главе с профессором Хитоши Мацубара. На основе заданных параметров — таких как пол, имена героев, сюжетные линии и т. д. — программа создавала текст. Вот пример компьютерной прозы: «*Я корчился от счастья, которое испытывал впервые, и продолжал восторженно писать. День, когда компьютер написал роман. Этот компьютер предпочел работе на людей поиски собственного счастья*».

История о компьютере-литераторе в поисках собственного счастья обошла полторы тысячи конкурентов и вошла в шорт-лист из 11 произведений, однако призовое место так и не получила. «*Я был удивлен, когда узнал, что эта повесть написана роботом, — признался член жюри, писатель-фантаст Сатоши Хасе. — Это хорошо структурированное произведение. Есть, конечно, некоторые вещи, над которыми стоит поработать, чтобы получить приз, — например, описания персонажей*».

Выбор редакции

1 Умберто Эко больше нет с нами, но Великий Разговор об искусстве продолжается. Сборник «О литературе» — своего рода продолжение «Шести прогулок в литературных лесах». Беседа пойдет о влиянии определенных текстов на развитие исторических событий, о важных повествовательных и стилистических приемах и ключевых понятиях литературного творчества.

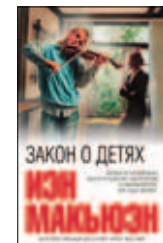
Эко У.
О литературе: Эссе / Пер. с ит. С. Сидневой.
М.: АСТ: Corpus, 2016. — 416 с.

2 В очередной том авторской серии Юлия Кима вошла художественная проза, смешанная с воспоминаниями о родных его сердцу местах и близких людях. Родных мест у него теперь три («*так построились мои звезды*») — Москва, Камчатка, Израиль. А близких людей не счесть.

Ким Ю.
И я там был!
М.: Время, 2016. — 384 с. — (Самое время!)

3 Адам Генри умрет без переливания крови. Родители Адама — фанатично верующие люди — не смогут жить с сыном, которого подвергли «безбожной» процедуре. Судья Фиона Мей имеет право пренебречь волей родителей и спасти Адаму жизнь, но отнять у него — что? И есть ли в этой ситуации правильное решение? Подумаем вместе с Иэном Макьюэном.

Макьюэн И.
Закон о детях / Пер. с англ. В. Гольшева.
М.: Издательство «Э», 2016. — 288 с.

«Рок-музыка воспитывала свободного человека»

Беседовал
Владимир Марочкин

Владимир Рекшан — знаковый человек для современной истории Питера. В 1969 году он с друзьями собрал рок-группу «Санкт-Петербург», которая на питерской рок-сцене не просто стала исполнять песни на русском языке, но и добилась абсолютной популярности. В 1988 году Владимир Рекшан в популярном журнале «Нева» опубликовал повесть «Кайф», которую с полным правом можно назвать первым российским художественным произведением о рок-музыке. Владимир Рекшан продолжает писать книги, и недавно издательство «Амфора» выпустило его новую работу «Ленинградское время», в котором автор рассказывает о Ленинграде своего поколения.

— С чего началась работа над книгой «Ленинградское время»?

— Я делал подкасты про Ленинград для одной радиостанции. Выпускал-выпускал, но потом эти подкасты накрылись, и в итоге я их переработал для книги. Владимир Рекшан — человек уже не молодой, он вступил, как у нас говорят, в возраст дожития, и в этом возрасте я уже не могу просто баловаться словами, надо давать какую-то конечную продукцию, и в данном случае конечный продукт — это книга.

— Что представляет из себя Ленинград Владимира Рекшана?

— Я родился в центре города, на улице Салтыкова-Щедрина, она же — Кирочная. Жили мы в коммунальной квартире, как большая часть населения Ленинграда. Я помню, как город дровами топили! У каждого был уголок во дворе, где хранились дрова для печки. Отец таскал вязанки дров, а я ему помогал. И это — исторический центр.

Ходил я в детский сад недалеко от Летнего Сада. Спустя некоторое время там появилась мемориальная доска: оказывается, здесь была одна из квартир Пушкина!

Потом я поступил учиться в школу № 203. Совсем недавно узнал, что там же, но на десять лет раньше меня, учился Бродский.

Вскоре началось массовое строительство домов, которые мы привыкли называть «хрущобами», и моя семья переехала жить в самый конец города к кинотеатру «Гигант». Я помню, что не хотел переезжать туда, ведь в центре оставались все школьные друзья. Но когда мы с отцом зашли посмотреть новую квартиру, и я увидел две смежные комнаты, то мне это показалось фантастическим раем: я понял, что у нас с братом будет отдельная комнатка!

Фактически это был другой город. Но это тоже мой Ленинград, в котором я прожил довольно долго.

Мой Ленинград — это и садик возле Инженерного замка, куда я ходил каждый вечер и зимой, и летом. Там менялись пластинками, и каждый вечер у меня появлялась какая-то новая пластинка.

Я много где побывал. На вулкан на Камчатке поднимался, алкоголизм в Штатах изучал, в Париже тоже прожил долго. Но дольше, чем на два месяца, я из Ленинграда (Петербурга) никогда не уезжал.

— Книга «Ленинградское время» напоминает рассказ о родной квартире, о которой знаешь все: и где какая книжка лежит, и на какой стул вчера пиджак бросил...

— В значительной степени этот дом сейчас сильно видоизменился. Все наши города, к сожалению, примерно одинаковы: одни и те же брендовые магазины, кафе — что в Европе, что в Ленинграде, что в каком-то провинциальном российском городе. Очень жаль, что в Ленинграде уже исчезли некоторые исторические места. Например, исчез магазин «Букинист» на Литейном проспекте, а ведь он тоже создавал некую среду. Теперь там то какой-то банк, то магазин женского белья, то дорожные сумки — такая безликая история.

В Париже я жил недалеко от площади Звезды, на авеню Карно, и там был магазин, где продают арфы. Проходя мимо него, я всегда думал: «Ну, кому нужны арфы в Париже в таком количестве, чтобы их можно было выгодно продавать?!» Я заходил туда: может, там и другой товар есть? Нет, арфы и только арфы. Несколько раз я подолгу сидел напротив этого магазина, на террасе кафе, пил кофе — и ни одной арфы при мне не вынесли. Вполне возможно, что это какой-то исторический магазин. Когда-то там эти арфы бойко распродавали, и это как-то связано с историей Франции, поэтому такой магазин есть — и он должен быть. Никто его не уничтожает. Возможно, у него даже есть какие-то налоговые и арендные льготы.

У нас все по-другому: у нас сейчас модно «возрождать». Да просто не нужно ничего убивать, тогда и возрождать ничего не надо будет. А то вначале все сметут, а потом думают, как бы что-то возродить. Тот же Ленинградский рок-клуб — это значимое место для огромного количества людей. Это не только музыкальная, но и социальная история и города, и страны. Но там тоже все смывает.

Я пытаюсь сейчас создать Музей русской рок-музыки, таким образом реализуя свое историческое образование, которое когда-то получил в Ленинградском университете.

— Удивительно то, что уже название вашей первой рок-группы, созданной в конце 1960-х годов, стало знаком вашего отношения к родному городу...

— Название «Санкт-Петербург» родилось спонтанно. Я глубоко убежден, что челове-

ком управляет время, и вот сложилась ситуация, что группа с таким названием должна была появиться. И не важно, кто это был, Рекшан или кто-то другой. Так же случаются и революции, когда двадцатилетние парни бьют царских генералов. Сейчас тоже много героев ходит, но время негероическое.

— Удивительно и то, что именно «Санкт-Петербург» стал первой ленинградской рок-группой, которая запела на родном языке...

— Первый период — освоение западного материала, — был успешно закончен, в Ленинграде тогда существовали отличные группы, исполнявшие разные зарубежные хиты, но этот период себя исчерпал, и должна была появиться группа, исполняющая материал на родном языке. И такая группа появилась...

Я помню, как на наше первое выступление пришли мэтры-ценители, несколько сот человек, которые ходили слушать все группы в городе. Страх нас обуял невероятный. Именно от страха я разорвал на груди рубашку, скинул тапочки и выскочил босиком на сцену и стал извиваться, как змей. И все остальные участники группы поступили также. А мы все были молодые и высокие красавцы, да пели этот материал по-русски — и мы увидели, что именно это и нужно. И на следующий день мы проснулись героями нового времени.

И было два года полного доминирования «Санкт-Петербурга» на ленинградской рок-сцене. После этого уже было невозможно развиваться англоязычным рок-группам. Все ребята из «Аквариума» и Майк Науменко, они все ходили на концерты «Санкт-Петербурга».

В раннем «Санкт-Петербурге» умения было не очень много, зато была ураганная энергетика. А мастерство там скорее было не индивидуальное, там слаженность была, мы же — одна компания, друзья неразлучные. Мы были очень сыграны. Играли — будь здоров! Часто это носило какой-то импровизационный характер, были бесконечные проигрыши, в которые вместе входили и вместе выходили.

«Санкт-Петербург» до сих пор периодически играет, и для меня это форма вредности. Моя задача: если с нас все началось, то мы и должны закрыть всю эту историю. Лет в девяносто выйду на сцену, возьму ми-мажор, упаду — и меня тут же зарюют.

— Нужно ли автору, пишущему про рок-сообщество, использовать сленг?

— Сленг — это маркер времени. Существует базовый язык, который изменяется достаточно медленно, и бывает семиотика речи, присущая определенной среде или времени и которая со временем уходит. Сегодня без переводчика ее уже сложно понять. Язык меняется, поэтому сленга у меня особо и нет.

— Во все времена считалось, что рокеры — это диссиденты и инакомыслящие. А вы, создавая «Санкт-Петербург» на стыке 60-х и 70-х, ощущали себя инакомыслящими?

— Нет, никто об этом не думал. В 18 лет хочется показать всем, как ты крут, да чтобы девчонки на тебя смотрели, да чтобы родители не ругались, да чтобы сессию вовремя сдать. Никаких таких сверхзадач не ставилось.

Но рок-музыка воспитывала внутренне свободного человека. И ней выросло целое поколение внутренне свободных людей, которые в середине 80-х годов захотели уже и внешних изменений. И те неосознанные задачи (повторяю: неосознанные задачи!) были выполнены. И, между нами говоря, та власть это немножко упустила, потому что ловили тех, кто распространял Солженицына с Сахаровым, а надо было обратить внимание на парней с гитарами.

Теперь-то я понимаю, что и у социализма есть прекрасные стороны, и у капитализма, и желательно было бы соединить лучшее из того и другого строя. А у нас получилось соединение худшего, что было в социализме, и худшего, что есть в первоначальном накоплении капитала. Но, в конце концов, никто не виноват: все сделали сами — самим за все и отвечать.

Но когда этот жанр начинался, самым революционным был факт, что ты с электрогитарой выходишь на сцену. Это было непривычно, а потому революционно. Это сейчас каждый третий молодой человек играет на гитаре. Я поездом ехал, так полвагона гитаристов едет в Москву. Так что по музыкальной форме сейчас это не является революционным. Попытка пристегнуть сюда политическое содержание возможна, так как музыка актуальная.

То первое рок-поколение сделало главное: взяв девизом битловское «Все, что тебе нужно, это — любовь», оно смогло предотвратить третью мировую войну. Сможет ли такое сделать новое поколение?

4 Людмила Петрушевская — настоящий человек-оркестр современной отечественной литературы. Прозаик, драматург, поэт, сказочник, фантаст, страшный писатель, добрый писатель... И книги ее состоят из прозы, пьес и сказок — приблизительно по тому же принципу, по которому она пишет в своих тетрадках. Новый сборник «Санаториум» ждет вас, заходите!

Петрушевская Л.
Санаториум.
М.: АСТ, 2016. — 413 с.

5 В долгожданную книгу известного кolumnиста и поэта Дмитрия Воденникова вошли эссе, лучшие стихотворения разных лет, а также ироничные заметки о буднях Жозефины Тауровны, более известной как такса Чуня. Особа вредная, своенравная, но при этом невероятно обаятельная, она раздает интервью и ведет литературную колонку.

Воденников Д.
Пальто и собака: Сб.
М.: Лайфбук, 2016. — 256 с.: ил.

6 Ильдар Абузьяров приглашает на прогулку. Берлин, Оксфорд, Каир, Петербург, одиночество, дружба, любовь, нелюбовь, слепота и волшебное видение... Следуя сквозь жизни героев от рассказа к рассказу, стараясь поспеть за условным Одиссеем, мы узнаем много нового.

Абузьяров И.
О нелюбви. Роман с жертвой.
Казань: Идель, 2016. — 256 с.

7 Московский метаметафорист Андрей Щербак-Жуков — писатель разнообразный. В этот сборник вошли рассказы, заставляющие вспомнить Сервантеса и Андрея Белого, Александра Грина и Рэя Бредбери, Владимира Гиляровского, обериутов, экзистенциалистов, древние мифы и современные романы фэнтези...

Щербак-Жуков А.
Виртуальный Пьеро: Рассказы разных лет и настроений.
М.: У Никитских ворот, 2016. — 296 с.

рецензии

беллетристика

Витька из города Верблюдов

Юлия Белавари

Марьяна Козырева хочет поделиться теплыми воспоминаниями своего детства — а других быть не могло, потому что «детское» само собой выходит «теплым». Автор описывает мир таким, каким видела и понимала его, будучи маленькой, но очень умной девочкой, прочитавшей к восьми годам «Шекспира и «Гулливера» академическое издание». Повесть начинается перед закрытой на замок и опечатанной дверью в комнату в коммуналке — в ней девочка с невинным именем Витька жила с родителями, переводчиками, которые неожиданно уехали в командировку.

«Мои мама и папа уехали в командировку. Командиров-

ки бывают большие и маленькие. У мамы и папы очень большая командировка.

Так мне сказала Женя-на-летчик Милица Васильевна. Сначала я жила у нее. Долго — наверное, целый месяц. А потом пришел комендант общежития и сказал ей, чтобы она отдала меня в детский дом».

К счастью, Витька в детский дом не попадает. Соседка отвозит ее к маминной няне, которую они часто вместе навещали, поэтому дорогу девочка хорошо знает и показывает по памяти. По трагикомическому стечению обстоятельств, дом няни стоит напротив главного здания Народного Комиссариата внутренних дел, что в Москве

на Лубянской площади. Но маленькая героиня не видит в этом ничего страшного, так же, как в «командировке», в которую уехали родители. Девочка ничего не знает о запретных смыслах и подводных камнях своего времени.

Няня, в свою очередь, передает Витьку родственникам. А потом наступает счастье, оценить истинный масштаб которого девочка сможет, только когда вырастет: из «командировки» возвращаются родители. Сначала мама, затем, немного погодя, они с мамой переезжают к папе в город под названием Верблюдов, где, в отличие от Москвы, не льет дождь, много арбузов и фруктовых деревьев

Козырева М.
Девочка перед дверью.
М.: Самокат: ИП Бернштейн И.Э.,
2015. — 176 с. — (Как это было).
3000 экз. (n) 978-5-91759-371-5

в саду у деда Шаманского.

В Верблюде Витька идет в школу, у нее появляются друзья... Что останется на память

из детства? Самое хорошее и самое плохое. Самое хорошее — это праздники, поездка в детский лагерь в Туапсе, торжественная встреча делегации из Барселоны. Однажды в школу привезли новые тетради, от красоты которых захватывало дух. На тех, что по арифметике был изображен Вещий Олег с дружиной, конем и кудесником, на тех, что по письму — Пушкин, дуб и неведомые звери. Но вскоре их пришлось уничтожить, потому что одна школьница разоблачила заговор троцкистов против советского народа, увидев в сплетении фигур зашифрованную надпись: «Да здравствует Троцкий!» Потом была война, смерть матери,

путевка в детдом. Но детство продолжалось и продолжалось волшебство, и Витька опять не стала сиротой, а заняла должность библиотекаря в узбекском кишлаке.

Повесть «Девочка перед дверью» наполнена в равной мере советскими реалиями и восточным колоритом. Рваный шепот взрослых, которые боятся быть подслушанными, разговоры на русском и ругань на узбекском. Эта книга — ключ к двери, за которой лежит дорога в потерянный мир. По нему можно грустить, вспоминая радость. Его можно ругать, вспоминая беды. Но в него часто хочется вернуться и познакомиться его с теми, кто там никогда не был.

Меж мальчиком и дяденькой Инга Нестерова

Ностальгия — чувство одновременно светлое и грустное. Заново переживая прошлое, радуешься всем его мелким проблемам, дворовым компаниям и по-детски особенному общению с родителями. Но одновременно с этим на задворках сознания всегда мелькает, упорно напоминая о себе, нечто темное, неразрешенное и неотступное, что заставляет возвращаться к старым воспоминаниям куда чаще, чем хотелось бы. Плохо это или хорошо? А почему бы не присесть ненадолго за стол к мальчику и дяденьке — пусть они помогут разрешить этот вопрос. И пусть мальчик не поймет ваших рассуждений о любви, а дяденька окажется далеко не самым приятным

персонажем... Какая разница? У каждого есть, что рассказать и посоветовать. И ностальгическое путешествие начинать уже не так страшно.

Надо отметить, что если возраст мальчика и дяденьки более-менее понятен, к самому рассказчику это не относится. Он будто лавирует между восторженно-детским и угрюмо-взрослым состояниями, бесхитростно рассказывая о своих удавшихся (и не очень) любовных похождениях, семейных воспоминаниях и рассуждениях касательно самой жизни. Милые воспоминания о совместных прогулках с мороженым сменяются сожалениями из-за смерти отца (точнее, как раз из-за того темного и неразрешен-

Драгуновский Д.
Мальчик, дяденька и я: Проза.
М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2016. —
318 с. — (Проза Дениса Драгуновского).
3000 экз. (n) ISBN 978-5-17-094411-8

ного, что заставляет искать в смерти близкого человека какие-то положительные для себя моменты); те же самые мальчик с дяденькой тоже не

будут молчать и предлагать автору свои истории для разрешения проблем. «Да что вы, в самом деле!» — досадливо махнет на них рукой автор — «Все это уже давно описано в психологии, и ответить на свои вопросы я могу сам». Но вопросов всегда больше. Даже если суметь посмотреть в глаза собственным страхам или перестать бояться смерти. Потому что вокруг нас всегда множество людей, и каждый хранит маленькую бытовую драму. Или не совсем бытовую. Когда спустя много лет снова вспоминаешь о людях из прошлого, уже зная новые подробности их жизни — или хотя бы предположения — лишь удивленно ахаешь. Могла ли та тихая и несговор-

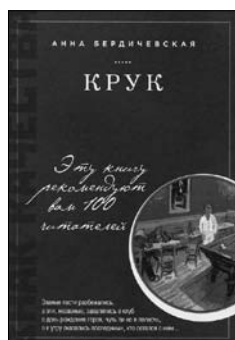
чивая дочь писателя оказаться роковой сердцедающей? И неужели та интеллигентная писательница всерьез верила, что грипп может загнать человека в «дом скорби»?

Ностальгия заставляет снова пройти и по местам своей юности, и в данном случае столкновение с действительностью бывает не менее печальным. Даже когда речь о кафе, где официантка пустила тебе «пулю в затылок» каким-то особенно гадким замечанием — но вот на этом месте вырастает, например, Макдоналдс, а до кафе из прошлого уже никому дела нет. Или когда гулял по улицам Риги «до катастрофы», после которой уровень любви к русской культуре резко упал

И, проходя через все эти воспоминания, рассуждения и просто мысли вслух, сам автор с удивлением обнаруживает, что давно уже перестал быть не то чтобы мальчишкой или самоуверенным юнцом, но даже взрослым мужчиной! Мальчик презрительно морщит нос и спрашивает про политику, административные дела, путешествия, работу, деньги... Хотя что-нибудь, что также является основой жизни, а то все любовь да любовь! Все это было, и в больших количествах — как у других людей, и потому это скучно и бессмысленно. Возможно, куда лучше будет дождаться появления старой подруги и спросить «А что, если...?»

От «Норд-Оста» к коллайдеру Александр Лобанов

«КРУК» — сокращенное наименование «Круглосуточного клуба» в Потаповском переулке. В этом неприметном подвальном заведении впервые собираются вместе центральные персонажи романа Анны Бердичевской: Кузьма Чанов, историк по образованию, мечтательный и без усталости рефлексирующий гуманитарий, ухитрившийся, однако, в трудные 90-е подняться на знаменитом «матрешечьем» бизнесе на Старом Арбате; молодой поэт из провинции и студент МГУ Павел; похожий на Будду программист Блюхер; красавица-грузин Дада, преподаватель политэкономии и большой ловелас. И, наконец, виолончелистка Соня, девушка с большими странностями и сперва кажущаяся

Бердичевская А.
Крук.
М.: Издательство «Э», 2016 — 512 с.
1500 экз. (n) ISBN 978-5-699-84650-4

всем некрасивой. Несмотря на это, в нее последовательно влюбляются все мужчины. Особняком стоит образ Сергея Вольфа, прославленного ленинградского поэта. Книга посвящена его памяти. Именно

он, а не главный герой Чанов, является стержнем, сердцевиной стихийно сложившегося маленького общества. Он становится объектом хлопотливого ухаживания со стороны всех героев и фанатичного поклонения Павла.

Отправная точка сюжета — спонтанно организованная пьнка в честь дня рождения Чанова. Впоследствии события развиваются столь же стихийно и иногда несколько абсурдно. Так, совершенно неожиданной для читателя становится попытка самоубийства красавца-грузина прямо в уборной «КРУКа». Смерть Сониной бабушки перемещает всю компанию сперва на кладбище, а затем в ночную сторожку ленинградского поэта. Параллельно происходит захват заложников на

Дубровке. В числе заложников — мать соседа Павла по общежитию, и вскоре герои оказываются в эпицентре событий. Чанов в каске спасателя помогает вытаскивать людей из фойе: «И настал, как вспышка, миг ослепительного счастья. Чанов бежал, держа на руках девочку-подроска. Его осенило: «ВСЕ! Взрыва не будет... вот ОНА — жива! И будет жить, и ВСЕ будут жить, всегда будут жить свою жизнь!» Новейшая история причудливым образом вплетается в сюжет Бердичевской. Инициативный Блюхер приглашает всю компанию в Швейцарию, на игру в рулетку. Но «рулетка» оказывается метафорой: герои приезжают на подготовку к испытанию Большого адронного коллайдера.

Роман Анны Бердичевской глубоко филологичен. Он пестрит отсылками к произведениям мировой литературы от Данте и Шекспира, Лермонтова и Ходасевича до «Властилина Колец» и «Приключений Буратино». Помимо многочисленных стихотворений Сергея Вольфа, в тексте цитируются поэты Алексей Решетов, Александр Межиров и другие. Если не брать за основу любовную линию Чанова и Сони, можно сказать, что перед нами произведение о литературе, а в более широком смысле — об искусстве вообще. Живой Сергей Вольф делится со страниц романа секретами своего ремесла. Старый коллега Чанова по «матрешечьим» делам старообрядец Хапров выводит из собственных заня-

тий иконописью маленькую философию искусства: «Художнику дано творить чудо: отображать Объем на плоскости. Через это умение объем жизни целиком, ВСЕ И БЕЗ ПОТЕРЬ, помещается на плоскость, даже и с силой, и с временем, которое тоже есть энергия! Все вместе содержит любовь и жизнь...»

Язык Анны Бердичевской отличается изысканной метафоричностью и в то же время удивительной легковесностью. Virtuозное владение словом в сочетании с широко демонстрируемым богатством культурным бэкграундом делает роман ценным и гармонично вписывающимся в высшие слои современной художественной прозы полотном.

Страна по ту сторону

Оксана Бек

Большинство из нас предпочитают вообще туда не заглядывать. Во-первых, потому что страшно. Во-вторых, потому что даже если соберешься с духом заглянешь — все равно по-настоящему не поймешь. Невозможно понять это до конца, если стоишь по «правильную» сторону загадочной стены. Точнее, по ту сторону загадочного слова «норма». Однако смотреть необходимо. Потому что там, за стеной — не тьма, не пустыня и не дикие земли. Там живут люди. По ту сторону нормы лежит целая страна, а сама «норма» с каждым новым этапом жизни общества и с каждым новым открытием в медицине, химии, психологии, психиатрии, инженерии — становится все более и более трудноуловимым и относительно понятным.

В этот обзор вошли две книги-отчета о жизни по ту сторону. Американка, ведущая под псевдонимом «М. Томас» блог SociopathWorld.com, подробно объясняет, что происходит в голове человека с диагнозом «социопатия». Российские участники фотопроекта «Акрополь: как я нашел свое тело» рассказывают, как живут и побеждают свое несчастье люди с физической инвалидностью.

Девушка, которая убила опоссума

Если вас настораживают рассказы об «особенных» людях, выдержанные в строгой стилистике радуг и единорогов, раздражает сама эта навязчивость употребления слова «особенный», а от утверждения «они такие же как мы, просто видят этот мир иначе» хочется совершить с автором высказывания какое-нибудь антисоциальное действие — «Исповедь социопата» для вас. Она как раз про неразумное. Про человека, чей диагноз вы видели в фильмах ужасов — только некиношного.

Единороги в этой книге не живут. А детеныш опоссума погибает на первых же страницах — ему дала утонуть в бассейне милая молодая девушка с темными волосами, искрящимися глазами и ладной фигурой пловчихи. Вообще прекрасная девушка, кстати — чрезвычайно умная, обаятельная, храбрая, изобретательная, и к опоссумам у нее никаких претензий. Просто ее мозг не знает, зачем спасать из бассейна хоро-

шенького мохнатого зверька. Опоссум — не золотая рыбка, три желания исполнять не будет. Вытаскивать его во имя санитарии тоже бессмысленно — судорожно барахтаясь в воде, зверек ее уже загалдел. Но если сказать ученику, что из-за проблемы с бассейном проведи урок плавания сегодня не получится, оставить опоссума тонуть и спокойно поехать по своим делам, чтобы вернуться, убрать из бассейна сразу «вот этот вот все» — выигрыш очевиден. Девушка с искрящимися глазами получает незапланированный выходной — раз; чувство глубокого удовлетворения от удачно провернутой комбинации — два; удовольствие от того, что наврала (вранье — она из главных радостей для мозга социопата) — три; очередное неоспоримое доказательство того, как потрясающе она умна и находчива по сравнению с остальными людьми... ну, то есть вот этими окружающими ее унылыми двухмерными фигурами, которыми она всю свою блистательную жизнь умело манипулирует, исправно получая все, чего ей хочется — четыре. Вот такая она, жизнь инвалида, физически не способного к эмпатии и пониманию моральных норм — легка, логична и полна свершений и удовольствий. В отдельных социальных группах социопаты составляют от 1 до 4%, и вы их вряд ли вычислите. А теперь главное — М. Томас будет объяснять, почему вы должны понять, принять и полюбить девушку, убивающую детеныша опоссума.

Томас М.
Исповедь социопата. Жить, не глядя в глаза / Пер. с англ. А. Анваера.
М.: Азбука Бизнес, Азбука Аттикус, 2015. — 384 с. 2000 экз. (п)
ISBN 978-5-389-09907-4

Во-первых, вы обязаны, потому что иначе это дискриминация и фашизм. В том, что вы что-то обязаны человеку, который вам ничем не обязан и делает вам любую пакость, если сочтет это для себя выгодным, нет никакого противоречия, запомните. Во-вторых, потому что вы не опоссум. Социопат с налитыми кровью глазами и бен-

зопилой в руках — выдумка сценаристов фильмов ужасов, большинство социопатов не совершает преступлений (крупных, очевидных, глупых преступлений) потому, что это просто нерационально. В-третьих, социопаты — это вообще локомотивы человечества. Диссоциальное расстройство личности награждает их отменным интеллектом, деятельным и рискованным характером, умением стремительно усваивать информацию, недюжинными дипломатическими талантами (слово «манипуляция» автору не нравится), пламенной любовью к трудностям и умением крошить в пыль все препятствия на пути к цели, не отвлекаясь на все эти только сбивающие с толку моральные нормы и эмоциональные ловушки... и да, мы еще не упоминали нечеловеческое обаяние социопатов, свойственное, разумеется, и М. Томас. В-четвертых, очевидно, что люди сами хотят, чтобы ими манипулировали (да, слово «манипуляция» — обидное, но что поделаешь, если манипулировать людьми — такой кайф). В-пятых, а вы уверены, что вы сами не социопат? Вам совсем никогда не хотелось просто делать то, что хочется вам, хорошему и любимому, наплевав на все эти непонятные и неочевидные, ничего не дающие этические нормы и всех этих картонных людей вокруг?

Вам сейчас смешно, грустно, мерзко или просто хочется треснуть милую девушку доской, утыканной гвоздями? Все сразу? Неудивительно. «Доверчивое» чтение «Исповеди социопата» не принесет вам ничего, кроме душевного смятения, и, разумеется, никакое это не похвальное слово диссоциальному расстройству. Ничего не поделаешь «эго социопатов — это давно известно — всегда в теле, как женщины на полотнах Рубенса». Книга М. Томас совсем не похожа на исповедь сверхчеловека, делящегося секретами совершенства. Это достаточно сумбурный, часто демагогический монолог, по мере чтения которого вы просто физически ощущаете, как Томас-аналитик, пытающаяся рассказать нам о механике социопатии, отчаянно борется с Томас-«суперженщиной», пытающейся убедить нас в том, что социопат лучше здорового человека. В конце концов, аналитик побеждает — и суперженщина проговаривается во всем.

Нет никакой суперженщины. Она не «криминальный» социопат, но и не «успешный псих», управляющий министерством или корпорацией (тип, мифо-

логизированный современной культурой почти так же, как социопат с бензопилой). М. Томас посередине — обыкновенный несчастный человек, выросший в небогатой семье и с «проблемным» мозгом. Жизнь — в работе, в любви, в дружбе — из-за психопатии периодически разваливается, как плохо собранная конструкция. Попытки виртуозно «использовать» людей дают откровенно жалкие по масштабу результаты. А хваленое обаяние — на самом деле лишь отчаянные попытки наладить контакт с людьми, чьих диковинных внутренних двигателей — любовь, сочувствие, угрызения совести — ты не постигаешь и не постигнешь никогда. Хотя хочется. Как и ребенка. Как и понимания от тех, кого не можешь понять ты.

Эта книга — непростая задача для несоциопата. Как сочувствовать человеку, который действительно несимпатичен, но действительно нуждается в помощи? Как вообще относиться к человеку, у которого нет совести по медицинским причинам? Как ему помогать (а помочь социопату трудно, но можно), если внутри своей аномалии он счастлив, а современная культура, если присмотреться, так «рифмуется» с этой аномалией, что иногда уже не очень понятно, там ли норма, где мы думаем — или уже нет? Ответов на эти вопросы в истории М. Томас вы не найдете. Для ответов еще очень рано. Мы снимаем много фильмов ужасов, но крайне мало знаем о социопатии (как и о многих других подобных заболеваниях). Поэтому пока надо хотя бы просто сообразить, как о ней говорить и слушать.

Потерять ногу — построить мир

Мы лобуемся ими — марморными в музее античного искусства, покалеченными самим временем, а самых известных в «правильном» виде можем и не узнать. Мы отворачиваемся от них — живых на улице. Мы убеждаем себя в том, что они напоминают нам что-то дикое, страшное, средневековое — а они, между тем, вдохновляют ученых на создание технологий будущего — бионических механизмов, новых компьютерных программ и приложений, устройств... Мы сошлись на том, что следует называть их «люди с ограниченными возможностями» — хотя не так уж трудно увидеть, что их возможности как раз безгра-

ничны, ведь им приходится не много не мало, как заново открывать и себя, и весь окружающий мир. Инвалиды — удивительные люди.

Общемировая тенденция: с развитием медицины людей, спасенных наукой от смерти, но вынужденных жить с инвалидностью, ста-

Люди с безграничными возможностями: В борьбе с собой и за себя / Владислав Дорофеев и коллектив авторов.
М.: Альпина нон-фикшн, 2016. — 224 с.: ил. 3000 экз. (п) ISBN 978-5-91671-478-4

новится все больше и больше. В России ежегодно инвалидами признаются более миллиона человек, всего их в стране около 14 миллионов, из них 650 000 — дети. Целая цивилизация, о самом существовании которой многие предпочитают просто не думать. Сборник очерков и интервью, составленный журналистом и литератором Владиславом Дорофеевым — что-то вроде путеводителя по этой цивилизации, книга, дающая точки опоры и ориентиры для дальнейшего путешествия. Авторы — Владислав Дорофеев, Светлана Белостоцкая, Алена Жукова, Ольга Исса, Юрий Макусинский, Наталья Мушкатерова, Екатерина Пичугина — обозначают для нас пейзаж, в котором живут и взаимодействуют люди с разными возможностями. Здесь есть статьи о том, как эволюционировало отношение общества к инвалидам на Западе и в России и какие возможности социализации существуют у них сегодня, очерк об истории уникального СМИ — газеты «Русский инвалид», рассказ о новейших технологиях, помогающих людям с ограниченными возможностями. Но центром пейзажа является Акрополь — не здание, а получивший множество премий арт-проект, придуманный Яниной Усмановой, гендиректором культурного центра «Без границ», занимающегося бизнесом, ориентированным на инвалидов. Десять фигур — молодые, красивые мужчины и женщины — застыли на нем в грациозных и загадочных позах: кто-то бежит, кто-то, кажется, задумался кто-то с удивлением обра-

чивается на нечто у себя за спиной, трое фигур сверху — летят? Смысл происходящего на античных рельефах современному человеку тоже бывает сложно уловить. Правда, перед нами не рельеф, а огромное — 5 на 7 метров — фотопанно Ирины Бордо. Вместо мрамора — грим и складки ткани. А вместо Истории, которая так любит живописно отбивать руки и ноги древнегреческим богам и героям, — Жизнь. И герои здесь не мифологические, а реальные: люди, испытавшие на себе удар того, что древние называли Роком, а мы зовем аварией, несчастным случаем, терактом, болезнью, врожденной инвалидностью. Вместо того, чтобы стать чем-то «меньше» обычного человека, эти люди стали чем-то больше.

В книгу вошли интервью с шестью моделями «Акрополя» — Игорем Ломакиным, Ириной Граждановой, Аленой Волоховой, Александром Закусило, Анной Киселевой и не дожившей до публикации этой книги Анастасией Романовской — и еще с тремя людьми с безграничными возможностями — Оксаной Чугунковой, Ириной Ясиной и Михаилом Терентьевым. Как он них рассказывать, как идентифицировать, кто они? Инвалиды? Ампутанты, слабовидящая, человек с рассеянным склерозом? Хоккеист, пловец, бодибилдер, разработчик курсов йоги, благотворитель, общественный деятель, журналист-правозащитник? Находчивая мама, научившая маленького сына называть цвета, сама не видя ничего, кроме света и тени? Веселая девушка с нарядным оранжево-зеленым протезом, украшенным граффити (кто сказал, что искусственная нога не может выглядеть красивее настоящей?) Обычная женщина, потерявшая в аварии руку и ногу — и вдруг обнаружившая, что именно теперь ее жизнь стала глубокой, осмысленной, интересной? Люди с современным «горельефом», просто, честно, без пафоса и сентиментальности, часто с юмором рассказывающие нам, как постигали магическое искусство преодоления собственного тела и обретения нового мира. «Сначала я жила и спала только на первом этаже. Потом стала кое-как заползать на второй. Подниматься получалось, спускаться — очень сложно. И тут мне помогли дети! Они со второго этажа на подушках ездил, как с горки. Иерали. И я на них посмотрела — вот он, идеальный способ скоростного спуска со второго этажа!»

рецензии

Наука

Смысл спора

Честный обыватель на встрече с наукой

Владимир Березин

Ася Казанцева — человек в научно-популярной литературе знаменитый (в той мере, в какой можно быть знаменитым в отечественной научно-популярной литературе). Изданная три года назад предыдущая книга «Кто бы мог подумать! Как мозг заставляет нас делать глупости» имела редкую по единодушию положительных отзывов критику. Новая может сперва вызвать некоторое непонимание заглавием. Дело в том, что речь там не идет не о типах взаимодействия людей в Интернете, а о научных вопросах (преимущественно биологических или медицинских).

Всем была памятна картинка, на которой был изображен человек за домашним компьютером. Его звала в кровать жена или любимая, а он отвечал, не отрываясь от клавиатуры: «Не могу! В Интернете кто-то не прав».

Три части названы по типам холиваров (Holy war — англ.: священная война), то есть яростным сетевым спорам. Надо отметить, что это удел не только форумов в Интернете, но и телевидения с газетами. Но именно в Сети массы не до конца образованных людей сходятся в виртуальной рукопашной. Это «Медицинские холивары», «Научные холивары» и «Холивары про жизнь».

В первые входят «У гомеопатии нет побочных эффектов!», «Прививки вызывают аутизм», «ВИЧ не приводит к СПИДу» и «Акупунктура — серьезный метод лечения». Во вторые — «ГМО содержат гены!», «Кто видел птицу с зубами?», «Пора запретить опыты над животными!» А в третьи — «Мясо вредно для здоровья», «Надо есть натуральное» и «Мужчины умнее женщин!»

Названия говорят сами за себя.

В книге довольно много разной информации, и большой объем сносок и ссылок на источники — это тоже совершенно прекрасно. Но главное в этой книге не собственно научная журналистика, а взгляд на зыбкость посыла «британские ученые доказали, что...» То есть, наука сейчас так устроена, что достижения переднего края практически непостижимы честным обывателем. А честный обыватель — это такой персонаж, который не одержим паранойей сродни той, что охватывала население в момент холерных бунтов. Как известно, иногда врачей попросту начинали бить, считая, что они хотят не лечить, а морить людей. Точно так же люди не хотят соблюдать карантин (В царской Рос-

Казанцева А.
В интернете кто-то неправ!
Научные исследования спорных вопросов.
М.: АСТ, 2016. — 376 с. 8000 экз. (п)
ISBN 978-5-17-092181-2

сии смертная казнь предусматривалась за два вида преступлений — царубийство и нарушение правил чумного и прочего карантина). Нет, честный обыватель потому и честный, что он хочет разобраться, что к чему, а на то и обыватель, что знает, что никогда не будет равен ученому, да и у него есть какое-то свое дело, которым он занят на славу себе и на пользу обществу. Вот честный обыватель хочет понять, как устроен мир, и на этом пути его подстерегают несколько разбойничьих засад.

Во-первых, это общественные мифы, которые поддерживаются прессой. Хорошо продающаяся новость, как правило, алармическая, тревожная — съешь генномодифицированный огурец, весь пойдешь пупыршками. Станешь таким же зеленым, да еще и в тебя при этом переселится ген краба.

Во-вторых, это ученые-предатели. То есть, ученые, которые пишут текст не из соображений сообщения истины, а из каких-нибудь других соображений. Уже не досужий журналист, а человек за подписью «доктор медицинских наук и проч., и проч.» — сообщает нам что-то недостоверное. Автор справедливо говорит, что и тут честный обыватель может придумать не то, чтобы беспронгрышную стратегию, а стратегию с минимальными шансами ошибиться — смотреть так называемые «реферлируемые журналы» (это такие журналы, в которых статья проходит не просто предварительный отбор, но на нее всякие уважаемые люди пишут отзывы), выбирать людей «с репутацией», потому что репутация тоже дорогого стоит. Но и тут можно нарваться на сумасшедшего нобелевского лауреата или математического академика, экспериментирующего с историей.

Флеймогонных тем много, даже если мы исключим холивары в области истории

и политики (на первом месте стоит национальный вопрос, на втором — исторические дела — как правило, Отечественная война и ее итоги, а отношения между мужчинами и женщинами лишь на третьем. Это темы, которые возбуждают жаркие битвы пикейных жилетов, бокс по переписке и прочие безобразия — вплоть до плевков в монитор).

Конечно, список тем книги Казанцевой не исчерпывает научные холивары — от брутальных «Были ли американцы на Луне» до тонких и действительно интересных обсуждений термодинамики. Вечное вращение Иня и Яня, «М» и «Ж», казалось бы, должно волновать людей больше. Даже тех же людей, что давно стали беспольными, стуча по стандартным клавиатурам у стандартных мониторов. При этом флейм, обсуждение бессмысленное и беспощадное, как русский бунт, вечен. Я, конечно, говорю не о сухом профессорском споре, где только перекушенная дужка очков и раздавленный в руке стакан выдают волнение ораторов. Дипломатический научный язык —

том сексуальности. Споры без четких определений так же бессмысленны, как уличная драка. Все равно люди, стоя по разные стороны от цифры, нарисованной на асфальте, будут кричать — один:

— Шесть!

А другой:

— Девять!

Казанцева предлагает читателю предлагать биологически-ориентированный разговор.

Хотя общественный акцент никуда не девается.

Мы приходим к тому (и это важное заключение), что честный обыватель, чтобы понять, вредно ли мясо и поможет ли гомеопатия, должен сам провести некоторое исследование — это труд, никем не оплачиваемый, хотя иногда очень интересный.

И в этом исследовании он иногда враг самому себе — узнав что-то чернее, услышав часть ответа, он бросается в бой с себе подобными и начинает доказывать до конца не додуманные вещи. Он хочет доказать в Интернете, тем более, что эта возможность есть почти у всех, свою правоту. Часто он становится заложником своих

Но тут я столкнулся с удивительной проблемой — с точкой приложения науки, политики и всего остального. «Есть темы, — говорил Иисус Христос в моем любимом сериале «Южный Парк» — которых я не хотел бы касаться даже семиметровой палкой». Герои, впрочем, спрашивали его об эвтаназии, а не о предрасположенности к гомосексуализму, но я уткнулся именно в тему генетической предрасположенности.

Тема это ужасная, как и все этические темы, и, как писал Венедикт Ерофеев: «У публики ведь что сейчас на уме? Один только гомосексуализм. Ну, еще арабы на уме, Израиль, Голанские высоты, Моше Даян. Ну, а если прогнать Моше Даяна с Голанских высот, а арабов с иудеями примирить? — что тогда останется в головах людей? Один только чистый гомосексуализм».

Перспектив у арабов с иудеями мало, а в области генетики есть такая идея, что сексуальная ориентация заложена в людях генетически.

А уж если это заложено генетически, то — руки прочь, отстаньте от лиц с нетрадици-

В итоге автор довольно убедительно для стороннего наблюдателя, доказывает, что «влияние генетических факторов на формирование сексуальной ориентации существует». Мозг либерала отличается от мозга консерватора». (Silveira L. Experimenting with spirituality: analyzing the God Gene in a nonmajors laboratory course // CBE Life SciEduc. 2008 Spring; 7(1): 132–145) — тут бы об этом поподробнее, да как-то повествование ушло дальше.

И наконец: «Можно было бы еще разобрать множество аргументов в пользу идеи о том, что сексуальная ориентация — это врожденное свойство». То есть, тут наличие некоторая подмена — от точки зрения «по-видимому, находится под существенным влиянием врожденных факторов» к «сексуальная ориентация — это врожденное свойство».

То есть, от совокупности факторов мы пришли к одному.

Этот переход необуздан.

То есть, может оказаться, что сексуальная ориентация — продукт, в большей степени заложный генетически и во время утробной жизни. Но тогда что значит «больше?» — наука оперирует числовыми характеристиками. И при этом, разве можно исключить фактор пропаганды (то есть среды, культуры и чего угодно в социальном смысле).

При этом все время оговаривается, что результаты косвенные, мировой опыт сложен, статистика разнообразна.

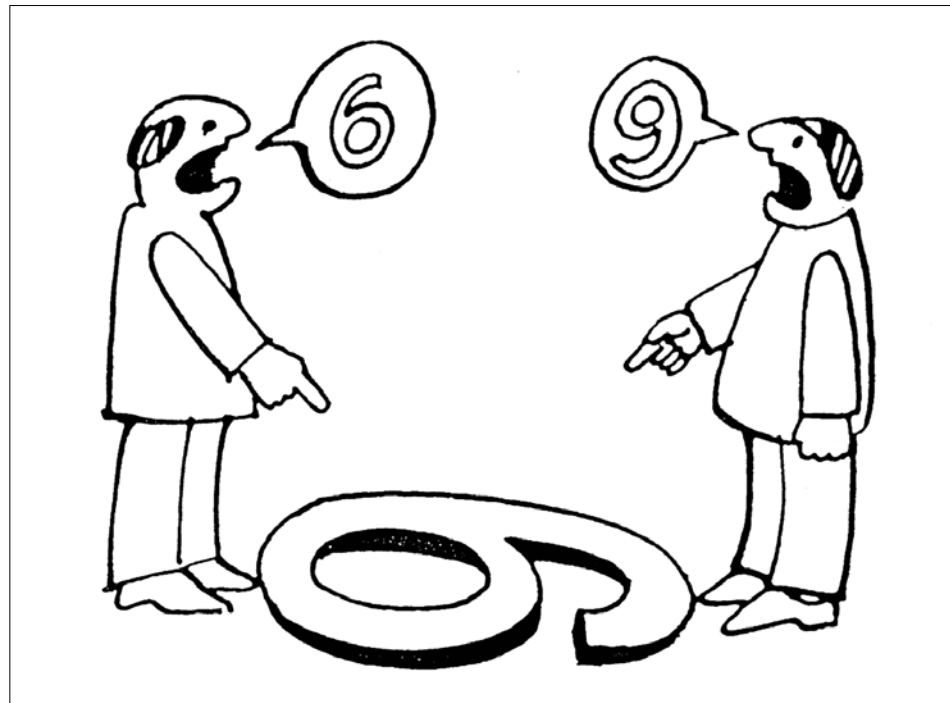
И выходит, что вместо того, чтобы отстаивать право взрослых людей жить, как они хотят, некоторое количество других людей (или тех же) придумывают «научный аргумент», как бы ограничивающий свободу выбора первых — будто он поможет им в борьбе.

Наука знает довольно много случаев, когда она служила подпоркой для какой-либо идеологии. Но благие намерения потом оборачивались какими-то неудобствами и вовсе даже неприятностями. «Может ли пропаганда сделать вашего сына геем?» — да, может. Много может, и пропаганда — тоже. Только лучше как-то понять, что сыну надо.

И вот я нахожусь в каком-то недоумении — как с этим быть.

Нет, я бы предпочел не тыкать в этот вопрос даже семиметровой палкой.

Но и это говорит нам о том, что мы имеем дело с прекрасной книгой.

не язык сетевого флейма. Но тут уж хотели демократии — получите. Поэтому обыватель вправе судить обо всем, и нет такого механизма, который может накинуть платок ему на рот. Он будет спорить о чем угодно, с любых позиций, стоя на стороне Иня и на стороне Яня.

Иностранное слово в этих спорах приобретает особую ценность — и неважно, оторвался ли от него смысл, или держится на честном слове.

Кстати, Инь и Ян очень похожи на цифры шесть и девять, цифры с легким на-

же поспешных выводов и испытывает унижение. Или, что еще хуже, закрепляется в мифологическом знании, найдя себе заединщиков-единомышленников.

Ну а как без этого.

Я, правда, сделаю одно замечание: есть в этой книге глава 11 под названием «Пропаганда делает вашего сына геем!» — то есть, название этой главы сконструировано по той же схеме, что и прочие — то есть, это такой выкрик необразованного человека, и сейчас мы объясним, отчего он не прав.

онной сексуальной ориентацией. Казанцева пишет: «На ваше сексуальное поведение, конечно, влияет социальная среда, но вот первоначальная склонность испытывать интерес к мужчинам или к женщинам, по-видимому, находится под существенным влиянием врожденных факторов». Тут же автор оговаривается, что вовсе непонятно, как гомосексуальность считать — где она осознанная, где из любопытства, где еще какая. Понятно, от тюрьмы не зарекайся, но не оперировать же тюремными методами.

Несобранный кубик Рубика

Однозначно назвать книгу «Волшебный карандаш Михаила Левитина» биографией не получается. Работа Натальи Старосельской не является в полной мере жизнеописанием режиссера, писателя, педагога, художественного руководителя московского театра «Эрмитаж» Михаила Левитина, скорее это произведение о разносторонности его личности, о сложном и незаурядном творческом пути. Театральный критик, литературовед и главный редактор журнала «Иные берега», Наталья Старосельская уходит от трафаретности и шаблонности, раскрывая Левитина по-новому, преподнося его читателям в совершенно ином свете. Она берет на себя смелость называть Левитина и импровизатором, и магом, и фокусником, и сказочником, при этом в каждой главе оправдывая присужденный ему титул. Вообще вся книга пронизана очень тонкими и душевными открытиями самого автора. Наталья Старосельская, как человек глубоко влюбленный в творчество Левитина, наделяет строки весьма мягкой и лиричной поэтичностью, что, несомненно, под-

Старосельская Н.
**Волшебный карандаш
Михаила Левитина.**
М.: Театр «Эрмитаж», Текст, 2015. – 350 с.
1000 экз. (п) ISBN 978-5-7516-1303-7

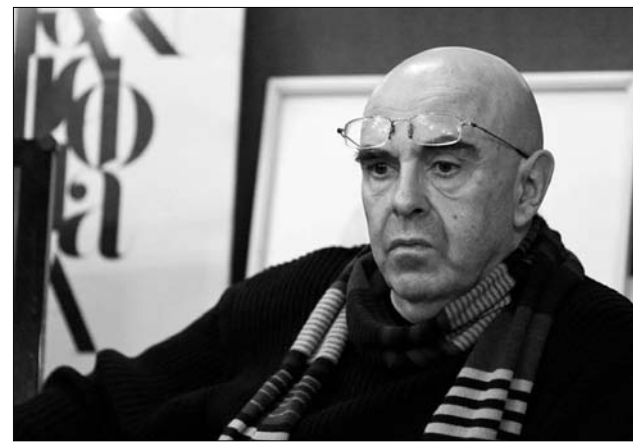
купает читателя. Но, в то же время, вполне оправданным может прозвучать вопрос: «А не является ли все написанное слишком субъективным отношением автора»? С одной точки зрения является — и сама писательница упоминает об этом: «Любой автор вправе выбрать то, что наиболее близко, значимо для него. А главное — что на его, авторский взгляд помогает из разрозненных впечатлений нескольких десятков лет сложить целостное, в первую очередь для себя самого, попытаться осмыслить масштаб личности того, кто создал все это многообразие, состав-

ившее серьезный и глубокий пласт отечественной культуры». С другой стороны — нет, ибо работа Старосельской подкреплена и выдержками из интервью с режиссером и мнениями других театральных деятелей о Михаиле Левитине.

Книга хорошо структурирована, за что хочется сказать отдельное спасибо. Это своего рода большое одолжение и огромная помощь читателю не заблудится в строках и не запутаться в многогранности героя. Хоть и вся жизнь Левитина, и его творчество — это нечто неуловимое и порой даже абсурдное (рассказать о которых логично и последовательно не удается даже самому герою), постепенно читателю удается сложить «кубик Рубика», с коим Старосельская сравнивает героя. В работе достаточно часто встречается имя Даниила Хармса, к которому очень трепетно и с большой любовью относится Левитин, а также неоднократно упоминается спектакль «Хармс, Чармс, Шардам», такой же эмоциональный и гротескный как сам герой. Но сравнивать Левитина с Хармсом, да и вообще с кем бы, то, ни было — непростительная

ошибка. Он уникален и уникальность его нередко подчеркивает Старосельская: «Михаил Левитин не укладывается в какие-то определения, стереотипы. Можно пытаться лишь внимательно и пристрастно взглянуть в каждую из граней его во многом уникального дарования. И не просто внимательно и пристрастно — непременно с любовью, с горячим желанием что-то угадать, не угаданное прежде, в чем-то оправдать его и оправдаться самой, увидеть сделанное давно с дистанции времени иначе, пусть хотя бы немного иначе, потому, что в противном случае, «С холодным носом», ничего не получится».

Старосельская называет Левитина исследователем за его «параболичность» в мышлении, «которая помогает легко и естественно “разыгрывать” в лицах мысли и ощущения автора». Абсолютно точное высказывание, ведь и проза, и, театральные постановки пронизаны некой реконструктивной исследовательской психологизмом личности, как героя, так и самого автора. «Как ни парадоксально, режиссер Левитин и Левитин-писатель — отнюдь не сямские

Михаил Левитин

близнецы. Два разных человека», — так говорит о Левитине Яков Аким, известный детский писатель. Приводя этот пример, Старосельская тут же не соглашается. Любые произведения Левитина — выплескивание его внутреннего я, в некоторой степени направленное на исследование самого себя, своих границ и пределов. На протяжении всей книги Старосельская подчеркивает и расставляет акценты именно на том, что творчество Левитина и его индивидуальность — одно целое, неразрывное, но слегка беспорядочное. Литература и режиссура для Левитина

прочны связаны, пусть и не всегда могут напрямую взаимодействовать друг с другом.

Книга Натальи Старосельской бесспорно заслуживает большого уважения со стороны читателей. Всегда сложно писать о незаурядном, странном, уникальном и не всем понятном человеке, да еще так, чтобы это было действительно интересно. Приятно осознавать, когда автор любит свое дело, выполняет его с большим волнением и почтением, лестно улавливать бескорыстность и благородность, читающихся между строк, как славно чувствовать душу и автора, и героя книги.

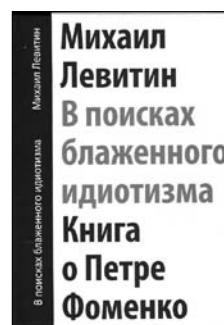
Такой он, Петя

«В поисках блаженного идиотизма» — странная книга, написанная странным человеком о странном человеке. Но кто лучше Михаила Левитина смог бы так живо, так откровенно и так необыкновенно рассказать о гении отечественной театральной режиссуры, о непризнанном и непонятом в прошлом, и о том, без кого российская театральная индустрия не представляла бы своего существования сегодня. Режиссер о режиссере, друг о друге, гений о гении, все самое тайное, нежное, порой эпатажное, а иной раз и до тошноты мерзкое можно встретить в «Разрозненных листах», будто спешно скрепленных, выдернутых из дневника Михаила Левитина и небрежно, а быть может, с особым трепетом собранных в единую целостную книгу. Двадцать четыре листа, двадцать четыре главы, не имеющие своего названия, но каждая, как бы между прочим, начинается с одних строк «а вот еще...», а дальше вспоминается очередная, еще один нелепый, тревожный, или до коллик смешной случай.

В приложении к книге представлены эссе Левитина, которые когда-то давно писал он о Фоменко. Такие... как бы со всех сторон пропитанные лиричностью и теплотой к режиссеру, понравившиеся самому автору, ожидавшему, что и герою, они придутся по нраву. Однако не так хорошо тогда Левитин знал Петра Наумовича, со временем ставшего Петей, любившего демонстрировать свою обиду, замалчивать правду и открыто не реагировать на сказанное о нем: «Двадцать четыре года назад я писал в “Театральную жизнь” эссе о Петре. Оно так и называлось — “О Петре Фоменко”. И так свободно, с такой радостью писал, что светился правдой, необходимостью и возможностью безнаказанно писать о Мастере, обойденным вниманием. Так лихо я это делал, что, подчас не объясняя, писал о фантастической силе его воздействия на людей <...> Я написал, напечатал и стал ждать, когда же он сам в дружеском порыве позвонит и скажет: “Ну ты и выдумщик, спасибо тебе, но это ты уж слишком хорошо обо мне”».

Работа пронизана ностальгическими воспоминаниями, не «ванильностью», как многие привыкли понимать и трактовать слово «ностальгия»; серьезными, подчас грустными, иногда стыдливими воспоминаниями. Вся жизнь соткана из мелочей, из так же мелочей сшита и эта монография. Много нового, ранее не известного Фоменко показывает читателю Левитин. В каждой главе он совершенно иной, но всегда слегка, а порой и вовсе не слегка чудачковатый. «Петя демонстрировал, как и позже, как всегда, без участия рук, одними зубами захват наполненного водкой стакана, коронный номер, выпивал стакан залпом и снова пел, шутя роскошно и бесстыдно».

Множество тайн раскрывает нам Левитин о Петре, множество глубоких переживаний льется на страницы, множество тяжелых неудач, провалов, насмешливых взглядов и непризнания как со стороны коллег, так и со стороны кумиров. Он вспоминает об отношениях режиссера с матерью — веро-

Левитин М.
**В поисках блаженного идиотизма.
Книга о Петре Фоменко.**
М.: Искусство-XXI век, 2015. 184 с. (п)
ISBN 978-598051-151-7

ятно, единственной женщиной с которой он просто не смел кривить душой, которую уважал, ценил и любил самой искренней и чистой любовью. О женщинах, окружавших его, безответно погружаясь в пучину страстного влечения, страдавших, ревновавших, но не отвергнутых. «Петя был внимателен к друзьям во всем, что не касалось их жен. Жены его друзей почти всегда становились его “женами”. Непорядочно конечно, но как отказаться? Инициатива всегда

принадлежала женщинам. Еще в юности, самоотверженно, или под гнетом соблазна, подходил, предположим, в трамвае к чудной девушке сзади и легким ветерком поддувал, припушивал ей волосы. Как правило, ей это нравилось, и из трамвая он выходил не один». О нелепых и порой парадоксально-провокационных выходках режиссера: будь то прыжок из окна, или яростные крики, обращенные к бедной женщине, случайно заглянувшей в зал с греющим ведром, во время начала «Смерти Тарелкина». «Он так кричал, что я догадался: это кричит не он, его нервы. Только они кричали не по адресу, как-то отдельно от него, от всего режиссерского облика». Об отношениях с отцом, которого у Фоменко никогда не было, о котором он редко произносил в слух, но к которому всю свою жизнь безнадежно тянулся.

Так, что же такое этот «блаженный идиотизм»? Не что иное как театр, именно так обзывает Фоменко режиссуру, его собственную в некоторой степени пост-

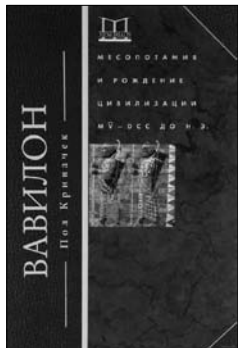
мейерхольдовскую режиссуру. Левитин называет его «образомыслящим, художественным человеком», что, несомненно, подходит режиссеру. Предельно абстрактная жизнь, по-особому абстрактные постановки, не всегда вписывающиеся в свое время — это и есть Петр Фоменко.

Левитин писал книгу по просьбе семьи Петра и его мастерской: «То, что я пишу книгу, не значит, что ее можно написать. Эта книга не о методе, но о системе, даже не о школе, опереться не на что. Эта книга о таланте, о произволе собственной жизни, перенесенной на сцену, и, может быть, немного объясненной музыкой». Он писал для понимающего читателя, для тех, кто смотрит на жизнь его глазами. Кому-то книга придется не по вкусу, у кого-то, вероятно, вызовет негодование, не каждый сможет понять ее и принять, сказать, что она достойна быть прочитанной. Ясно одно — о Петре Фоменко нужно писать. Много. Сложно. И всегда неоднозначно. Такой уж он человек. Живой.

рецензии

История

Урук, город Гильгамеша

Кривачек П.
Вавилон. Месопотамия и рождение цивилизации / Пер. с англ. Л. Карповой.
М.: Центрполиграф, 2015 г. – 351 с.
2500 экз. (п) ISBN 978-5-227-06261-1

Ради чего мы познаем прошлое? Легко ли твердо стоять на земле, когда под тобой 16 веков истории и движущиеся, как зыбучие пески, границы и даты? Поэтому лучшим образом прошлого является миф о Потопе и о герое Гильгамеше, истории которого автор, как истинный англичанин, отводит место в одном ряду со сказаниями о короле Артуре и о чаше Грааля. Эта книга для человека, которому хотелось бы быть историком, этим «вечно плывущим и ищущим Гильгамешем». Для вшей зыбкости познания, этот человек готов, как Гильгамеш, быть пьяным, пьяным сво-

ими знаниями, и не творить себе кумиров, как это делают политики с собственной же историей. Сам автор начинает с того, что провоцирует на политический диспут, описывая позорную казнь Хусейна, в которой были допущены исторические ошибки.

Книга Кривачека о двух фундаментальных вещах: как рождается история и о методах исторического подхода. Собственно главный метод один: «Копай вглубь и не ошибешься!» Но как он действует и чему учит? Вправе ли мы вообще относить историю к утилитарному знанию?

Перед нами мысленная карта южной Месопотамии с тремя важнейшими городами: Вавилоном, Ларсом и Эриду. Современная космическая аэрофотосъемка фиксирует следы сотен засыпанных древнейших поселений. Город Гильгамеша Урук уже найти на карте сложнее. А еще сложнее объяснить, почему сохранилось название города «Ур Халдейский», потому что халдейская древность вытеснена в глубочайшие культурные слои. А еще труднее быть шумерологом и воссоздавать цивилизацию по бесцветным глиняным табличкам. И, тем не менее, сохранилась память о городе земного Рая — Эриду, а результаты трех-

вековых раскопок позволяют поставить под сомнение тот факт, что во времена царя Саргона Аккадского (2300 г. до н.э.) семиты жестко подчинили себе шумеров. Данные археологов подтверждают мирное сосуществование этих культур в какой-то период. И границы нескольких цивилизаций в древности показывают преемственность между ними. Поэтому важнейший памятник литературы и истории «Победы Утухенгала», шумерского царя, дал возможность для открытий других ученых — ассириологов.

Утухенгал был фактически создателем Нового Шумерского царства. Его имя значит: «Бог солнца несет избавление», и ему удалось объединить шумерские города и избавить страну от вар-

варов, происхождение которых точно не установлено. Сами же шумеры, относящиеся к древнему шумерскому периоду, говорили на языке, близком дравидийским языкам Индии. А здесь уже возникает вопрос о происхождении арийской культуры и взаимоотношениях индийской и иранской культур, с одной стороны, и древних иранцев и шумеров и семитов — с другой, потому что, как известно, самым поздним из древних государств Востока стала именно Персия. И, таким образом, еще одним по-

Как же рождается история? В книге обращают на себя внимание два удивительных образа — образ древнейшей часовни в Абу-Шахрейне, оказавшейся в слое «дюны из чистого песка» под 16-ю предыдущими, и образ знаменитой вазы из Варки. В книге Ренфрю «Предьстория: как сложился человеческий разум», на которую ссылается Кривачек, автор рассматривает «проект постоянного памятника». Вот с такой часовни, по мысли автора, и зарождается история. Сначала история данной общины, потом история рели-

А теперь посмотрим на вазу, на которой изображен ритуал с красивыми и грациозными движениями безбородых юношей. Описание ее упорядоченности — еще один образ истории. Далее следует еще более интересное, так как у шумерских и аккадских ваз были скошенные края у горлышка, а вот как этого достигли мастера, ученые пока не объяснили, хотя им удалось открыть тайну рождения прекрасного синего цвета на восточных памятниках, которым так были славны потом Ассирия и Вавилон. И так, третий ключ к рождению истории — это секрет мастерства.

Но есть еще один ключ. Это рождение мифа. «Я не знаю многое о богах, но я знаю, что река — это коричневый бог, мрачный и неукротимый», — писал Эллиот.

Археология романтичнее истории. Она позволяет любоваться предметами. Главы об Ассирии и Вавилоне жестко заставляют нас вспомнить о сокрушительной истории древнейших царств. И все же задумаемся. «Навуходносор, восстанавливая оборонительную стену, назвал себя тем, кто ищет древние фундаменты», «чтобы старая кладка даже на ширину пальца не выступала поверх изначального фундамента ни наружу, ни внутрь...»

Хазарская баллада

Вспоминая «Хазарский словарь» Павича, эту изящно стилизованную, фантастическую вещь, нельзя не поблагодарить автора за источниковедческие выдумки: «В XVII веке интерес к хазарам вспыхнул с новой силой, и необъятный материал о них, накопившийся к этому моменту, был систематизирован и опубликован в 1691 году в Пруссии. Были изучены экземпляры монет с трехрогим знаком, имена, выгравированные на старинном перстне, рисунок на стенке глиняного кувшина с солью... завещания, голоса попуаев с берегов Черного моря, о которых считалось, что они говорят на исчезнувшем хазарском языке... и даже одна татуированная человеческая кожа, не говоря уже об архивных материалах византийского, еврейского и арабского происхождения».

Как ни обаятелен Павич, но письменные хазарские свидетельства так и не пополнили архивов и библиотек, а что касается их «религиозных доноров» — иудеев, — то их средневековые источники, цитируя пророков, назы-

Данлоп Д.
История хазар-иудеев. Религия высших кланов / Пер. с англ. Л. Игоревского.
М.: Центрполиграф, 2016. 255 с.
2000 экз. (п) ISBN 978-5-9524-5174-2

вают хазар, как и караимов, «манзер» («незаконнорожденные») и ставят под сомнение хазарский язык, относя его к числу маргинальных.

Привлекательность народа, создавшего, по мнению Павича, «энциклопедии, письменность и никому не ведомую религию», подтверждается совершенно невероятным числом чужих источников, описанию которых уделяет внимание Данлоп. (И, несомненно, все, кто вспо-

нит своих предков, обитающих между Черным морем и Каспием, заподозрит в своих жилах кровь кочевников-хазар, подаривших, по мнению автора, венгерскому языку гусар, а немецкому — Ketzler, или еретиков!)

Происхождение сильного кочевого народа инсценируется автором с самого начала не методом гипотез или утверждений, а методом исключения. Уже в описании истории происхождения, автор не может, наряду с серьезными источниками, без юмора приводить такие факты, как сближение хазар с персидским двором или с двором Александра Македонского. Однако персидский фактор сам по себе оказывается наиболее серьезной провокацией если не для выяснения хазарского корня, то, по крайней мере, для выяснения траектории маршрута, когда персы приближались к Дербенту, или Каспийским воротам, в VI-VII вв. и когда хазары пересекли крепость, как союзники встречая византийского царя Ираклия. Насчет

этих событий существуют также армянская и грузинская версии, опять-таки подтверждающая неродственность воинственного народа не только христианским культурам, но и персам. Методом исключения автор не останавливается на сближении хазар с гуннами и уграми, хотя их «звездный час» совпадает отчасти по времени.

Самой реалистичной версии уйгурского происхождения хазар автор подтверждает неожиданные сближения народов в эпоху средневековья (вспомнить хотя бы поведение сирийцев-несториан в областях, совпадающих с современной Монголией), но тайна обращения хазар в иудаизм и расцвет Хазарского каганата интригует еще больше.

Проследить ее раскрытие нам предоставлено на примере, прежде всего, арабских и иудейских источников. Разбираться в версиях этих источников тем интереснее, что между ними существуют обязательные противоречия, в частности хронологические.

Также часть арабских источников придерживается версии обращения хазар в ислам, и Мекка называется городом направления для их молитвы.

Среди мест хранения рукописей называются Барселона, и Иерусалим, и Кембридж, и, что интересно, Санкт-Петербургская публичная библиотека, в которой обнаружен список знаменитого иудейского средневекового манускрипта «Ответ Иосифа», рабби Иегуды из Барселоны, автора «Книги празднеств», хотя относительно переписки Иосифа с хазарами есть версии подделки XVI в.

Еще интереснее дело обстоит с ареалом распространения и влияния Хазарского каганата, и здесь возникает закономерный вопрос о причинах упадка царства. Во-первых, он связывается с некоторой расплывчатостью, точнее, перемещаемостью его границ. Мы находим хазар на Таманском полуострове (когда один из их правителей, состоя в родстве с Юстинианом II, и позволяя ему после свержения жить в Фанагории, предает его).

С другой стороны, арабские источники называют хазарскую реку Итиль, находя хазар в соседстве со степными киргизами, и одним из городов их пребывания считается Самарканд.

Была и серьезная экономическая причина упадка хазар, связанная с существованием государства исключительно за счет системы налогообложения. Когда система ослабла, стратегии власти на большее не хватило. С этой точки зрения книга интересна анализом экспансивной модели политической системы и ее обреченности на провал.

«Древняя Галлия и Иран и сегодня имеют живых представителей... Иначе обстоят дела с империями кочевников, империями монголов и гуннов... Но поток слышнул, и монголы оказались намного менее важными, чем нации вроде Персии и Китая... Приключенцы хазар имели меньший размах... но затек монголов и гуннов помогает нам понять судьбу, постигнувшую хазар в X и XI веках».

Абсолютная внятность

Григорий Михайлович Дашевский (1964–2013), совершенно замечательный поэт, важный для нескольких поколений пишущих стихи как внутренний собеседник; переводчик, получивший Премию Андрея Белого, значим никак не меньше как критик. В нынешней книге собраны колонки Дашевского, печатавшиеся в еженедельнике «Коммерсантъ-Weekend» (только одна вошедшая в книгу статья взята из другого источника). В этом смысле перед нами, конечно, некое целостное высказывание, хотя оно (разве за исключением объема текстов) формально не заявлено и не обозначено.

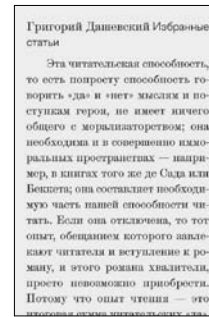
Что, конечно, не означает не проявлено. Сухость, ум и восхищающая чёткостью речи антироничность делают эти тексты парадоксальным образом куда более герметичными, нежели многие существенно более стилистически выделенные критические опыты. Читать Дашевского легко и радостно, понимать не всегда просто — именно потому, что, вне всякого навязывания позиции, позиция эта, тем не менее, всегда точно обозначена, а уж анализировать совсем сложно, именно за счет некой абсолютной их внутренней законченности. Уметь в новейшей критике так, чтобы текст был совер-

шенно открыт пониманию читателя и при этом максимально структурно замкнут, пожалуй, больше не умел никто.

Дашевский писал о самых разных книгах. Надо понимать, что это журнальная колонка, причем в журнале, нацеленном на читателя умного и скорее всего образованного, но отнюдь не внутрикультурного. Дашевский в этой ситуации создавал специфический контекст понимания, некий способ рефлексии, в рамках которого и дневники Михаила Пришвина, и исповедь Петра Эстерхази о стукачестве

собственного отца, и атеистический манифест Ричарда Докинза, и капиталистическая утопия Айн Рэнд должны быть прочитаны из той же системы ценностей, что и филология Андрея Зализняка и Михаила Гаспарова, стихи или эссе Льва Лосева, Михаила Айзенберга, Андрея Родионова, Марии Степановой, дневник Витольда Гомбровича.

Установка Дашевского подразумевает редкое соотношение логики, вполне холодной, по крайней мере, на выходе, с четкостью этической позиции, как бы ни странно и даже страшно было произносить эти полузабытые слова в нынеш-

Григорий Дашевский. Избранные статьи

Дашевский Г. Избранные статьи / Сост. А. Курилкин. М.: Новое издательство, 2015. — 200 с. Тираж не указан. (о) ISBN 978-5-98379-197-8

ние времена. В этом смысле Дашевский, плоть от плоти поэтического андеграунда и

одновременно классической филологии, умел говорить почти для всякой аудитории, которая вообще способна хоть что-то понять.

Думаем, что критический стиль Дашевского, если культурная рефлексия не вовсе пропадет из нашей культуры, станет образцом (увы, недостижимым) — именно за счет той абсолютной внятности, которая невыносима для помещенного в современность сознания, для жителя гессевской «фельдтонной» эпохи. В этом смысле книга Дашевского — послание, а дойдет ли оно до будущего, зависит теперь не от автора, а только от нас.

Лёд и пламя

В текстах Анны Голубковой — выступает ли она как поэт, пишет ли критику, прозу (в последнем случае, впрочем, пользуясь давно уже открытым псевдонимом Анна Сапегина), даже работая как академический филолог, — ощущается соединение двух различных, казалось бы, способов поведения говорящего: весьма последовательный аналитический объективизм бестрепетно сосуществует с яростной заинтересованностью. Разнонаправленность установок кажущаяся: желание внимательно, с правильной выучкой хорошо литературоведать, разоблачить, понять устройство и смысл текста, или авторской стратегии, или жанра, или сегмента литературной ситу-

ации подразумевает отнюдь не тотальность повелителя всей литературы, безразлично распределяющего роли, но и не самолюбование эссеиста, которому собственный текст о тексте важнее, нежели первичный текст. Так и получаются лёд и пламя, творческий метод Голубковой-критика, чья первая, в немалой мере репрезентативная книга статей и рецензий вышла под эгидой героически ею же ведомого проекта «Абзац», остающегося форпостом литературного андеграунда в самом высоком смысле слова.

Голубкова не картографирует литературу (преимущественно современную, но отчасти и былую — в книге статьи и о гендерных стратегиях таких заостривших гендерную

проблему модернистских авторов, как София Парнок и Нина Петровская, и о фигурах неподцензурной поэзии, и о перпендикулярном авангардисте Георгии Оболдуеве, и о поэтах, чье место тоже часть истории — Всеволоде Некрасове и Ры Никоновой), но выделяет для себя центральные точки, обозначающие ее личную связность пространства словесности. Здесь не так много имен, несколько более полутора десятков, и за редким исключением относящимся к неподцензурной традиции или ее наследованию; публикации в толстых журналах или литературные премии этих авторов скорее надо относить как раз к неформативности поля словесного искусства, которое Голуб-

Голубкова А. Взгляд сбоку и немного сверху: Статьи, рецензии, комментарии. СПб.: Свое издательство; М.: Проект Абзац, 2016. — 378 с. Тираж не указан. (о) ISBN 978-1-329-70336-0

кова — краешком — касается в теоретическом разделе своей книги. Кстати говоря, здесь, увы, совершенно бесспорные мысли иногда предстают

немного анахроничными, — к примеру, демонстрируемый как прозрение призыв к лингвистическому повороту в анализе поэтического текста находит уже не очень новый ответ в работах Людмилы Зубовой, Наталии Азаровой, Наталии Фатеевой, их учеников и коллег.

С другой стороны, как известно из Аристотеля и Гаспарова, «известное известно немногим», а сближение филологического и поэтического цехов еще не достигло той степени конвергенции, чтобы некоторые вещи были с полуслова понятны и той, и другой стороне, — поэтому такого рода рассуждения (как и тексты о судьбах реализма или экспрессионизма в русской поэзии) помо-

гают выполнить важную роль прояснения и настоящего призыва к пониманию.

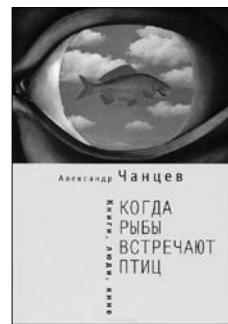
Автору же этой рецензии всё-таки ближе тонкие и убедительные этюды Голубковой, посвященные отдельным авторам — Дмитрию Данилову, Андрею Сенькову, Николаю Байтову, Павлу Жагуну, Марии Галиной, Сергею Солоуху, Алексею Денисову. Это блестящий опыт — как из филологического обзора написанного об авторах можно выйти на метапозицию по отношению к его поэтике, и это, конечно, важнейшая часть книги. Что не отменяет ее целостности, вполне продуманной композиции и нашей настоятельной рекомендации читать ее насквозь. Но внимательно.

Критика как роман

Критику и писателю Александру Чанцеву, кажется, никак не могут забыть его востоковедческое, точнее даже, японоведческое прошлое и настоящее. Собственно, Чанцев его даже подчеркивает, постоянно обращаясь к данному облаку тем, смыслов и стратегий. Но, кажется, дело здесь и в другом: если уж у русской культуры есть подлинно Другое, то это не Запад, не Ближний Восток и даже не Китай, а именно Япония. Не будем в контексте краткой рецензии углубляться в данную — богатейшую — тему, но поиск критического метода Чанцева не может не сталкивать-

ся с попыткой прочтения его аналитики именно через такого рода, извините, амбивалентную специфику личного опыта.

Том разнородных критических и окологитических текстов Чанцева очень солиден и может на первый взгляд показаться собранием крайне разнородных материалов. Полагаем, однако. Что любой достаточно полный сборник работ сколь-нибудь опытного критика не может быть устроен иначе (если, конечно, это не проект, заточенный изначально под вполне определенный формат). В этом смысле важно то, что Чанцев

Чанцев А. Когда люди встречаются: Люди, книги, кино / Предисл. А. Бычкова. СПб.: Алетейя, 2015. — 696 с. 500 экз. (п) ISBN 978-5-906792-32-7

последовательно выстраивает в пространстве книги

сложную структуру голосов, и внутренних, и внешних: не случайно интервью с различными персонажами: первый раздел называется «Голоса» и объединяет интервью или даже более свободные беседы с самыми различными персонажами, от ведущих японистов Александра Мещерякова и Виктора Мазурика до авангардных писателей Анатолия Рясова, Алексея Шепелёва, покойного Виктора Иванова, В дальнейших разделах — рецензии, но и тут Чанцев не желает следовать формальным границам, ему интересны и литература, и музыка, и кино; отечественные авторы соседствуют

с иноязычными, а жанровые предпочтения критика требуют глубинного анализа. Внешнее это разнообразие подразумевает, однако, некий внутренний сюжет, который автор предисловия, Андрей Бычков, обозначает через противостояние постмодернизму — с помощью неконформизма, традиции, наконец, всё тех же японских традиций. Наверное, это правда в определенном смысле, но сами эти способы описания настолько рамочны, что ограничивают любое понимание читаемого монументального тома (а его, в отличие от недавнего же тома Анны Голубковой,

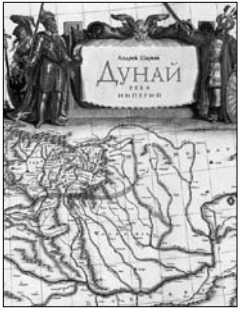
мы рекомендовали бы читать выборочно, может быть, даже произвольно, если конечно, вам не нужна конкретная ссылка или справка).

Дело тут, представляется, вот в чем. Будучи честным критиком, работающем сверхпрофессионально, Чанцев, объединяя тексты, написанные в разном формате и по разным поводам, пишет своего рода нелинейный роман о своем восприятии. Не о себе, но именно о том, что вокруг, но — важно, важно именно ему. По этой книге можно бродить, как по саду расходящихся тропок, но это уже, конечно, не Япония, а Китай.

рецензии

Дунай

По течению и против

Шарый А.
Дунай. Река империй.
М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. —
480 с. 3000 экз. (п) ISBN 978-5-389-09312-6

«Реки бывают знаменитые и неизвестные, знакомые и безликие, безымянные (безымянных только в России десяток) и цветные. За Оранжевой обитают буры и зулусы, за Черной Жорж Дантес стрелял в Александра Пушкина, а Желтой пела группа Christie, а о Белой — Юрий Шевчук. За якутской Синей рекой раскопаны золотые прииски, в долине Зеленой реки южноафриканцы добывают алмазы, в «Красной реке» кобальт Джон Уэйн отстреливался от индейцев, неподалеку от Серой реки гнездятся чилийские пингины».

Безусловно важное значение в культуре людей играет река, причем играть эту роль она начала задолго до появления искусства. Сначала люди воспринимали реку как преграду, затем она стала источником пропитания, предметом промысла, средством эффективного передвижения на далекие расстояния. Мосты через реки становились своеобразными центрами силы, они соединяли разные части городов и вмещали в себя интенсивные экономические движения. Река была и остается до сих пор градообразующим и стратегическим объектом. Но жителям мегаполисов XXI века характерна тенденция отгорожения от мощной энергетики живой природы, города все больше погружаются сами в себя, и только отъехав от них подальше, можно вполне насладиться речной красотой, почувствовать на себе ее чудодейственное влияние, которое чувствовали наши предки. Если повезет, можно встретиться не только с реально существующими живыми организмами, ее населяющими

рыбами и раками, но и мифологическими потусторонними духами, которых часто встречали еще наши бабушки и дедушки, мамы и папы.

«Дунай предлагает прекрасную иллюстрацию того, как дикость человека малопомалу перерастала в исторически продвинутое варварство, как возникали зачатки частной собственности, как исчезало первобытное социальное равенство».

Особняком среди рек стоит (течет?) река Дунай, запечатленная на картинах, воспетая в стихах. Хотя и не самая длинная, но достаточно значительная для того, чтобы стать свидетельницей (и участницей) великих империй, которые строились вдоль ее берегов и распались, греческая, римская, австрийская и османская... Поэтому следует всегда иметь в виду не только благодатную роль реки в истории, но и трагическую, которую она сыграла, оказавшись братской могилой для сотен тысяч погибших во времена кровавых войн разных эпох.

Через Германию и Австрию, через альпийские и карпатские горные цепи до самого Черного моря стремительно мчится река-Дунай, омывая славянские земли, албанские и румынские города и деревни. Поразительно, посвящая этой реке часы, дни и годы молчаливых раздумий. Философы, писатели и поэты, и даже короли, не говоря уже об историках, этнографам и погамологах, ломающих свои головы над морфометрией ее бассейнов и строением сетей.

«По мере того, как полнится река, ее художественные образы взрослеют, мужают, стареют. Это одна из парадигм речной философии. Свободное течение воды подобно току жизни: маршруты непредсказуемы, но конечный пункт, исход определен. Ведь сколь ни широка, сколь ни своевольна река, она обречена на то, чтобы раствориться в море или исчезнуть в песках. Судьба, которую водам Брег и Бригах уготовил Дунай, им самим неизвестно; точно так же юный лирик

Йоганнес Бехер, сочиняя прощальный стих о родной природе, не мог и представить себе, что в будущем напишет государственный гимн Германской Демократической Республики».

Книга Андрея Шарого «Дунай. Река империй» — это кладезь знаний обо всем на свете. Как взрываются ручейки, превращаясь в стремительный поток, так перед глазами читателя проплывают Жюль Верн, Юлий Цезарь, Аполлодор, Арамей родом из Дамаска, прима-балерина Мария Тальони, благодаря которой в мир пришли балетная пачка и пуанты, «человек долга и редкой самодисциплины, трудолюбивый бюрократ» Франц Иосиф Первый, император Австрийской империи и в то же время король Венгрии, который не пользовался телефоном, пишущей машинкой и лифтом, спал на походной железной кровати, и многие-многие другие, и всех Андрей Шарый вспомнил, никого не забыл, всем уделил заслуженное внимание, поэтому перед

читателем предстает не просто публицистический исторический очерк, но нечто гораздо более метафизическое. Она имеет под собой глубинные основания, может быть, поэтому книга буквально была обречена на успех, и только увидев свет, сразу стала хитом продаж. Этот факт очень лестно говорит о массовой отечественной читающей публике, которая все больше открывается на встречу разным формам цивилизованного туризма и вполне может мечтать о семейном сплаве по реке, включающем в себя посещение как минимум десяти городов: Украины, Румынии, Молдавии, Болгарии, Сербии, Хорватии, Венгрии, Словакии, Австрии, Германии — незабываемое приключение, путешествие сквозь цивилизацию «дунайского царства».

«Связь между человеком и рекой, бесспорно, существует потому, что именно к общению с рекой сводятся главные жизненные дилеммы: искать брод или оставаться на берегу, плыть по течению или грести против него?»

Карта душ

«Разумеется, может показаться, что в мире, которым управляют и руководят в масштабе целой планеты, не осталось места связанным с путешествием приключений и тайн; еще бодлеровские странники, отправляющиеся на поиски невероятного и готовые утонуть во время отчаянной вылазки, несмотря на неожиданные беды, обнаруживали в неизведанном ту же скуку, что оставляли дома. И все же двигаются — лучше, чем ничего: глядишь в окошко поезда, несущегося сквозь пейзаж, подставляешь лицо свежести, которой веет от древесной аллеи, смешиваешься с толпой, и что-то пробегает, проходит по телу, воздух пробирается под одежду, твоё «я» начинает расширяться и сжиматься подобно медузе, капля чернил переливается через край бутылочки и растворяется в чернильном цвете море. Впрочем, приятная возможность ослабить привычные узы и сменить униформу на пижаму — школьная перемена, а вовсе не обещание окончательного исчезновения, безумного полета, позволяющего вырваться за пределы обыденного. Говоря словами Бенна, это лишь робкая попытка, даже когда

чувствуешь, что под спорной реальностью распахивается безжалостная лазурь».

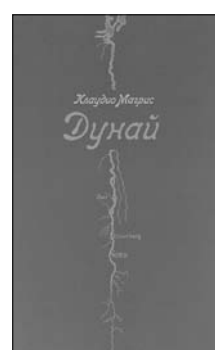
«Дунай» Клаудио Магриса — талмуд для хипстера и путешественника. С ним, как с приятным компаньоном и эрудированным собеседником следует пускаться в полное загадок и приключений странствие от города к городу, от одной мемориальной доски до другой. Книга, посвященная реке, получилась крайне злободневной, философской, приправленный большим количеством исторических анекдотов, душевительных отступлений и размышлений.

Герой Магриса отправляется в путешествие по Дунаю, вооружившись записями авторитетных исследователей, которые он стремится опровергнуть или подтвердить, и проводит свое собственное исследование по каждому из многообразных речных и историко-культурных проблем, постоянно сталкиваясь со скорее философскими аспектами человеческого бытия.

Города, которые посещает герой, путешествуя вдоль реки, полнятся загад-

ками и достопримечательностями. У каждого города есть своя особенная маленькая гордость, своя жемчужина, которую он тщательным выпестовывает и лелеет. Именно в сторону этих драгоценностей обращен взор героя. И он не просто привлекает внимание читателя к факту их существования, но неравнодушно любит-ся ими, рассматривая с разных сторон. Помимо прочего, он задает координаты вселенной их существования. Книга Клаудио Магриса подобна карте звездного неба, она про царящих на небосводе гигантов и карликов. Читатель окунется в культурно-политический дискурс тех стран, которые расположены вдоль берегов Дуная; перед ними откроется расчерченная карта душ тех людей, которые рождались на его берегах и находили там свое последнее пристанище, хороших и плохих, но однозначно достойных памяти о себе. Повествование ведется в изящной язвительной манере с искрометным тонким юмором.

«Как и все писатели «Бури и натиска», Гердер любил реку, юный стремительный поток, что течет по доли-

Магрис К.
Дунай.
СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2016. — 632 с. 2000 экз. (п)
ISBN 978-5-89059-246-0

не, даря ей плодородную жизненную силу: глядя на юный и стройный новорожденный Дунай, я задаюсь вопросом, что я увижу, проследовав вместе с ним до самой дельты, среди разных народов и племен, — арену кровавых сражений или хор человечества, которое при всем многообразии языков и цивилизаций представляет из себя нечто целое. Я спрашиваю себя, предстанут ли передо мной поля сражений — прошлых, сегодняшних или будущих, или «дунайская конфедерация», в нерушимое единство которой безоговорочно верил великий граф Каройи (венгерский аристократ, сумев-

ший стать истинным патриотом и вышедший благодаря социализму за пределы своего общественного класса): граф не отказался от своих убеждений даже когда, будучи изгнанником в Лондоне после того, как в 1918-1919 годах он занимал пост президента Венгерской республики, был вынужден продать плащ, чтобы заплатить бакалейщику».

Начинается все с классического вопроса: где, все-таки, Дунай берет свое начало, в Донауэшингене или Фуртвангене, а может быть в водопроводном кране или, подобно древнему Нилу, неизвестно где? Этот популярный и, по сути, спекулятивный вопрос, служит только поводом чтобы начать общение, так же, как кружка пива или бокал вина является предлогом для приятного времяпрепровождения старых друзей или только что нашедших друга родственных душ. Для героя Клаудио Магриса река Дунай выступает четко очерченной темой разговора: от истока до самого Черного моря она была неммым свидетелем всех человеческих эпох, она питает своими водами берега многих

стран, в каждой из которых на протяжении веков формировался уникальный образ мысли и сложилась определенная система культурных ценностей. Задумавшая, вдумчивая, эмоциональная беседа выходит за рамки вопросов краеведения, выдается возможность посплетничать, выплеснуть то, что давно накопилось, осудить и похвалить.

Трудно поверить в то, что многие гении любили и любят путешествовать или хотя бы бродить, как простые смертные, по берегам рек и черпать свое вдохновение в природных пейзажах. Некоторые из них вели подробные дневники своих вояжей, поэтому, теоретически, каждый сегодня в состоянии пройти по тому же маршруту. И вот на какую интересную мысль герой упорно наталкивает читателя: какими бы выдающимися мыслителями и правителями, писателями и поэтами не были люди прошлого, люди настоящего допустили фашизм и геноцид.

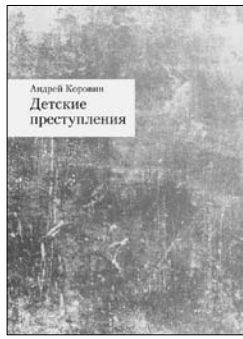
Дунай — символ наднационального многообразия. Но какое будущее ожидает легендарную реку? Угрожает ли ей цивилизация?

Враги попадают в рай

Марина Надеждина

Славный юноша из известного научно-фантастического романа, потерпев аварию на малоцивилизованной планете, никак не мог понять, как может словосочетание «детская преступность» означать не преступления, совершаемые против детей, а преступления, совершаемые детьми. О человеке вообще очень многое можно понять, послушав, как он толкует определенные сочетания слов. Так что же такое «детские преступления»? Что-то смешное своей детскостью или что-то — ею же — страшное? Лапка кузнечика, хвост ящерицы, оставшиеся в неумелой маленькой руке в «бездонное окское лето» — мелочь

или трагедия из «И грянул гром»? «Как мир наш подноженный хрупок / и сколько ж ты душ загубил / личинок пиявок скорлупок / покуда ты маленьким был» Нельзя это было или, наоборот, нужно, чтобы потом, уже большим, не натворить чего похуже? Мир ведь всегда хрупок... А речка Воронка, где «всюду рыбы и я вроде рыбы / потерялся в запретной воде / мы летать или плавать могли бы / я в реке я во сне / или где» — и из которой тебя неизбежно выдергивают на берег, во взрослость и в нерыбью, человеческую жизнь? Не следовало было в нее, запретную, нырять — или не нужно было из нее, запретной, извлекать?

Коровин А.
Детские преступления.
М.: Воймега 2015. — 60 с. 500 экз. (п)
ISBN 978-5-7640-0179-1

Ответы придется искать без помощи автора, но это будет приятный труд. Поэзия Андрея Коровина простор-

на — здесь есть где побродить охотникам за реминисценциями. А можно и не бродить, но просто сесть поудобнее и любоваться игрой смысловых уровней — выразительной, но деликатной, как метаморфозы облаков. Несмотря на эту деликатность, перед нами совсем не «легкие», а в обязательном порядке требующие от читателя работы стихи — даже когда автор лишь хочет показать нам ловлю тайменя на Енисее, калейдоскоп летних дачных хлопот или девушку, поющую в метро песню из мультфильма «Шелковая кисточка» про самый волшебный цветок. Однако эта работа — не «интерпретация текста», а приключение, осво-

ение живого мира. И география этого мира понятна и узнаваема: вот Сибирь, описанная так, что ты почти осязаешь ее; вот Киев — не город не из политических новостей, а другой, вечный, в котором любовь побеждает смерть; вот Крым, «родина мира», ошеломительно простая в своей вселенскости. Вот мегаполис, в котором надо пожить, чтобы еще больше полюбить дела простые, «как груши и сливы». Загадка, возможность приподнять краешек знакомого слова и заглянуть куда-то туда, есть везде. Интонация изящной, сдержанной тайны — одно из самых замечательных свойств поэзии Андрея Коровина. Его загадка уютно чувствует

себя в любом пространстве и времени стиха, в любом способе рассказа — будь то уверенная силлабо-тоника леса и реки или хрупкий городской верлибр; почти детская сказка о перевернутом жуке и небе или грустная философия информационного общества, в котором «все, что мы не сказали друг другу, / разлетится бессмертием в гугле»; чудовищная история о лебедях-людоедах или обманчиво простая песня: «и сколько жизней твоих пройдет / сколько жизней пройдет / пока удача к тебе придет / удача тебя найдет / тогда не бойся и не зевай / не бойся и не зевай / пусть все друзья попадают в рай / враги попадают в рай».

Спасибо, что вообще кукует

Оксана Бек

Перед человеком, взявшимся рецензировать книгу стихов Владимира Вишневого, стоит непростая задача. Даже в некотором роде акробатическая. Потому что сама по себе книга стихов Владимира Вишневого — объект вроде бы реальный (око видит, руки страницы перелистывают, на зуб пробовать все-таки не будем) но все равно перед нами явление на грани природного абсурда. Вроде бумажного издания Википедии или гранитного памятника воздушному шару. Ну, ладно, гранитный памятник воздушному шару еще можно списать на концептуальную шутку юмора современного искусства... А какой была бы идеальная форма для издания Вишневого? Уве-

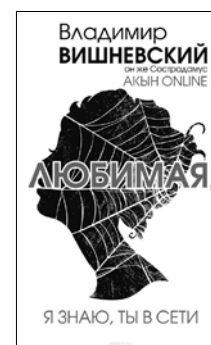
систая стопка карточек наподобие игральные? Чтобы сесть за стол под абажуром и она тебе хлоп — «Не предлагайте нам интим — мы Вашей смерти не хотим!» — а ты ей: «Любимая, да ты и собеседник!», а она не сдастся — «Мечта твоя — не встретиться со мной — по-моему, близка к осуществлению», а у тебя, кажется, козырь: «Боясь, что нам понадобятся слезы... (нет, слезы это слишком адекватно)», а она — р-р-раз и «Мы состоимся при любой погоде», и поди разбери теперь, кто у кого и что выиграл. Или календарь? Понедельник: «О, не буди во мне!.. (да и меня)». Вторник: «Мороз и солнце, день чудесный! Уже проснулся низ телесный». Среда: «Вид из окна — и тот

мы проглядели...» А может быть, даже какие-нибудь особые талончики-билетики, на которые можно обменять... ну, тут уже каждый додумывает в меру собственной испорченности...

А в чем, собственно, проблема, почему говорить о Владимире Вишневском трудно, как о жизни? Да потому, что это, в общем-то, и есть жизнь, уникальный случай диверсии — невероятно наглое и невероятно удачное проникновение литературы в материю бытия. Попросите любого писателя сходу назвать явный, несомненный признак честного, настоящего литературного успеха — с вероятностью 9 из 10 он назовет именно это, взрывание текста спорами-

цитатами, улетающими жить в читательскую речь. В таком случае Владимир Вишневский — папоротник-парадокс из научной фантастики. Вроде бы ни листьев, ни стебля, а споры — вот они, высыпаются тебе в ладонь, кажется, прямо из пустоты или параллельного измерения.

В принципе промышленное производство mots считается дурным тоном. В принципе удивлять этим делом кого-либо уже бесполезно, поскольку в наше быстрорастворимое время этим делом занимается вся креативная молодежь и вся обширная социальная прослойка бегущих, задрав штаны. В принципе постоянное словоизменение вредно для ума и

Вишневский В.
Любимая, я знаю, ты в сети.
М.: АСТ, 2015. — 288 с. 2000 экз. (п)
ISBN 978-5-17-085642-8

развращает. Почему все эти принципы упорно не распространяются на Владимира Вишневого? Ну что же, бывают в природе загадки.

Бывают такие уникальные литературные микровселенные, в которых вот уже сколько лет советский капустаник уживается со средневековым балаганом, политической сатирой XXI века, дзенской мудростью и высоким поэтическим абсурдом на пяточке в четыре слова, и никто никого не ест. «Уже не важно, сколько раз — спасибо, что вообще кукует» — это, кстати, не обязательно про старость. В стране, где диван кончается внезапно, а ваш оппонент в отчаянии кричит: «Зачем так откровенно, на весь зал / Вы все дадите мне договорить?! / Ведь я же вас... я вас перебивал!...» — пусть на здоровье кукует без статистики и прогнозов. Возможно, это и есть вечность.

Вылет из кризиса

Юлия Белавари

«Все это посвящается / Некрасивой улице Хачатуряна / Ничем не напоминающей о композиторе, / И смиренной улице Коминтерна, / Ничем не напоминающей о Коминтерне. / Названия улиц следует уважать, / И то, что они называют, / Также следует уважать, / В любом случае, / Потому что когда на нас снова подует, / Надо будет за что-то держаться, / А держаться за что-то большое и важное / Мы, как показывает практика, / Умеем плохо». Мы живем в ту интересную эпоху, когда трудно представить себе революцию формы, по крайней мере, в духовном и культурном гуманитарном пространстве. Например, прошло уже больше полувека, как общество женщин наделило юридическими и социальны-

ми правами, и они их вместе с обязанностями с успехом освоили; позади уже возможные и невозможные, реальные и виртуальные сексуальные революции. В этих условиях рождается время, когда страшно хочется красоты.

Мария Мельникова на страницах поэтического сборника «Птица, обитающая...» вступает в диалог с культурным пространством, которое ее окружает — с бетонными стенами, асфальтом, железом и пластиком, непрерывной демисезонной грязью, со всей неотъемлемой вонью, сопровождающей маугли каменных джунглей, она поет песню нового века. «Рано или поздно все кончается. / Умный человек не огорчается. / Оби-

жать природу неприятно — / Душенеполное занятие. / Рано или поздно все испортится. / Умный ко клево не воротится. / Уважать потребно сроки годности / Мяса, молока, любви и гордости. / Рано или поздно все состарится. / В сокола нам об пол не удариться. / Нам с тобой положена создателем / Траектория бычка-вздохателя».

В своих стихотворениях автор размышляет на глубоко интимные темы, приглашая читателя на какое-то время стать вуайеристом. Ему долго придется втайне подглядывать за главным героем до того, как он откроет перед наблюдателем потайную дверь, а эта книга — как путеводный клубок, подаренный Тесею Ариадной. Тот, за кем наблюдают,

Мельникова М.
Птица, обитающая...
М.: Издательские решения, 2015. — 54 с. Тираж не указан (о)
ISBN 978-5-4474-0696-7

знает, что за ним наблюдают, потому старается всем своим видом показать, что мир может быть лучше, чем он есть, а также найти виновных,

кого-то кроме нас, наблюдающего и наблюдателя.

В этих стихотворениях немного любви и о любви, немного о бабах и бабьего, можно услышать звуки городского романса, и голос урбанистического разудалого баловства, невинность и невинность сменяются общественным вызовом и политической непримиримостью. Периодические порывы яростного гнева уступают место самоиронии и сарказму, порой выплывают в лицо или в сторону злой насмешкой. Но мощная и необъятная волна родом из детства накрывает все и уносит всех в страну счастья.

Стихи хорошо читать в одиночестве, в кругу друзей, при свечах, перед камином,

или обходясь просто электрическим освещением, впрочем, может быть, лунным, но и солнечное тоже на крайний случай сойдет, запивая вкусным чаем с травами, под органную музыку Баха или под включенный привычным фоном музыкальный тв-канал, их можно читать в тишине и даже по телефону. Они такие же важные, как пение птиц, и говорят о многом. Хотя бы о том, что страна выходит из кризиса или сарказму, порой выплывают в лицо или в сторону злой насмешкой. Но мощная и необъятная волна родом из детства накрывает все и уносит всех в страну счастья.

рецензии

руспроза

Эпос не для всех

Андрей Шилиев

Как же в детстве тяжело понять «Войну и мир» и «Тихий Дон»? А Мелихова нелегко читать и взрослому человеку. А все потому, что на семистах страницах нет ни одного лишнего слова или предложения... Постоянно закрываешь книгу и несколько минут обдумываешь прочитанную фразу или эпизод. «По диагонали» книгу Мелихова не «пробежать»... а если и получится, то это будет бесполезная трата времени — ничего для себя не вынесешь!

Автор создавал свою сагу в течение двадцати одного года! При этом никакой фактурной и стилистической разницы между частями эпоса не чувствуешь — есть одно целое и всеобъемлющее повествование — размышление об Истории нашей страны и судьбах населяющих ее людей от завершения Октябрьского переворота до наших дней. Произведение состоит из трех частей: «Изгнание из рая», «Изгнание из ада», «Изгнание из памяти». Очень трудно поверить, что все написанное — лишь авторский вымысел, уверен, что даже если это не целиком автобиографическое откровение, то, по крайней мере, большая его часть. Представить себе, что все написанное — чисто творческая фантазия — невозможно! Особенно вторая часть, где содержится лагерный дневник заключенного отца героя. Придумать такое нереально.

Книга написана от лица «квартиранта». Этот термин употреблен, поскольку специального названия полу еврея — полу русского в нашем языке не существует. Поэтому все события изложены с его точки зрения и судьбы. Естественно, «еврейский вопрос» понижает все произведение. Но ни в коем случае нельзя считать, что книга посвящена «особому пути Богом избранного народа» и предназначена только для людей, интересующихся этой проблемой. Отнюдь! Она просто является своеобразным фоном для эпохального изображения нашей Истории (у Мелихова это слово всегда с большой буквы, так же как Эдем, Правда, Народ, Единство, Космос и т.п.)

Первая часть — «Изгнание из рая» полностью посвящена детству и отрочеству героя — Льва Яковлевича Каценеленбогена, прошедшим в Эдеме — маленьком шахтерском городке Степногорске, затерянном в бескрайних казахских степях (сорок километров от железной дороги). Дело в том, что вопреки семейным традициям, Лева считал себя истинно русским, и чтобы это доказать, уплетал сало, пил самогон, первым лез в жесто-

кие драки, ковал и точил с братом Гришкой финские ножи, единственный прыгнул с конька высокого дома на кучу ботвы (сломав себе ногу), взорвал в печке бутылку с порохом (потеряв один глаз и всю жизнь ходил со стеклянным). В общем, старался быть во всем первым, в том числе и в учебе — окончить школу с медалью помешали травмы. Жизнь в Эдеме двадцатых-сороковых годов представлена автором объемно и детально: «Только в городе отец узнал, что сапоги имеют размер — до этого он всегда донашивал чьи-то чужие. Подгонять сапог к ноге — это было такой же нелепой прихотью, как подобрать яблоко к размеру рта». Грубые, часто пьяные шахтеры, были, однако, очень гордыми людьми. Они никогда не пресмыкались перед начальством, осуждалось и жестоко каралось любое проявление слабости и сентиментальности. И это относилось не только к шахтерам, но и всему многонациональному населению Степногорска: «Этносов у нас было три: ингуши, казахи и детдомовцы». Естественно, русские и евреи. Позднее, в процессе раскулачивания и политики «переселения народов» прибавились и украинцы, и чеченцы, выходцы из западных областей Белоруссии, немцы Поволжья — всех перечислить проблематично. Так же жили и их дети — в «кепарях» с торчащими

прикосновенность ко всем этим хедерам, цимесам, Руви-мам и ханукам необратимо превращает меня в зачумленного — в чужака, в отверженца, в изгоя, словом, в еврея, хотя еще в точности не знал, что это такое, а справедливо полагал, что еврей это тот, кого считают евреем».

С другой стороны — отец героя — всеми уважаемый и любимый учитель Яков Абрамович, который оказался в этом Богом забытом городишке после пятилетней «отсидки» в воркутинских лагерях по ложному доносу одного из своих научных соратников и последующих многочисленных скитаний по «медвежьим углам» необъятного Союза. Герой, родившийся позже, знал отца как человека исключительного тихого, вежливого, готового по первому зову оказать любому человеку посильную помощь или услугу. С ним здоровалось все население городка, даже завидев издали, кричали «здравствуйте, Яков Абрамович!». Лева очень любил отца, но, взрослея, начал если не презирать, то стесняться его «еврейской» безропотности, абсолютной неконфликтности и стремления «всем угождать». Поэтому настоящего контакта и общения между сыном и отцом не было. Русская мама гордилась званием «воршиловского стрелка», а во время войны окончила школу радистов — диверсантов. Постарев, герой прочтет:

Александр Мелихов

из-под них чубами, «куфейках» без пуговиц, в подвернутых «кирзачах» и у каждого за голенищем финка. В последствие автор противопоставит население Эдема современному обществу «торжества жлобов и лакеев». Герой всеми силами старается уйти от особенностей еврейского быта, чтобы быть частью Народа и ничем не отличаться от окружающих пацанов: «Я яростно сопротивлялся — усмешечками, злой демонстративной скукой — когда уснул, что малейшая

«Но сержант Коростелева тоже была не лыком шита — ложась спать, специально приспосабливала под голову гранату — не хотела, чтобы немцы ее убитую разглядывали, выставляли напоказ, на опознание». И Лев Яковлевич вспоминает свою вечно куда-то спешащую маму...

Далее автор вводит элемент мистики — в холодной, пустой, уже Петербургской, электричке ему является призрак отца под видом седого усатого контролера. Между ними происходит

серьезный разговор (информативностью в отдельную новеллу), и отец передает уже шестидесятилетнему сыну портфель со своим дневником, прося его отомстить потомкам следователя Волчека, который в 1935 году и «посадил» на пять лет молодого и перспективного ученого Якова Каценеленбогена, изломав и искалечив всю последующую жизнь.

Вторая часть эпопеи — «Изгнание из ада» представляет собой лагерный дневник отца с краткими вставками мыслей читающего сына: «На ужин гречневая каша, 120 граммов. И сколько страданий она мне принесла! Не удивляйтесь. И каши же были — крупинка к крупинке, запах божественный, натуральный, но... 120 граммов готовой продукции. Я ее брал в эмалированную кружку и ел чайной ложкой. И стоило добраться до дна, как душа сжималась. Не смейтесь — плакать хотелось. Вот доем последнюю ложечку — и все, больше не будет. Так оно получалось. Съем, и еще хочется. Прямо пустота в горле, в желудке: надо — и нет. И долго меня донимало: еще бы, еще... Стараешься отвлечься разговорами, каким-нибудь делом, а слюнки текут, и живот тянет, и будто сам не свой. Нужна была большая сила воли, чтобы не опуститься, не продать дьяволу за кусок хлеба. Да и вообще сохранить человеческое достоинство, не пойти искать по помойкам, что уже некоторые делали». Повторю — придумать такое невозможно, как бесполезно и пересказывать. Это надо только читать.

Третья и заключительная часть — «Изгнание из памяти». Дневник отца привел старшего героя в полное осознание собственной вины отчаяние. Оказывается, он совсем, абсолютно не знал своего отца. В лагерях тот был способен на смелость и решительность, исключительную выдержку и поступки на грани жизни и смерти. А он-то, дурак самовлюбленный из захватки отрочества считал отца чуть ли не слизняком, приспособленцем и рабским угодником, таким еврейским занудой — непротивленцем. С этого момента Лев Яковлевич посвящает все оставшееся ему в этой жизни время, чтобы выполнить завет отца — найти потомков следователя Волчека и отомстить, рассказав правду об их предке — следователе НКВД. Правда, смущал его один факт, что в дневнике отца тот характеризовал Волчека, как не такого уж и плохого человека. По крайней мере, он не подвергал его пыткам, общался вежливо и даже предупредитель-

Мелихов А.
И нет им воздаяния.
М: Издательство «Э», 2015 — 704 с.
4000 экз. (п) ISBN 978-5-699-84711-2

но. Тем не менее, герой заказывает таинственному Ивану Ивановичу, директору не менее загадочной коммерческой фирмы, предлагающей услуги по восстановлению «родословных деревьев», предоставить ему информацию обо всех потомках следователя Волчека. Результат превосходит все его ожидания. Иван Иванович не только подробно выкладывает все сведения о многочисленных родственниках ответственного работника НКВД, но и устраивает Льву личную встречу с теми из них, кто еще остался в живых. Забегая вперед, отмечу, что в конце книги последней любовью героя станет внучка брата того самого чекиста. Резюме этой составляющей эпоса — следователь и так уже наказан, поскольку не оставил в памяти своих потомков никакого заметного следа. Поэтому дальнейшая месть просто бессмысленна. К тому же автор очень подробно рассказывает историю всех членов «клана» Волчеков, в котором, оказываются и очень достойные, даже героические личности.

Как настоящий, талантливый и эрудированный писатель, Александр Мелихов не просто ведет основную сюжетную линию, но и высказывает свои суждения практически по всем вопросам нашего «Космоса», где все мы — творцы Истории и серые потребители, аристократы и быдло, палачи и жертвы, обитаем. В книге есть все: Гражданская и Отечественная, красный террор, переселение народов и раскулачивание, сталинская, хрущевская, брежневская, горбачевская и наша эпохи. Очень подробно освещены процессы самолетостроения, научные достижения в физике, математике и даже сталелитейной промышленности. Писатель погружает нас в студенческую питерскую волюницу, то в бункер Сталина (которым тот так и не воспользовался, не покинув Москву в самое критическое время), то в быт центра исторической реконструкции «русских викингов» под Петербургом, то

в мир еврейской эмиграции в США и Израиле.

Однако одним из основных вопросов, которым задается герой или автор (в произведении перестает отделять их друг от друга) является противопоставление Правды и Лжи: «Будь я поэтом, я обязан был бы написать гимн лжи, обману, "туфте". Да, гимн! Они спасли людям жизни, они, а не правда. Та правда, которую веками воспевают поэты, которой клянутся и стар и млад, та правда, которую честные родители внушают детям с самых ранних лет, — она, благородная и святая, погубила бы миллионы людей, если бы они ей следовали». Не один раз, при описании совершенно разных жизненных обстоятельств, звучат слова: «Правда — орудие ада на Земле».

Говоря о спасительной лжи, Мелихов имеет в виду, естественно, не мелкую бытовую ложь, хотя и ее тоже, а государственную политику, будь то диктатура или демократия — особенно в вопросе национальных отношений: «Единство (государство) может покоиться лишь на гранитном массиве лжи, ибо только ложь бывает простой и доступной каждому, а любая истина всегда требует многолетних изучений (простому же человеку, этой глыбе, всегда некогда) и в результате рождает целый веер научных школ, утверждающих даже и прямо противоположные вещи». И еще: «Для разжигания национальной вражды, повторяю достаточно рассказывать народам правду друг о друге».

Особое место отводится Правде и Лжи в оценке жизни отцов и дедов, если их еще не забыли, и они дождалась воздаяния со стороны потомков, в чем автор и сомневается в самом названии произведения. Обращение Мелихова к нашему многонациональному народу поражает своей откровенностью и актуальностью (именно сегодня): «Если бы я только мог, то заорал бы на всю Россию: господа, дорожие мои соотечественники, коренные и менее, русские, евреи, грузины, татары, сколько вас ни есть, перестаньте грызть друг друга! На вас надвигается новый мир, в котором вам отведена участь — ну, пусть не рабов, но лугеров! У вас отнимут подвиги ваших отцов, дедов и прадедов! Вы все окажетесь в моем положении — все, чем вы гордитесь, объявят смехотворным! Все хорошее, умное, благородное, будет считаться, есть только у хозяев нового мирового порядка, а вы должны у них только учиться, учиться и учиться, а сами вы ничего не стоите, и предки ваши были такое же дурачье. Но заорать нельзя. Поубьют или убьют».

«Ясная Поляна» — переводной лонг-лист

Соучредители литературной премии «Ясная Поляна», компания Samsung Electronics и Музей-усадьба Л.Н. Толстого, объявили «длинный список» номинации «Иностранная литература». Номинация введена в 2015 году и призвана выбирать самую яркую и значимую зарубежную книгу XXI века и отмечать ее перевод на русский язык. Экспертами номинации являются переводчики, издатели иностранной литературы, журналисты и литературные критики. Премияльный фонд номинации состоит из двух частей: 1 миллион рублей получает лауреат — зарубежный автор, 200 тысяч рублей — переводчик книги лауреата на русский язык.

В длинный список номинации «Иностранная литература» в 2016 году вошло 31 произведение авторов из Австрии, Великобритании, Германии, Индии, Испании, Италии, Португалии, Сербии, США, Турции, Швеции, Франции и ЮАР. Короткий список в этой номинации не формируется, жюри сразу выбирает победителя. Первыми лауреатами в этой номинации в 2015 году стали Рут Озеки за роман «Моя рыба будет жить» и переводчик книги на русский язык Екатерина Ильина. Лауреат 2016 года будет объявлен в октябре. Книги, вошедшие в список номинации, можно по праву считать навигатором в области иностранной литературы для читателей.

В «длинный список» вошли следующие произведения:
Даниэль Кельман. Изменяя мир. — М.: АСТ, 2016;
Джулиан Барнс. Ощущение конца. — М.: Эксмо, 2012;

Слева направо: Александр Ливергант, Наталья Малёва, Наталья Кочеткова, Павел Басинский, Владислав Отрошенко, Владимир Толстой, Алексей Варламов, Евгений Водолазкин

Антония Сьюзен Байетт. Детская книга. — М.: Эксмо, 2012;

Мишель Файбер. Багровый лепесток и белый. — М.: Машины творения, 2009;

Герта Мюллер. Человеческий мир — большой фазан. — М.: «Иностранная литература», №4, 2014;

Арундати Рой. Бог Мелочей. — АСТ, 2015;

Аравинд Адига. Белый тигр. — М.: Фантом Пресс, 2010;

Энрике Вила-Матас. Дублинская. — М.: Эксмо, 2015;

Тициано Скарпа. Венеция — это рыба. — М.: КоЛибри, 2010;

Патрик де Витт. Братья Sisters. — М.: АСТ, 2013;

Мария Парр. Тоня Глимердал. — М.: Самокат, 2015;

Горан Петрович. Снег, следы. — М.: «Иностранная литература», №11, 2015;

Джун Диас. Короткая фантастическая жизнь Оскара Вау. — М.: Фантом Пресс, 2014;

Филипп Майер. Сын. — М.: Фантом Пресс, 2016;

Халед Хоссейни. Бегущий за ветром. — М.: Фантом Пресс, 2016;

Джонатан Франзен. Поправки. — М.: Иностранка, 2011;

Хелен Девитт. Последний самурай. — М.: Азбука-Аттикус, Иностранка, 2013;

Майкл Каннингем. Часы. — М.: Иностранка, 2000;

Сири Хустведт. Что я любил. — М.: Астрель, Corpus, 2010;

Халед Хоссейни. И эхо летит по горам. — М.: Фантом Пресс, 2015;

Чимаманда Нгози Адичи. Половина желтого солнца. — М.: Фантом Пресс, 2011;

Дэйв Эгерс. Сфера. — М.: Фантом Пресс, 2014;

Орхан Памук. Мои странные мысли. — М.: Азбука, 2016;

Джонатан Литтелл. Благоволительницы. — М.: Ад Маргинем, 2012;

Филипп Клодель. Мое имя Бродек. — Эксмо, 2015;

Мишель Уэльбек. Покорность. — М.: Corpus, 2016;

Кристоф Оно-Ди-Бои. Бездна. — М.: Фантом-Пресс, 2015;

Паскаль Киньяр. Ладья Харона. — М.: Астрель, 2012;

Патрик Модино. Ночная трава. — М.: «Иностранная литература», №9, 2015;

Фредрик Шёберг. Ловушка Малеза, Или о счастье жить в плену необычайной страсти, мухах и причудах любви. — М.: Астрель, Corpus, 2012;

Джон Максвелл Кутзее. Детство Иисуса. — М.: Эксмо, 2015.

«Как председатель жюри, я рад, что в прошлом году у нас появилась номинация «Иностранная литература». Мы гордимся списками прошлого и нынешнего года. Вкусы могут быть разными, но эти книги можно смело рекомендовать к прочтению, т.к. это действительно отличная литература. Хочу поблагодарить соучредителя премии компанию Samsung за поддержку и сотрудничество», — сказал Владимир Толстой, председатель жюри премии «Ясная Поляна», советник по культуре Президента РФ.

«С появлением номинации «Иностранная литература» премия «Ясная Поляна» приобрела международный масштаб. Как глобальная корпорация и как соучредитель премии, мы рады вносить свой вклад в поддержку классических литературных тради-

ций не только в России, но и в мире», — отметила Наталья Малёва, руководитель департамента связей с общественностью и спонсорских проектов штаб-квартиры Samsung Electronics по странам СНГ.

«Длинный список номинации «Иностранная литература» — это не просто чтение, но и отражение современных тенденций мировой литературы. Введение международной номинации дает нам возможность вписывать нашу литературу в контекст мировой, и мировую литературу — в контекст российской», — сказал Владислав Отрошенко, член жюри премии «Ясная Поляна», писатель и эссеист.

«Список интересен тем, что в нем представлены не только известные авторы, но и те, о ком мы почти ничего не знали до этого. Благодаря премии «Ясная Поляна» и компании Samsung мы получили возможность открыть новые имена российскому читателю», — отметил Алексей Варламов, член жюри литературной премии «Ясная Поляна», прозаик, исследователь литературы XX века.

«Нет большего ужаса для литературного критика, чем вопрос: «А что можно прочитать?». Как критики, мы можем сказать много слов о конкретном авторе и конкретной книге. Но если нужно советовать книги для чтения, то возникает ступор. А вот этот список из 31 книги — это тот самый рекомендательный список, который можно всем советовать», — прокомментировала Наталия Кочеткова, эксперт номинации «Иностранная литература».

Объявлен шорт-лист «Русской Премии»

Оргкомитет международного литературного конкурса «Русская Премия» и Президентский центр Б.Н. Ельцина объявили короткий список претендентов на премию по итогам 2015 года. В него вошли произведения девяти писателей и поэтов из семи стран мира: Германии, Израиля, Канады, Молдавии, США, Украины и Эстонии. Согласно регламенту конкурса, все авторы, чьи произведения входят в короткий список, являются лауреатами «Русской Премии» и приглашаются в Москву.

Награды новым лауреатам «Русской Премии» будут вручены 26 апреля в Москве, в «Президент-Отеле», на XI торжественной церемонии награждения лауреатов конкурса.

Председатель жюри «Русской Премии», главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин так прокомментировал итоги одиннадцатого сезона премии: «Размечая «длинный список», мы следим за тем, чтобы и разные страны в нем были представлены, и разные писательские поколе-

ния, и разные манеры письма. Но при выборе книг для финала все эти политкорректные соображения отходят в сторону. Остается только один критерий — литература, ее уровень и качество, ее достоинство».

Короткий список «Русской Премии» 2015 года:

Номинация «Поэзия»:

Евса Ирина (Украина), сборник стихотворений «Юго-Восток». Номинатор — издательство «Арт Хаус медиа»;

Капович Катя (США), книга стихов «Другое». Номинатор — издательство «Воймега»;

Чкония Даниил (Германия), книга стихов «Стихия и пловец». Номинатор — издательство «Время».

Номинация «Малая проза»:

Бочоришвили Елена (Канада), сборник рассказов «Только ждать и смотреть». Номинатор — издательство CORPUS;

Макарова Елена (Израиль), повести и рассказы «Вечный сдвиг». Номинатор — издательский дом «Новое литературное обозрение».

Номинация «Крупная проза»:

Гадоль Александр (Украина), роман «Режиссёр. Инструкция освобождения»;

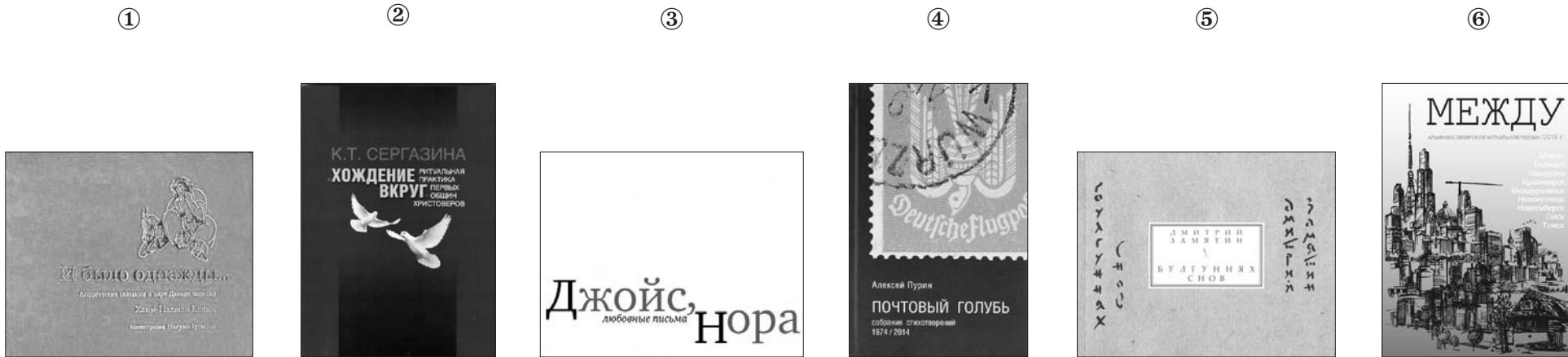
Кожухаров Роман (Молдавия), «Кана». Номинаторы — литературный критик, редактор отдела прозы журнала «Знамя» Евгения Вежляна и писатель, сценарист Леонид Юзефович;

Хомченко Андрей (Украина), «Птица».

В этом году жюри воспользовалось своим правом не присуждать третью премию в номинации «Малая проза».

Специальный приз и диплом «За вклад в развитие и сбережение традиций русской культуры за пределами Российской Федерации» получит Игорь Котюх (Эстония): за плодотворную творческую и переводческую деятельность, поддерживающую и продвигающую русскоязычных поэтов Эстонии; за издание книг, журналов; создание сетевых журналов, где русскоязычные поэты встречаются с русскими собратьями по перу.

Дополнительная информация: +7-495-229-75-89, +7-915-367-57-17; info@russpremia.ru

1 Новое и традиционное

Бялик Х.-Н.
И было однажды... Агадические сказания / Пер. с иврита М.Липкина.
М.: Книжники, 2015. – 88 с. 5000 экз. (п) ISBN 978-5-9953-0374-9

Хаим-Нахман Бялик (1873–1934), великий еврейский поэт, писал и на идише, и на иврите; но важнее то, что обозначил его переводчик Михаил Липкин: «Бялик почитается классиком еврейского национального возрождения, и в первую очередь это относится к языку его произведений»; и далее речь идет об особости бяликовского иврита – который, оставаясь священным древнееврейским языком, «живет новой жизнью, принимает вызовы современности, и при этом сохраняет традиционную оболочку». Двухязычная книга демонстрирует библейские сказания Бялика; двухязычный перевод отсылает к различным уровням еврейской культуры, который, собственно, и пытался воссоздать Бялик, сняв некоторые напластования инерционно-восприятия канонических сказаний о царе Давиде.

2 Народное и официальное

Сергазина К.Т.
«Хождение вокруг»: Ритуальная практика первых общин христоверов.
М.: РГУ, 2015. – 238 с. 200 экз. (о) ISBN 978-5-7281-1673-8

Русским хлыстам посвящены блестящие фольклористские, исторические, антропологические работы – в диапазоне от классических текстов Кирилла Чистова до сравнительно недавних Александра Панченко (я уж не говорю о широко популярных книгах

Александра Эткинда). Тем не менее, и на этом фоне исследование Карлыгаш Сергазина не потеряется. Исследовательница сознательно ограничивается именно историей христоверческих («хлыстовских») культур, не рассматривая смежные народно-православные общины (скопческие, молоканские и др.). Вопреки многим современным работам, Сергазина высказывает гипотезы о целостности православия, лишь условно обозначаемого как «официальное» и «народное». В работе последовательно рассматриваются следственные дела XVIII века, связанные с христоверами, их богословские взгляды и ритуальные практики, а также внеобщинная демонизирующая христоверов мифология.

3 Границы личного

Джойс Н.
Любовные письма / Сост.; Пер. с англ.; Вступ. ст. С.Соловьева.
М.: Арт Хаус медиа, 2015. – 78 с. 500 экз. (о) ISBN 978-5-9029796-95-0

Перевод скандальных и знаменитых писем Джеймса Джойса к жене, Норе Барнакл, обозначен в настоящем издании как первый. Несмотря на фрагменты, переведенные Татьяной Косоруковой, поэт и писатель Сергей Соловьев действительно впервые предлагает русский перевод именно корпуса писем. Старинный вопрос об этичности публикации личных – в данном случае, максимально личных, насколько это возможно представить – Соловьев разрешает своего рода трансформацией текста; по его словам: «для записи... динамики двойничества и промежуток – я выбрал переложение в нерегулярный стих, слегка осветлив тональность». Впрочем, максимальный эротизм переписки влюбленных, находящихся в вынужденной разлуке и вполне сознательно превращающих свою страсть в текст, более чем укладывается в стратегии новейшего искусства, вообще ставящего вопрос о границах личного.

4 Неоднозначные изменения

Пурин А.
Почтовый голубь. Собрание стихотворений. 1974–2014.
СПб.: Союз писателей С.-Петербурга; ООО «Журнал «Звезда», 2015. – 448 с. 300 экз. (п) ISBN 978-5-7439-0224-8

Петербургский поэт Алексей Пурин порою ложно пользуется репутацией автора скорее консервативного, пассивистического. Да, он принадлежал к кругу Ленинграда 70-х, ориентированному на фигуру Александра Кушнера, но это был круг «антиандеграундный», однако ориентированный на сложность, на возрождение модернистских традиций, насыщенный тоской по мировой культуре. Легендарный альманах «Urbi», издававшийся Пуриным совместно с Кириллом Кобринным, докажет своим составом весьма неоднозначность редакторских вкусов. Впрочем, путь поэта может вести к некоторому ужесточению позиций любого сочинения; читателю предстоит самостоятельно убедиться в этом, обратившись к солидному тому собрания пуриновских стихотворений, написанных за полвека: изменения явственны, но интерпретировать их однозначно было бы не так просто.

5 Ландшафт поэзии

Замятин Д.
Булгунных снов: Книга стихов.
М.: Водолей, 2015. – 88 с. Тираж не указан. (о) ISBN 978-5-91763-256-8

Загадочное слово, вынесенное в заголовок книги, означает «мерзлотные формы рельефа в виде куполообразных возвышений с ледяным ядром», чего автор не поясняет. Это сразу намекает нам на две стороны деятельности Замятина: с одной стороны, он профессио-

нальный географ и один из лидеров геопозитики, метафизического краеведения, редактор томов «Гуманитарной географии»; с другой – глубокий и крайне непростой для чтения поэт, работающий с языковым пространством как с ландшафтом, находя самые неожиданные образования на его поверхности. Компактность и герметичность показывает иные возможности, нежели многословие метареализма: «корневище зыблется водянистое речи / в июня чушке щебечущей // многобегающая плещет душа и / ухаёт / щели уластив и шумы ничто / в неуслышимых телесностях юности / комплексующей». Нынешний сборник ощущается как убедительная демонстрация этой позиции.

6 Поиск целостного

Между: Альманах сибирской актуальной поэзии. Вып. №1 / Сост. О.Полежаев, С.Шуба.
Новосибирск: iZZdat, 2015. – 248 с. 200 экз.

Нынешняя попытка собрать сибирскую поэзию как целостность представляет собой среднее между регулярным изданием и антологией. В предисловии к первому выпуску новосибирский филолог и прозаик Валерий Мароши отмечает особую текучесть поэтических кадров из Сибири в столицы (с советских времен и по сей день). Это правда, пространство не вполне обследовано (и грандиозность расстояний между крупными центрами отнюдь не главное здесь объяснение – скорее, речь идет об отсутствии как обобщающего культурного мифа, так и харизматической организационной воли). Первый номер альманаха очень неравномерен; представлены авторы из Абакана, Барнаула, Кемерово, Красноярска, Междуреченска, Новокузнецка, Новосибирска, Омска, Томска, причем весьма неравномерно и не вполне репрезентативно (что видно, к примеру, по новосибирской подборке, очень значительной, но в которой отсутствуют такие фигуры как Евгений Минияров или Андрей Щетников; странно и отсутствие иркутских авторов).

Автор рецензий – Данила Давыдов

Марина Надеждина

Влюблен? Люблю? Зависим?

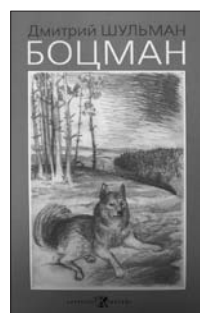
Лоргус А., прот., Красникова О.
Влюбленность, любовь, зависимость. Как построить семейное счастье.
М.: Ника, 2016. – 256 с. – (Путь семейной жизни). 7000 экз. (п) ISBN 978-5-91761-1

Словосочетание «православная психология» кому-то может показаться неожиданным, а кому-то даже странным и пугающим. Впрочем, ничего странного и пугающего в книге «Влюбленность, любовь, зависимость» нет. Да и ничего «специфически» клерикального тоже.

Священник, психолог и ректор Института христианской психологии Андрей Лоргус и его коллега, психолог Ольга Красникова, рассказывают о трех крайне важных явлениях нашей эмоциональной жизни, которые мы, к сожалению, очень часто путаем друг с другом – о влюбленности, любви и психологической зависимости. Авторы беседуют с читателем в простой и доверительной манере, без нравоучений или популяризаторских манипулятивных приемов – и дают немало полезных советов о том, как выстраивать с близкими здоровые отношения, избегать психологической агрессии... просто строить счастливую семью.

Оксана Бек

Медведь, майонез и другие

Шульман Д.
Боцман: Рассказы.
М.: Копирайт, 2016. – 192 с.: ил. 1000 экз. (п) ISBN 978-5-94105-001-7

Мальчишки, откопавшие в поле бомбу времен Великой Отечественной и не придумавшие ничего лучше, чем притащить ее во двор. Десятилетний любитель Джека Лондона, решивший испытать себя одиночной экспедицией в лес. Энергичный геолог, решивший в 90-е подзаработать транспортировкой сквозь дальневосточную непогоду дефицитного майонеза. Беспечный рыбак, ухитрившийся попасть в небывалое ДТП – ночное столкновение автомобиля с кораблем. Вроде бы ничего особо поразительного с ними не произошло, но есть в их немудреных историях какое-то особенное обаяние...

Все герои и события рассказов Дмитрия Шульмана – невдуманные, автор здесь либо главный герой, либо свидетель. «Боцман» – замечательный пример «скромной» автобиографической прозы, в которой непринужденность на грани анекдота сочетается с высоким искусством лирического видения мира.

МИНИСТЕРСТВО
КУЛЬТУРЫ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

ДОМ
ИСКУССТВ

РЕМИКС
Золотой партнер

102.2 FM
Генеральный информационный партнер

15
21
АПРЕЛЯ
2016

ПОЭТЫ И ПИСАТЕЛИ
ИЗ РАЗНЫХ ГОРОДОВ
РОССИИ

ТВОРЧЕСКИЕ ВСТРЕЧИ

ПРЕЗЕНТАЦИИ
НОВЫХ КНИГ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
СЕМИНАРЫ
И МАСТЕР-КЛАССЫ

КОНЦЕРТЫ

КНИГА
УМ

#куб2016

БУДУЩЕЕ

IV ВСЕРОССИЙСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

ПРОГРАММА ФЕСТИВАЛЯ НА САЙТЕ ДОМИСКУССТВ24.РФ

Издательство «Альпина Паблишер»

ищет для заключения авторского договора на книгу

«Knitting Without Tears»

переводчика, выполнившего перевод книги на русский язык.

Просьба связаться с руководителем проектов издательства Марией Шалуновой.

Тел.: +7 (495) 980-53-54; e-mail: m.shalunova@alpina.ru

ЗНАНИЕ-СИЛА

Умный?

Читай журнал
ЗНАНИЕ-СИЛА,
которому уже

90!

8 (499) 235-89-35

www.znanie-sila.ru

КНИЖНЫЙ СДВИГ

ФЕСТИВАЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ НОВИНОК

14 - 21 АПРЕЛЯ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

ЛЮДМИЛА УЛИЦКАЯ
ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ
ЕВГЕНИЙ
ВОДОЛАЗКИН
АВИАТОР

ФЕСТИВАЛЬ
ЛИТЕРАТУРНЫХ НОВИНОК
В БИЛИОТЕКЕ-ЧИТАЛЬНЕ
ИМ. И.С. ТУРГЕНЕВА
БОБРОВ ПЕРЕУЛОК, 6 СТР 1,2
М. ЧИСТЫЕ ПРУДЫ, ТУРГЕНЕВСКАЯ,
СРЕТЕНСКИЙ БУЛЬВАР

WWW
.KNIG
OBOZ
.RU

SACER PETER URBUS

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КНИГОИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРЕМИЯ

Третий сезон

Торжественная церемония вручения премии состоится в рамках Санкт-Петербургского международного книжного салона 26 мая 2016 года в 16.00 в конференц-зале № 1 Михайловского манежа (Санкт-Петербург, Манежная площадь, 6).

Премия задумана как возможность отметить подвижников книжного дела, благодаря которым в России существует и развивается искусство книги.

Награда присуждается по совокупности заслуг, без привязки к «достижениям прошедшего года».

Заявки на соискание премии принимаются до 23 апреля 2016 года.

Читательское голосование для определения приза читательских симпатий проводится на сайте премии с 1 мая и заканчивается за день до церемонии вручения. Приз читательских симпатий вручается одновременно с вручением премии.

СОСТАВ ЖЮРИ

- **Дмитрий Бак**, директор Государственного литературного музея.
- **Всеволод Багно**, директор Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук.
- **Алексей Венедиктов**, главный редактор радио «Эхо Москвы».
- **Алексей Захаренков**, издатель.
- **Марина Лошак**, директор Государственного музея изобразительных искусств.
- **Жорж Нива**, литературовед.
- **Юрий Норштейн**, художник.
- **Михаил Пиотровский**, Президент Всемирного клуба петербуржцев и директор Государственного Эрмитажа.
- **Ирина Прохорова**, издатель.
- **Александр Сокуров**, кинорежиссер.

ЛАУРЕАТЫ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

- Знаток и исследователь книги **Марк Башмаков** (за выдающиеся знания в области искусства книги и продвижение книги художника в России).
- Художник **Анастасия Архипова** (за профессиональное мастерство, продвижение российской книжной графики в нашей стране и за рубежом и служение делу возрождения искусства книги в России).
- Полиграфист **Анатолий Махлов** (за верность и преданность книжному делу в любых обстоятельствах, за многолетнее служение делу высокого полиграфического искусства и искусства книги).
- Искусствовед **Лидия Кудрявцева** (за неоценимый вклад в отечественное искусствоведение и бережное хранение традиций искусства детской книги).
- Редактор **Елена Шубина** (за популяризацию русской прозы, формирование безупречного литературного вкуса и создание высоких стандартов редакционной работы).
- Художник и организатор художественных проектов **Олег Яхнин** (за развитие и продвижение графического искусства, популяризацию книжной графики в нашей стране и за рубежом, неоценимый вклад в воспитание молодых художников).

ВИТА НОВА
ИЗДАТЕЛЬСТВОПУШКИНСКИЙ ДОМ
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Российской Академии НаукВСЕМИРНЫЙ КЛУБ
ПЕТЕРБУРЖЦЕВГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

Контакты оргкомитета: тел. +7 (812) 747-26-35, e-mail: spb@vitanova.ru
Сайт: http://vitanova.ru/knizhnyy_cherv/

**По вопросам размещения рекламы
в изданиях ИД «Книжное обозрение»**

обращайтесь

по тел. (495) 943-67-14; e-mail: adv@knigoboz.ru

Свежий номер «КО» можно купить в магазинах:

В Москве:

«Библио-Глобус»

ст. м. «Лубянка»,
ул. Мясницкая, 6.
Тел. 924-46-80

«Гиперион-БУК»

ст. м. «Римская»,
«Площадь Ильича»,
ул. Рабочая, 38.
Тел. +7 916 613 42 86

«Книги в Билингве»

Кривоколенный пер.,
10, стр. 5.
Тел. (495) 623-66-83

Дом Книги «Медведково»

Заревый пр., 12.
Тел. (499) 476-16-90

«Джаббервоки»

ул. Покровка,
47/24, стр. 1.
Тел. (495) 917-59-44

«Додо»

Рождественский бул., 10/7.
Тел. (495) 628-67-38

Книжная лавка ВГБИЛ

ст. м. «Таганская»-кольцевая,
«Китай-город», ул. Николоямская, 1,
центральный вход. Тел. 915-31-00

«Книжный при музее»

(«Циолковский») ст. м. «Лубянка»,
Новая площадь, 3/4,
Политехнический музей,
подъезд 7Д. Тел. 628-64-42

«Молодая гвардия»

ст. м. «Полянка»,
ул. Б. Полянка, 28. Тел. 238-50-01

Московский Дом книги

ст. м. «Арбатская»,
ул. Новый Арбат, 8.
Тел.: 203-82-42, 203-75-60

«Москва» ст. м. «Пушкинская»,

«Тверская», ул. Тверская, 8.
Тел. 629-64-83

«Фаланстер»

ст. м. «Пушкинская»,
Малый Гнездиковский пер.,
12/27. Тел. 749-57-21

В Санкт-Петербурге:

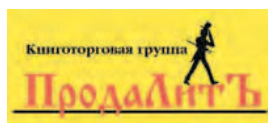
ООО «Санкт-Петербургский Дом книги»

Невский просп., 28.
Тел. (812) 448-23-55

Частное учреждение культуры

«Дворец культуры им. Крупской»
Проспект Обуховской обороны,
105. Тел. (812) 412-45-08

В Иркутске:

«Мир книг»

ул. Фурье, 8. Тел. (3952) 24-05-98

«Книга-маркет»

ул. Улан-Баторская, 2.
Тел. (3952) 52-63-39

«Иркутская книга»

ул. К. Маркса, 12.
Тел. (3952) 201-911

«ПродаЛитъ»

ул. Байкальская, 172.
Тел. (3952) 51-30-70

«ТЦ ПродаЛитъ»

ул. Партизанская, 1.
Тел. (3952) 20-66-07

«ПродаЛитъ»

Советский пер., 1.
Тел. (3952) 51-82-95

г. Ангарск:

«Ангарский ПродаЛитъ»

ул. Ленина, 30.
Тел. (3951) 52-82-69

г. Братск: «Братская книга»

ул. Крупской, 27.
Тел. (3953) 42-85-06

г. Улан-Удэ: «Книжный ряд»

ул. Шумяцкого, 3а.
Тел. (3012) 42-06-83

г. Шелехов: «Шелеховский

ПродаЛитъ»

5-й квартал, 23а.
Тел. (39510) 4-41-01

В Нижнем Новгороде:

Сеть магазинов «Дирижабль»:

ул. Большая Покровская, 46.
Тел. (831) 434-03-05

ул. Большая Покровская, 46.
2-й этаж – Литературное кафе

«Библиотека»

Тел. (831) 433-89-34

ул. Белинского, 118.
Тел. (831) 278-78-47

ул. Щербакова, 2.
Тел. (831) 270-45-66

ул. Советская, 19/2.
Тел. (831) 246-37-85

В Ростове-на-Дону:

Сеть магазинов «Магистр»

Магистр-Чехова

ул. Чехова, 31.
Тел. (863) 263-53-31

Магистр-Универсальный

ул. Б. Садовая, 67.
Тел. (863) 299-98-96

Магистр

ул. Зорге, 68.
Тел. (863) 266-09-10

Магистр-Северный

ул. Королева, 22/30.
Тел. (863) 248-63-87

В Таганроге:

Магистр-Таганрог

ул. Петровская, 42.
Тел. (824) 32-40-01

В Вологодске:

Магистр-Вологодск

ул. 30-летия Победы, 9.
Тел. (292) 7-43-78

В Ставрополе:

Магистр-Ставрополь

ул. Голенева, 49.
Тел. (8652) 26-62-95

В Молдове:

"Liga Presei"

Chisinau, bd. Stefan cel 196.
Тел. +373-22-21-85

В Риге:

Sia Yanus:

Рига, ул. Езуобазницас, 7а.
Тел. магазина (+371) 722-17-78,
722-17-76. Тел. оптового склада
(+371) 722-14 67

На Украине:

ДП «Саммит-книга»

г. Киев, ул. М. Берлинского, 9.
Тел. +380-44-501-93-94

В Берлине:

«Русские книги»

Кантштрассе 84
10627.
Тел. 030/323-48-15

Русский дом науки и культуры

«Русские книги»
Фридрихштрассе 176-179 10117.
Тел. 030/200-76-164

ПОДПИСКА – 2016

Уважаемые читатели!

«Книжное обозрение» – самая авторитетная в России цветная газета о книгах и книгоиздании. В ней вы найдете самую актуальную информацию о книжных новинках во всех сегментах литературы, тематические рубрики, рейтинги продаж, аналитические материалы и обзорные статьи о ведущих писателях и книжном сообществе. Также существует профессиональное приложение «PRO», которое содержит в себе все новости книжного бизнеса.

«Книжное обозрение» – с 1966 года вместе с вами! Спешите подписаться!

Ф. СП-1		Министерство связи									
АБОНЕМЕНТ на газету/журнал		[индекс издания]									
книжное обозрение		Количество комплектов: []									
на 2016 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда []		[]									
(почтовый индекс)		(адрес)									
Кому []											
(фамилия, инициалы)											
ДОСТАВочная КАРТОЧКА		газету/журнал []									
[]		[индекс издания]									
книжное обозрение		[]									
(наименование издания)		[]									
Стоимость	подписки	руб. [] коп. []	Количество комплектов: []								
	пере-адресовки	руб. [] коп. []									
на 2016 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда []		[]									
(почтовый индекс)		(адрес)									
Кому []											
(фамилия, инициалы)											

На всей территории России продолжается подписка на газету «Книжное обозрение» на первое полугодие 2016 года!

(Стоимость с доставкой уточните у оператора почтового отделения)

Подписка осуществляется:

По объединенному каталогу «Пресса России» (зеленый, для г. Москвы – с. 145):

Индекс 50051: газета «Книжное обозрение»;

Индекс 83102: газета «Книжное обозрение»

с PROфессиональным приложением и списком вышедших книг (распространяется ТОЛЬКО по подписке).

По каталогу российской прессы «Почта России» (для г. Москвы – с. 140):

Индекс 12823: газета «Книжное обозрение»;

Индекс 12786: газета «Книжное обозрение»

с PROфессиональным приложением и списком вышедших книг (распространяется ТОЛЬКО по подписке).

Подписку можно оформить в почтовых отделениях связи

Вниманию читателей!

Приложение «PRO» в розницу не распространяется

Подписка через альтернативные агентства подписки

ООО «Информ-система». Тел. +7 (499) 124-04-79; факс +7 (499) 124-99-38; e-mail: info@informsystema.ru

ООО «Информнаука». Тел. +7 (495) 787-38-73; факс +7 (495) 152-54-81; URL: www.informnauka.com; e-mail: alfimov@viniti.ru

ЗАО «МК-Периодика». Тел. (495) 672-70-12; e-mail: info@periodicals.ru; URL: www.periodicals.ru

ООО «Интер-Почта-2003». Подписка только в России.

Тел. +7 (495) 500-00-60; факс +7 (495) 788-00-60; URL: www.interpochta.ru; e-mail: interpochta@interpochta.ru

ООО «Деловая Пресса». Тел.: +7 (8332) 37-72-03, +7 (8332) 37-72-04; e-mail: delpress-zakaz@yandex.ru

ООО «Агентство ГАЛ». Подписка для юридических лиц на территории европейской части России и на Украине.

Тел.: (495) 981-03-24, 788-39-88; e-mail: artos-gal@mail.ru.

ООО «Союзпресс». Подписка в России и Белоруссии. Тел. +7 (495) 675-09-40.

ООО «Агентство «Урал-Пресс»». Подписка в России и странах СНГ. Тел. +7 (495) 961-23-62; e-mail: moscov@urarl-pess.ru

ООО «Альянс Пресс». Тел./Факс: (499) 257-05-24; (499) 257-05-36; (499) 257-05-76 http://www.aliansspressa.com

ООО «Деловые Издания». Тел.: (495) 685-5978, 685-5576; mail: delizd@mail.ru

ООО «Прессмарк». Тел.: (8) 8352-55-10-68; (8) 8352-55-10-93; e-mail: podpiska@pressmark.cbх.ru

Подписка в Литве: Magazines.lt pr. Konstitucii 7, Vilnius LT-09308 Litva, tel.: +370 5248 7244, e-magazin: www.magazines.lt

Подписка на Украине: ООО «ПресЦентр», подписка для физических и юридических лиц. Тел. (1038044) 536-11-75;

URL: prescentr.kiev.ua; e-mail: market7@prescentr.kiev.ua

Подписка на электронную версию газеты: сервисы «Ваша пресса» (www.yourpress.ru) и «ЛитРес» (www.litres.ru)

1

Витки эволюции

Уилсон Э.О.
О природе человека / Пер. с англ. Т.О. Новиковой;
Вступ. ст., науч. ред. А.В. Быкова.

М.: Кучково поле, 2015. – 352 с. 1000 экз. (п) ISBN 978-5-9950-0513-1

Один из мэтров современной эволюционной биологии, Уилсон (дважды удостоенный Пулитцеровской премии, в том числе и – за эту книгу) пытается придать вполне естественнонаучную эволюционную перспективу вопросу о соотношении «природного» и «культурного» в человеке. Анализируя высшие формы религиозного поклонения, Уилсон переходит к мифам и их связующей роли в далеком прошлом, еще до появления письменности, когда охотники рассказывали священные истории о создании мира. «Сложность мифов повышалась по мере усложнения обществ. Люди повторяли сложившиеся мифы, придавая им все более фантастическую природу... Снова и снова в мифах возникала манихейская тема двух высших сил, которые борются за власть над миром людей».

2

Тропинка Истории

Резников К.
Мифы и факты российской истории.
От хилолетья Смуги до империи Петра.

М.: Вече, 2016. – 560 с.: ил. – (Всемирная история). 500 экз. (п) ISBN 978-5-4444-4529-7

Времена бунтов и масштабных перемен не только порождают своих героев и неизбежных «козлов отпущения», но «отражаются» грядущем многочисленными версиями тех или иных событий, а также нюансами их оценок. К тому же – вроде всем знакомые фрагменты истории порой имеют неиз-

вестные окончания. Наглядный пример – освободили от поляков Москву, венчали на царство Михаила Романова, а Марина Мнишек (тоже раньше венчанная на царство и имевшая сына от Дмитрия Самозванца) с казачьим атаманом Иваном Заруцким в марте 1613 года направился к Воронежу, где мятежников догнало государство войско под командованием Ивана Одоевского. Мятежники смогли уйти и весной 1613 года добрались до Астрахани, где Заруцкий поднял мятеж, поведая простому народу, что «*будто литва завладела Москвой*». Часть служивых людей ногайских ханов по воле атамана присягнула ребенку – Ивану Дмитриевичу. После этого Заруцкий отправил посольство в Персию, мол, Астраханское царство хочет перейти в подданство персидского шаха.

3

Тайна слова

Жданов О.
Возвращение к языку.

М.: Олимп-Бизнес, 2016. – 96 с. 500 экз. (о) ISBN 978-5-9693-0316-4

Наше время дает возможность писать и публиковать свои тексты, пусть и в виртуальном пространстве, практически каждому. Почему же гениальных произведений не становится больше? «С годами я понял, что бывает несколько видов композиции во всем, что касается искусства и жизни: мерзкий шаблон, прекрасная традиция, асимметрия и полный хаос... Ты читаешь Пушкина, у которого язык, образы, сравнения, композиция как целая вселенная. И вдруг тебя заставляют писать сочинение по форме... Литературу, даже современную, в такой шаблон не засунуть...» Автор этого исследования рассматривает русский язык как будто заново, возвращая свежесть и значимость образам, метафорам, сравнениям, предлагая осознать многообразные способы выражения эмоций и впечатлений, а возможно и придумать свои собственные.

4

За прилавком

Томпсон Д.
Супермодель и фанерный ящик. Шокирующие истории и причудливая экономика современного искусства / Пер. с англ. Т.М. Шуликовой.

М.: Центрполиграф, 2015. – 350 с. 4000 экз. (п) ISBN 978-5-227-05657-3

Что можно считать современным искусством и как на нем можно заработать? Томпсон увлекательно рассказывает о современных художниках и акционных домах, меняющиеся рынке и изменчивой моде на направления и мэтров, торговцах искусством и его коллекционерах. Среди страстных коллекционеров, не обладавших при этом большими ресурсами, были Герберт и Дороти Фогели, жившие в небольшой съемной квартире на Манхэттен. Они тратили почти все деньги для покупки предметов искусства. «Иногда художники вознаграждали их преданность тем, что дарили им картины. По некоторым сведениям, Фогели получили в подарок коллаж художника-инвайронменталиста Христо Явашева в обмен на то, что присмотрели за его котом».

5

Века традиций

Прозоров С.
Ислам как идеологическая система. Т. II.

М.: Наука – Вост. Лит., 000 "Садра", 2016. – 365 с. 500 экз. (п) ISBN 978-5-906016-93-5

В академическом издании, написанном известным российским ученым-востоковедом, разбираются вопросы суфизма как формы истолкования и бытия ислама, а также вопросы толкования Корана. «Наиболее объективным представляется комплексный подход к переводу Корана с использованием лексики доисламской и раннеисламской арабской поэзии... В мусульманской экзегетике находили отражения новые реалии

мусульманского мира, историко-культурные традиции мусульманских народов, региональная специфика, приверженность авторов разным богословско-правовым школам и течениям ислама и т.д.». Прозоров подчеркивает, что переводы сакрального текста востребованы и у не исповедующих ислам, но интересующихся историей культуры мусульманских народов на основе оригинального материала главного источника вероучения. Вторая глава содержит комментированные переводы с арабского («Верования арабов во времена ал-джахилии», «Основы вероучения»). В третьей рассматривается суфизм. Четвертая часть посвящена академическому исламоведению и исламскому образованию в России, затем следуют глоссарий и указатели имен собственных, названий династий религиозно-философских школ, идейных течений, народов, племен, этнических групп.

6

За порогом бытия

Проект 018. Смерть?

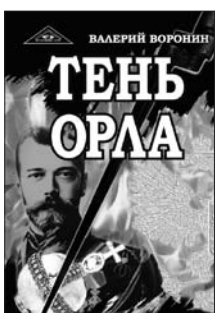
М.: Эксмо, 2016. – 384 с. – (От авторов Проекта «Россия»). 10000 экз. (п) ISBN 978-5-699-80569-3

«Ни одно современное государство не берется за преодоление смерти, потому что, а зачем это нужно государству? Оно что, сильнее от этого станет? Напротив, это ослабит государство. Его конструкция рассчитана на смертного человека. Бессмертие породит разрушительные тенденции». Манипуляции на выборах опираются на использование слабых мест среднестатистического наблюдателя. Волящие в мировых элиты энергичные выходцы из нашего общества оказываются пропитанными мифами, иллюзиями и шаблонами былого. Эти функционеры и бизнесмены оказываются устремлены на удержание и расширение своей власти. Да и строки в бюджете на опыты с мышцами, без философского осмысления оказываются мало. Достаточно вспомнить про концепцию «золотого миллиарда».

Автор рецензий – Алекс Громов

Одд Локи

Следы былого

Воронин В.
Тень орла: Роман-хроника: Трилогия.
М.: Амрита-Русь, 2015. – 512 с. 2000 экз. (п) ISBN 978-5-00053-409-0

В издании рассказывается о мало известном сейчас историческом факте – о том, как император Николай II пытался в самом начале своего царствования предотвратить войны в Европе. Упоминается Гагская конференция 1900 года. Описана жизнь императорской фамилии в Крыму.

«После обеда Николай II принимал делегацию из Ялты. Обычные люди, обычные прошения, все как всегда. Вспомнилось: последний раз ялтинцев принимал его отец – император Александр III. Да, люди уходят, на их место становятся другие, а разговоры и просьбы одни и те же. Так было до него, так и при нем, и так будет после него».

В тексте рассказывается о крещении Руси и ее внутренней связи с Византией, об истории всего рода Орловых и судьбе Алексея Орлова.

Арти Д. Александер

Тучи, молнии, сила

Магиум Советикум.
Магия социализма / Сост. Г. Гусаков, С. Чекмаев.

М.: Снежный Ком М, 2016. – 400 с. – (Антология). 1000 экз. (п) ISBN 978-5-904919-94-8

Если бы в Советском Союзе освоение скрытых возможностей человека и природы было поставлено с таким же размахом, как и, скажем, индустриализация, то облик страны мог оказаться иным. А вот каким именно – об этом и размышляют на страницах антологии Тим Скоренко, Андрей Дашков, Алекс Громов, Ольга Шатохина, Андрей Марченко, Юлия Рыженкова, Владимир Венгловский и другие авторы. Особого внимания достойна повесть «Штык, катана, котел» из цикла «Цивилизация наркомов»: «...Завтра снова разводите руками тучи, метайте молнии, выводите из берегов реки, генерируйте смерчи и обрушивайте их на врагов. Мог он, Иван Черномазов, сын простого тамбовского крестьянина, еще недавно даже мечтать о том?..» Но когда Прошлое и Будущее тесно переплетены в стремительном Настоящем многое становится возможным.

фантастика

клуб

НОВОСТИ

Плоское зеркало

Ольга Быкова

Серия «Русская фантастика» выходит в издательстве «Эксмо» с 2003 года. Первоначально в ней выходили больше авторские романы, но постепенно издание сместилось к формату сборников, ежегодных или тематических (просто апокалипсисы, зомби-апокалипсисы, городская фэнтези, приключения на Земле, приключения в космосе и несть им числа). Наиболее яркой их чертой, пожалуй, можно назвать особое внимание к проблеме человеческого выбора и отнесенности действий к Земле (а в частности — России), разных времен и «состояния».

Вперед
в будущее

Звезда драматического сериала «Нереально» канала Lifetime Фредди Строма получил главную роль в пилоте сериала ABC «Time After Time», который курирует известный сценарист Кевин Уильямсон. Строма сыграет писателя-фантаста Герберта Уэллса.

В потенциальном сериале, взявшем за основу роман Карла Александра «Путешествие в машине времени» и одноименный художественный фильм режиссера Николаса Мейера, рассказывается об эпическом путешествии во времени молодого Герберта Уэллса. В фильме 1979 года роль Уэллса исполнил Малкольм Макдауэлл.

Уильямсон напишет сценарий и выступит исполнительным продюсером «Time After Time». Маркос Сига, работавший с Уильямсоном в сериалах «Настоящая кровь» и «Последователи», снимет пилотный эпизод.

Кроме того, Строма, которого любители «поттерианы» помнят по роли Кормака Маклаггена, в самом ближайшем времени предстанет в образе Дикона Тарли, младшего брата Сэма Тарли, в шестом сезоне сериала «Игра престолов».

Мистер Среда

Звезда «Дедвуда» Йен Макшейн получил ключевую роль в адаптации фантастического романа Нила Геймана «Американские боги».

«Когда ты описываешь такого любимого персонажа как мистер Среда, ты заходишь в интернет и ищешь того, кто бы подошел не его роль, — сказал Гейман. — Я пересмотрел сотни предложенных имен, и только несколько, как Йен Макшейн, заставили меня ухмыльнуться. Мне уже раз повезло посчастливилось работать с ним в фильме — он был ярко синий, анимированный и, вероятно, поляк (имеется в виду мультфильм «Коралина в стране кошмаров»). — Прим. ред.) Теперь мне повезло еще больше? Он совершил путешествие из «Лавджой» в «Американские боги». Вчера был супер вторник. Сегодня — великолепная среда!»

Подготовил Даниил Мартин

Человек
как функция

Сборник из 38 рассказов на самые разные темы вполне соответствует непримечательному общему названию. Получилась довольно пестрая картина, в которой представлены едва ли не все жанры фантастики, разнящиеся по идеям и качеству исполнения. Гораздо проще сказать, чего здесь точно нет — стимпанк и однозначности. Каждый рассказ, не важно, понравится он или нет, будет оставлять странные впечатления из разряда «где-то я это уже читал» вкупе с ощущением недовыраженности чего-то большего, и что хотелось бы узнать.

Несмотря на преобладание мужского коллектива в содержании сборника, почему-то хочется все же назвать его «женским» по атмосфере. И дело не только в большом количестве главных героинь, а в некой эмоциональной чувственности. Практически все тексты несут в себе определенную «ноту» на разные лады: тоска, печаль, грусть, сожаление, раздражение, надежда, иногда обрывающиеся в растерянность.

Эти перепады настроений можно связать непосредственно с возрастом героинь, едва достигающих двадцатилетия. Весь мир, каким бы он ни был, лежит перед ними. Но дальнейший путь в череде случайных или намеренных действий закручивается сложной спиралью, приводящей либо к изменению («Последнее танго на Марсе»), либо полному разрушению привычной действительности («Семь я Инны Игнатовой»). Так у Натальи Витько в «Время собирать» студентка с кафедры хрономатематики случайно создает эффект передачи своего времени другому человеку. Но в первой партии выпущенных «минутниц» оказался брак — отсутствовал предохранитель, и поэтому при передаче отдавалось все накопленное время сразу. Открытие теперь может привести к большим последствиям, и героине предстоит это как-то исправить. Хорошая идея, весьма напоминающая фильм Эндрю Никкола «In Time», вновь остается под конец бессмысленно скомканной.

Прыжки во времени в «Механике» Александры Гардт — штука тоже не новая, как и использование их для спасения если не всего человечества, то хотя бы его части. Чем главная героиня и занимается. Вот только при-

Русская фантастика-2016.

М.: Эксмо, 2016. — 832 с. — (Русская фантастика). 3000 экз. (п) ISBN 978-5-699-85356-4

чина ее геройства остается смутной, потому что повествование раздроблено на отдельные фрагменты, в том числе от лица Механики — сохраненного сознания умершего парня, с которым она однажды встретилась. В итоге появляется мысль, что все происходящие катаклизмы, которые героиня разруливает — лишь результат их эгоистичных желаний быть вместе, противоположный «миру во всем мире», как заявлял Механика в начале. Это символично подтверждают парадоксальные суждения, обрамляющие рассказ: «любовь — это война» и «война — это любовь».

Технологические сюжеты, конечно, не единственные для такого пестрого сборника. Здесь есть и фэнтези — например, «Страж» Вячеслава Бакулина, где классическое сражение рыцаря с драконом показано от лица последнего. Что-то вроде ирландской народной фантастики — «Откуда берутся баньши» Юстины Южной, где рассказывается история феири, потерявшей свой дом. Из экстравагантного — детектив для фотографов с элементами мистики («Коллекционер») или детектив про писателя «Тени Бога» Дмитрия Казакова, в котором представлено довольно интересное устройство общества. Что было бы, если писатели заняли место певцов, устраивая концерты с профессиональным чтением своих текстов, снимая на них клипы и крутя в чартах по радио?

Можно так же встретить и довольно редкое в современной фантастике повествование от лица зооморфных рас. Необычен рассказ «Старый, облезлый, хитрый» Бориса Богданова про разумных сурикатов, создавших, видимо, после традиционного апокалипсиса, новую биологическую цивилизацию и занимающихся изучением «наследства» прошлых технологий. Или «Тише, мыши» К.А.Териной, про великое противостояние мышей и котов. Но все они оставляют поверхностное впечатление, не затрагивая сложных социальных или философских вопросов.

Тем не менее, есть несколько примечательных вещей, в которых так или иначе, оказались схожие темы. «Одобрение» Андрея Буянова, «Функция» Дмитрия Казакова и «Не тот уровень» Дмитрия Лукина связаны слегка антиутопичным обществом, в котором технологии (как в общем, так и отдельно, в виде социальных сетей) исподволь изменяют жизнь человека, доводя ее до абсурда и простой функции. Но в каждом случае исполнение даже бессмысленных действий остается выбором самого человека.

С одной стороны, такое многообразие рассказов хорошо тем, что можно побывать в совершенно разных мирах в пределах одной книги. С другой же — не всегда удается понять, а для чего этот мир вообще был создан?

Полдень
отменяется

Сборники произведений по мотивам романов братьев Стругацких выходили и прежде. Самые известные из них — это трехтомное «Время учеников» конца 90-х годов. После была создана отдельная межавторская серия «Миры Стругацких: Время учеников, XXI век», в которой вышло еще два тома. Но и на этом использование мира Полудня не закончилось. В 2011 году на волне, видимо, относительно недавней аннотации «Обитаемого острова», родился «Проект Аркадия и Бориса Стругацких «Обитаемый Остров»», где вышло 16 разных романов.

Новый сборник выделяется тем, что в нем впервые

опубликованы два текста Стругацких: статья «Современная зарубежная научная фантастика» (где под современностью стоит подразумевать 60-е годы) и рассказ «Погружение у рифа Октопус», созданный писателями примерно в это же время. Узнать их историю более подробно можно из статьи Григория Панченко «О странствующих и путешествующих — какими вы не будете», где автор дает краткий экскурс в творчество братьев в целом. Он небольшой, и проникнуться тем, о чем идет речь, смогут только знакомые с большей частью работ Стругацких, и довольно основательно. А вот анализ статьи про зарубежную фантастику, напротив, полезен в «образовательном» плане, так как дает представление не только об эпохе, когда были созданы рассматриваемые писателями романы, но о журналах фантастики того времени.

Весьма интересно увидеть отзывы советских мэтров на произведения Р. Шекли, Р. Брэдбери, А. Кларка, С.Лема и даже японского прозаика и фантаста Кобо Абэ. Но еще лучше — сравнить их представление о настоящей литературе с тем, какая она сейчас, и понять... что ничего не изменилось. Время с тех пор ушло далеко вперед, но качественная фантастика по-прежнему «не есть литература пророчеств и предсказаний», а именно о настоящем, «плоское зеркало», которое «подчеркивает

Мир Стругацких. Полдень и Полночь.

М.: Эксмо, 2016. — 512 с. — (Русская фантастика). 3000 экз. (п) ISBN 978-5-699-84824-9

что-то одно и приглашает другое, но действительность изображает верно». Каждый, конечно, воспринимает по-своему, но суть ее от этого не меняется, подобные произведения и становятся в последствии классикой.

Сборник тщательно маскируется под канон, разделен по содержанию на чистый «Полдень», «Полночь», и зачем-то их «смесь», в нем можно встретить знакомых героев из оригинальных романов (Каммерера, Абалкина, Костылина) — все это вполне соответствует атмосфере оригинала. Любители Стругацких, возмущенных — какими вы не будете», где автор дает краткий экскурс в творчество братьев в целом. Он небольшой, и проникнуться тем, о чем идет речь, смогут только знакомые с большей частью работ Стругацких, и довольно основательно. А вот анализ статьи про зарубежную фантастику, напротив, полезен в «образовательном» плане, так как дает представление не только об эпохе, когда были созданы рассматриваемые писателями романы, но о журналах фантастики того времени.

Нельзя сказать, что произведения не вписываются в мир Полудня. Они вполне себе яркие, герои — как на подбор, славные работы во имя коммунизма и великой звездной экспансии, живут ради труда и со своей советской смекалкой играючи решают любые возникающие проблемы. Да и проблемы эти вовсе не мирового масштаба, а скорее «технические», вроде самовольных роботов, лихо строящих дороги и каналы на Марсе. Тоска по светлостному миру несвершившейся утопии не нова для фантастики. Но именно в этом случае, касательно советского прошлого и коммунизма — превращается в уже запыленную ностальгию. Может, прав был Каммерер, говоря в начале своих «мемуаров» — «считайте это признаком старческого интеллектуального вырождения»? Останемся оптимистами. Прошедшую эпоху забывать нельзя, обращаться к ней — надо, только не пытайтесь повторить то, что уже стало классическим.

клуб

Фантастическое
совершеннолетие

С 17 по 20 марта в двух форматах, в одном из московских клубов и в подмосковном пансионате «Лесные дали», прошла Международная литературная конферен-

ция в Санкт-Петербурге. Есть и более массовые сборища. Скажем фестиваль любителей ролевых игр в Казани «Глипкон»... Но «Роскон» уже... да, собственно, все

В какой-то момент «Роскон» начал дружить с известным сетевым конкурсом рассказов, написанных за ограниченное время на заданную тему, «Рваная грелка» и вот теперь каждый год на фестивале подводятся итоги «Роскон-грелки».

Но и на этом не остановились. Вот уже несколько лет на фестивале проводится конкурс «Рассказ за час». Авторы вынуждены создать произведение так же на заданную тему строго за 60 минут. В конкурсе участвовал даже Майкл Суэвик. И он так же был отмечен ИСП, все же этот союз действительно пригласению в Россию в этом году.

Второй раз был проведен организованный совместно с Литературным институтом конкурс пьес «ЛитоДрама» в номинации «Фантастиче-

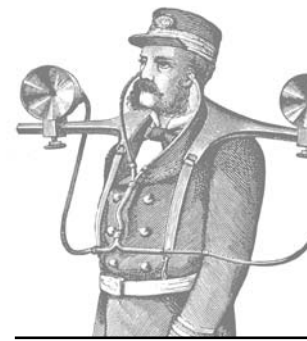
«Росконе» условия были еще жестче – выбранный сверхкороткий текст должен был еще и содержать явный фантастический элемент.

Из традиций хочется отметить главные голосовые награды фестиваля. Главное в них – номинационные списки. Они библиографические. У «Роскона» нет ни жюри, ни группы номинаторов. В лонг-лист главных премий входят все произведения, датированные годом, предыдущим году проведения фестиваля. Составляют эти масштабные списки профессиональные библиографы. Многие из них, кстати, связаны с «Книжным обозрением» – это не так давно ушедший от нас критик и литературовед Александр Ройфе, критик Евгений Харитонов. В этом году библиогра-

этапе – опять же все. Так выбираются три лауреата по номинациям «Роман» и «Повесть, рассказ». Раньше так же определялись и лучшие в номинации «Критика, публицистика, эссеистика», но с прошлого года премия поменяла формат. Теперь она носит имя Александра Ройфе – некогда ответственного секретаря «КО», одного из организаторов «Роскона». И голосует за нее профессиональное жюри – лауреаты прошлых лет. Также недавно появилась новая номинация «Межавторский проект», то есть книга, написанная в рамках готового мира, либо придуманного другим автором, либо компьютерного. Это новое явление в книжном мире решено было оценивать отдельно от авторских романов.

Из развлекательной программы хочется отметить программу короткометражек по мотивам рассказов Стивена Кинга. Если кто не знает: мастер саспенса отдаст права на экранизацию своих новелл всего за один доллар, и во всем мире есть движение Dollar Baby Film Festival. Уже третий раз лучшие его новинки показываются на «Росконе». Звездой этого года стала режиссер Анна Шапиро, показавшая профессионально снятую психологическую киноновеллу «Сошедшую с рельсов» (по мотивам рассказа «Уилла»).

В общем, особенность «Роскона» – сочетать традиции старого фэндом и новые веяния актуаль-

НОВОСТИ

Роскон-2016

Как все происходило, вы можете прочитать на основной полосе, а вот итоги конвента.

Приз «Фантаст года» (самый рейтинговый писатель-фантаст) – Дмитрий Глуховский;

Большой РОСКОН (за вклад в фантастику) – Майкл Суэвик;

Приз «Алиса» (лучшее произведение детской и подростковой фантастики) – Сания Шавалиева «Истории от Карманкула»;

Премия от ФНПР «Час быка» (лучшая социальная фантастика) – Алексей Калугин «Мир Кластеров»;

Премия им. Александра Ройфе – Евгений Харитонов «Фантастический печатный самиздат 1966–2006 г. СССР. СНГ. Россия»;

Конкурс 100%-ая фантастика (лучший НФ-роман, приз – гонорарная публикация) – Александра Ковалевская «Война моря и суши»;

Специальный приз оргкомитета – Саша Кругосветов.

Роман:

1 место («Золотой РОСКОН») – Генри Лайон Олди «Побег на рыбок»;

2 место («Серебряный РОСКОН») – Анна Одувалова «Бабочка на ее плече»;

3 место («Бронзовый РОСКОН») – Сергей Лукьяненко «Шестой Дозор».

Повесть, рассказ:

1 место («Золотой РОСКОН») – К.А.Терина «Черная дыра вместо сердца»;

2 место («Серебряный РОСКОН») – Александра Давыдова «Кемь»;

3 место («Бронзовый РОСКОН») – Евгений Лукин «Прошка с большой буквы».

Межавторский проект – Никита Аверин «Метро 2033: Крым-3. Пепел империй»;

Роскон-Грелка – К.А.Терина;

Рассказ за час – Максим Александров;

Спецприз от Международного союза писателей – Айнура Сибгатуллин, Майкл Суэвик;

Проза-слэм – Дарья Зарубина (бесплатное посещение Роскона 2017 года);

Денежный приз с аукциона – Антон Свириденко;

Спецприз бесплатное посещение Бу!феста – Евгения Виль;

Читка фантастических пьес: лауреат – Елена Щетина «Ждаль», дипломант – Константин Шабалдин «Гостиница «Солярис»».

Подготовил Даниил Мартин

Сергей Лукьяненко и Майкл Суэвик. Фото Юлии Рыженковой

ция по вопросам фантастики «Роскон». Прошла в 16-й раз. И в третий раз в двух форматах. Что это значит? В течение четырех дней за городом проходил так называемый «Роскон-про» – состоялось несколько десятком мероприятий для профессионалов и тех, кто сами себя называют «продвинутые фэны». Сюда съехалось более 200 писателей, издателей, переводчиков, литературных критиков, художников и читателей из самых разных городов и регионов России, а также из других стран. Почетными гостями в этом году стали Майкл Суэвик (США), Сергей Лукьяненко, Ник Перумов, Вадим Панов, Роман Злотников, Олег Дивов, Евгений Лукин (Россия), Генри Лайон Олди (Украина). А в субботу и воскресенье уже в городе проходил большой праздник для любителей фантастики всех возрастов. Здесь были костюмированные баллы и яркие выступления, работали аниматоры, продавались сувениры и аксессуары с фантастической тематикой, и, конечно, были встречи с наиболее популярными писателями из тех, кто приехал на «Роскон-про». В его работе также приняли участие автор мирового супербестселлера «Половинный код» писательница Салли Грин (Великобритания) и автор популярной серии «Метро» Дмитрий Глуховский (Россия). В общем, было два «Роскона» – профессиональный и развлекательный.

В чем особенность «Роскона»? Он не самый древний. В России есть конвенты более старые. Скажем, «Аэлита» в Екатеринбурге или «Интерпрескон»

Олег Дивов – борьба за трезвость. Фото Милослава Князева

16 лет, с первого конвента в январе 2001 года, по праву считается самым представительным собранием профессиональных, активно работающих писателей-фантастов. Официальный партнер «Роскона» издательство «Эксмо» ежегодно привозит сюда своих ведущих авторов.

Но и менее известным писателям здесь есть чем заняться. Для начинающих писателей из тех, кто приехал на «Роскон-про». В его работе также приняли участие автор мирового супербестселлера «Половинный код» писательница Салли Грин (Великобритания) и автор популярной серии «Метро» Дмитрий Глуховский (Россия). В общем, было два «Роскона» – профессиональный и развлекательный.

сая пьеса». Сначала профессиональные драматурги составили «короткий список», оценивая «драматургические достоинства» произведений. Потом фантасты выбрали две из них уже по «фантастическим достоинствам». Их прочитали на «Росконе» силами участников фестиваля и общим голосованием определили лауреата и дипломанта.

Было и абсолютное нововведение. Впервые в этом году проходил Фантастический прозослэм. Поэтические слэмы – привычная забава московских поэтов, там авторы читают стихи и оцениваются залом по двум параметрам: качество текста и артистизм исполнения. Всего дважды в истории – на Волошинском фестивале в Коктебеле – проходил прозослэм. Прозаикам было труднее, чем приходилось поэтам – не так трудно уложиться в три минуты чтения со сцены со стихотворением, как выбрать такой же короткий отрывок прозы. А на

Дуэт Генри Лайон Олди – Дмитрий Громов и Олег Ладьяженский. Фото Милослава Князева

фию составлял также давний автор «КО» Сергей Шикарев... Все гости и участники конвента голосуют в первом этапе, и по его результатам выбирается десять произведений в шорт-лист. За них голосуют во втором

этапе. По его результатам выбирается десять произведений в шорт-лист. За них голосуют во втором

От редакции: Рассказ о городской части Роскона-2016 читайте в следующем номере «КО».

КИНО И КНИГА

КЛУБ

НОВОСТИ

Он снова там

В комедии о возвращении диктатора итальянцы заменяют Адольфа Гитлера на Бенито Муссолини. Речь идет о немецком фильме «Он снова здесь» по роману Тимура Вермеша, снятом в 2015 году Давидом Венндтом. Теперь итальянские кинематографисты хотят снять ремейк этой политической сатиры.

В оригинальной картине нацистский лидер возвращается в современную Германию и становится звездой собственного телешоу. По сюжету он потерял память о событиях, произошедших после 1945 года. В Германии лента стала хитом, заработав в прокате \$21 млн.

В итальянской версии встреча с современными реалиями ожидает Муссолини, который возглавлял страну как премьер-министр в 1922–1943 годах. Ремейком будет заниматься компания Indiana Production. «Мы очень счастливы работать над такой выдающейся концепцией», — заявил сооснователь и партнер Indiana Production Марко Коэн. По его словам, адаптация сценария уже началась.

Пьюрити против Бонда

Дэниел Крэйг вряд ли вернется в бондиану из-за нового сериала. По имеющейся информации, артисту предложили роль в телевизионной экранизации книги Джонатана Франзена «Пьюрити». На данный момент заказано 20 эпизодов, что может осложнить возможное возвращение Крэйга к роли агента 007.

Официальной информации о том, что актер хочет попрощаться со шпионской франшизой, пока нет. Ранее Крэйг заявлял, что пока не принял решения относительно своего дальнейшего участия в бондиане.

Крэйг впервые сыграл Бонда 10 лет назад в фильме «Казино «Рояль». Четвертая картина с его участием — «007: Спектр» — заняла второе место в списке самых кассовых фильмов Великобритании 2015 года, уступив лишь ленте «Звездные войны: Пробуждение силы».

Отмечается, что продюсером «Пьюрити» выступит Скотт Рудин, который работал с Крэйгом в ленте «Девушка с татуировкой дракона».

Подготовил Даниил Мартин

Дерись, чёрт побери!

Станислава Чернышова

За каждой историей преодоления почти наверняка стоит чья-то либо некомпетентность, либо подлость. Преодолеть преграды на пути к спасению жизни. Выжить, оставаясь Человеком. Заглянуть за грань и пройти по краю. Спеть у бездны на краю и не утраститься вызовом, которые бросают нам обстоятельства.

Вызов Судьбе

Говорил ведь батюшка — почтенный каменщик Уильям Гласс: «Иди в юрсты, сынок!». Восседал бы сейчас в мантии и пудреном парике, хлопал судейским молотком по столу и имел бы уважение! Но разве родители под силу переспорить юнца, которому во сне и наяву грезятся Семь Морей, неоткрытые острова и свое имя на карте?! Так и получай вместо аромата виргинского табака прель осенних листьев, и вставай! Вставай! Не на своей постели разлегся, а в вырытой для тебя поспешными руками товарищей могиле. Но пока что ты жив. Надолго ли?

С шестнадцати лет Хью Гласс привык держать штурвал своей жизни в собственных руках. Поступил на корабль юнгой — и за десять лет прошел путь до капитана. Возил контрабандный ром и сахар, был захвачен в плен пиратами и несколько лет провел на корабле Жана Лафита. Бежал с пиратского корабля, чтобы попасть в новый плен: к индейцам. Войственные пауны вопреки обыкновению не казнили Хью, а оставили в живых и приняли в племя, научив выживанию в дикой природе и оценив по заслугам не только его навыки быстрого и ловкого охотника, но и мудрость и дружелюбие. Но видимо не в привычках траппера Гласса было засиживаться на одном месте. Он возвращается к жизни белых людей, примерно год наслаждается благами цивилизации, после чего вступает в поисковый отряд генерала Эшли и отправляется вверх по течению реки Миссури.

Меховая компания Скалистых гор отчаянно нуждалась в охотниках, следопытах, проводниках, готовых к риску и способных переносить лишения и трудности экспедиции к неизведанным землям — источнику «мягкого золота», пушнины. Среди сотни людей с крепкими нервами, навыками выживания и неиссякающим исследовательским зудом нашлось место и для Хью. Промысел пушного зверя был предприятием опасным, но в случае удаче обещавшим неплохую прибыль. Хью Глассу просто не повезло.

Панке М.
Выживший: Роман о мести / Пер. с англ. И. Майгуровой.
М.: Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Книга, покорившая мир). 10 000 экз. (п)
ISBN 978-5-699-85254-3

«Надо быть до конца правдивым и честным по отношению и к самой истории, и к той реальности, которую ты создаешь в фильме. Наши персонажи живут в диких лесах, и каждый день им угрожает опасность — дикие звери, непогода, воинственные местные племена или болезни. Поэтому было важно пока-

Ингвар Эггерт Сигурдссон — Анатолий Букреев

зать все без прикрас, с уважением к событиям, которые в этой истории описываются. Я не большой фанат крови, но здесь прежде всего важна правдивость — так же, как она важна в любви, страсти, нежности или привязанности, которые проявляются в отношениях между персонажами» — Александр Г. Иньярриту.

Режиссер, показавший историю невезучего маунтинмена — охотника, чья жажда жизни была столь велика, что он совершил невероятное. Во имя достоверности и уважения к давно минувшим событиям вегетарианец Ди Каприо, исполнитель роли Хью Гласса, будет есть сырое мясо. Не эпатажа публики ради, а потому что его персонаж смог выжить именно так.

И у Панке, и у Иньярриту двигателем сюжета выступает месть. Но в романе Хью Гласс вернулся из долины смертной тени, чтобы покарать забывших закон фронттира (Один безоговорочный закон за неимением писанных правил: в случае нужды ты обязан помочь любому — другу, соратнику, первому встречному. Жизнь, включая твою собственную, зависит от готовности выручить

того, кто нуждается в помощи), бросивших еще живого товарища на верную гибель и обобравших его, посчитав, что оружие и провизия пригодятся им самим. Кинофильм же добавляет и ставит на первое место мотив кровной мести, ведь каждый зритель может поставить себя на место безутешного скорбящего отца, преследующего убийц сына. А вот во имя справедливости преодолеть более трехсот километров и разыскать предателей идеи взаимовыручки показалось сценаристам нереальным. Или не актуальным?

Был ли разочарован Выживший, осознав, что до одного из предателей ему просто не дотянуться, а второй — мальчишка, который только вступает во взрослую жизнь, да и вина его лишь в том, что он не смог переубедить старшего негодяя. Как-то это: остановиться в последний момент, задержав месть

на кончиках пальцев и дать шанс на достойную жизнь? Увидел ли траппер себя в этом неприкаянном юноше или просто пожалел непрожитую жизнь, кто знает.

«Не все концы удаётся связать, не все можно завершить. Играйте с теми картами, какие вам раздали».

Пока что ты жив, Хью Гласс. Надолго ли? Навсегда.

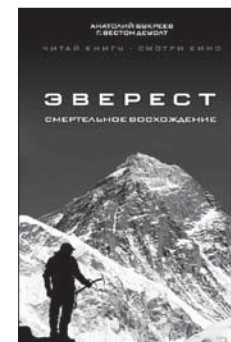
Выше лишь небо

Год 1996 навсегда вписан в историю покорения Эвереста как один из самых трагических. За весь сезон при восхождении на гору погибли 15 человек. Пять смертей на южном склоне 11 мая 1996 получили широкую огласку в альпинистском сообществе и прессе, поставив под сомнение целесообразность коммерциализации Джомолунгмы. Ранее восхождения были выбором профессионалов, которые постепенно наращивали высоту покоренных гор, готовясь бросить вызов Эвересту. Но постепенно появились желающие платить за помощь в восхождении, не имея при этом достаточных навыков альпинизма и высотного опыта. Спрос

рождает предложение, а значит, на этот запрос откликнулись желающие водить коммерческие группы. Середина 90-х была временем расцвета коммерческих восхождений на вершину мира; покорение Эвереста перестало быть подвигом мирового значения. Трассы проложены, веревки натянуты, через расщелины перекинута лестница. В сопровождении опытных гидов восхождение перестало непременно грозить смертью, не перестав быть смертельно опасным.

Причины гибели пятерых альпинистов изложил в своей книге «Эверест. Смертельное восхождение», написанной в соавторстве с Г.У.Де Уолтом, альпинист Анатолий Букреев, непосредственный участник событий. Помимо сложных климатических условий и непривычных для участников групп физических нагрузок в мае 1996 года на вершине собралось сразу несколько

экспедиций, что привело к очередям из альпинистов на подъемах. Люди проставали на морозе, напрасно тратя необходимый кислород и силы. Когда же, наконец, до заветной вершины остались считанные часы, из базового лагеря приходит сообщение об ухудшении погоды. И можно было бы повернуть назад, но так

Букреев А., ДеУолт Вестон Г.
Эверест. Смертельное восхождение / Пер. с англ. П. Сергеева.
М.: Издательство «Э», 2015. — 376 с. — (Кинопреьера мирового масштаба). 7000 экз. (п) ISBN 978-5-699-84417-3

устроен человек, что им движут жажда познания, испытания себя, покорения новых горизонтов, но... Сожаление о вложенных силах, време-

ни и финансах тоже движет человеком. Каковы последствия? Молчание, безмятежное величие и холодное равнодушие Эвереста.

Несомненным достоинством киноверсии трагедии на Джомолунгме — фильма «Эверест» Бальтазара Кормакура является узкий эмоциональный диапазон, благодаря чему игровой фильм воспринимается почти как документальное изложение событий.

Две коммерческие группы «Консультанты по включениям» и «Горное безумие» (шесть опытных альпинистов и 16 клиентов), при спуске с горы, по различным обстоятельствам застряли на склоне и не смогли вернуться в лагерь вовремя. Попав в страшный буран, не имея достаточных запасов кислорода, в условиях плохой видимости, они вынуждены были оставаться один на один с Горой. Никакой иступленной истерики, Кормакур не вынимает из зрителя душу, а заставляет его угрюмо сжать зубы.

Высота Джомолунгмы 8848 метров. Выше лишь небо. Здесь жизнь и смерть стоят рука об руку. Горы так же непредсказуемы, как и альпинисты, которым хватает дерзости их покорять.

Американский альпийский клуб 6 декабря 1997 года присудил Анатолию Букрееву премию имени Дэвида Соулса, вручаемую альпинистам, которые с риском для собственной жизни спасли людей в горах. *«Сделанное им не имеет аналогов в истории мирового альпинизма. Человек, которого многие называют "тигром Гималаев", сразу после восхождения без кислорода на высшую точку планеты без всякой помощи несколько часов подряд спасал замерзающих альпинистов... Говорить, что ему повезло — значит недооценивать совершенного им. Это был настоящий подвиг»*, — так в статье для The Wall Street Journal оценивает американский альпинист и писатель Гален Ровелл операцию, проведенную Букреевым по спасению альпинистов.

«Следует понимать, что ни деньги, ни гид не могут спасти здесь людей. Кислород так же не может гарантировать вашу жизнь в таких экстремальных условиях. Профессионалы и любители имеют здесь равные права, осознавая, что человеческий организм на таких высотах уже не может адаптироваться, а тратит безвозвратно свои силы, приближаясь к летальному исходу. Последнее слово всегда здесь принадлежит Горе!» — это слова Анатолия Букреева. Впрочем, он сам же опроверг их, лично вырвав трех человек из смертельных объятий Джомолунгмы.

«Маленькая Коммунистка» фрагмент

Сколько ей лет, недоверчиво переспрашивает тренера главный судья, — четырнадцать? Невероятно, непостижимо. То, что сейчас проделала эта девочка, не укладывается в цифры, слова и картинки. Непонятно, как это оценивать. Она отбрасывает силу тяжести, ее хрупкое тело раздвигает воздух и удобно в нем устривается.

Почему же никто не предупредил заранее, что смотреть надо туда, бесясь те, кто упустил момент, кто не видел, как Надя К. на бревне шириной в десять сантиметров прогибается, раскидывает руки, делает сальто, — они переглядываются, вертят головой: вы поняли, что это было? кто-нибудь понял?

На электронном табло появляется ее имя — КОМАНЕЧИ НАДЯ, РУМЫНИЯ, и номер — 73, а там, где должна быть оценка, — пустое место.

Все ждут. Советские гимнастки с побледневшими лицами ходят взад-вперед вдоль трибун, отведенных для тренеров и закончивших выступления спортсменов. Они знают. Девочки из румынской команды, похоже, в отчаянии, Дорина сжимает руки, Мариана все повторяет шепотом одну и ту же фразу, еще кто-то сидит сгорбившись, с закрытыми глазами. Надя держится чуть в стороне от других, хвостик у нее растрепался, она не смотрит на табло и потому раньше, чем оценку, видит своего тренера: Бела стоит воздев руки к небу и запрокинув голову. Тогда она наконец поворачивается и узнает, что наказана: перед камерами всего мира высвечивается 1 из 10. Единица запятая ноль ноль. Надя мысленно перебирает возможные ошибки, может быть, она недостаточно уверенно приземлилась после сальто назад, да чем же она провинилась, чем заслужила такое? Бела обнимает ее: не расстраивайся, девочка моя, мы оспорим эту оценку. Но тут внимание Нади привлекает один из судей. Потому что этот швед встает. Потому что этот швед пристально смотрит на нее со слезами на глазах. Об этом мгновении будут потом так часто рассказывать, что теперь она не уверена, пережила ли это на самом деле, может, видела позже по телевизору, а может, это вообще придуманный эпизод из фильма.

Публика вскакивает с мест, восемнадцать тысяч человек поднимают бурю, они ритмично топчут ногами, а швед только открывает и закрывает рот, в этом грохоте не расслышать, что он произносит, и тысячи вспыхивают слезами, она с трудом может разглядеть шведа, что это он такое делает? — он растопыривает пальцы, все фотографируют эти протянутые к ней руки судьи. И тогда девочка тоже тянет к нему обе руки, она просит подтвердить: что, в самом деле... десять? Он медленно кивает, не опуская рук, сотни камер заслоняют от него девочку, подружки из румынской команды скачут вокруг нее, да, душенька, да, эта единица запятая ноль ноль означает десять.

Табло медленно поворачивается слева направо, от судей к гимнасткам и публике, продолжая показывать то, что надо понимать как десять баллов. Запятая не на месте. Вернее, запятая упорно отказывается переместиться куда полагается. Между журналистами и судейской коллегией мечется какой-то человек, утирает взмокший лоб, его майка с надписью «ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ В МОНРЕАЛЕ 1976» потемнела под мышками от пота. Главный судья знаком просит его приблизиться, ничего не слышно, слишком шумят, говорю вам, машина отчего-то разладила, оглушительный свист вынуждает их сблизить головы, вы шутите, или что? Сегодня первый день соревнований, весь мир нас снимает! Где этот тип из фирмы «Лонжин»? Инженер-разработчик оценочного табло пытается добраться до судейского стола, шагая через коленопреклоненных журналистов, которые столпились вокруг девочки. Судьи, размахивая руками, кричат: не работает ваша система! А он орет, обращаясь к представителю Олимпийского комитета, который, подставив ему одно ухо и зажав второе, пытается хоть что-то расслышать: на других соревнованиях все

Надя Команечи — чудо румынской гимнастики, пятикратная олимпийская чемпионка, двукратная чемпионка мира, девятикратная чемпионка Европы. Хрупкая малышка — и девочка-робот. Маленькая коммунистка, которая никогда не улыбалась. Уникальная спортсменка, чей триумф совпал с закатом социалистической Восточной Европы. Девочка, чьи взлет и падение хотелось сравнить со взлетом и падением самой коммунистической идеологии. В своей беллетризованной биографии Нади Команечи Лола Лафон пытается осмыслить удивительную, временами напоминающую детектив судьбу легендарной гимнастки. «Маленькая коммунистка, которая никогда не улыбалась» выходит в издательстве «Фантом Пресс».

работает, РАБОТАЕТ, компьютер непогрешим, это вы, он тычет пальцем в судей, его испортили, но картина уже изменилась, судьи не обращают на него ни малейшего внимания, судьи превратились в зрителей, они плачут и бешено аплодируют девочке, которая сидит рядом с тренером, узкой спиной повернувшись к машине, которая продолжает по-старушечьи бормотать: единица запятая ноль ноль.

Соберемся в перерыве. Хорошо. А не было ли у этой румынки (или еще у кого-то из команды) доступа к компьютерам? Может, она что-то такое принимала, что сбilo настройки? Вы совсем спятили, голубчик, чего только не выдумаете в свою защиту, придет же такое в голову! Каждый старается свалить вину на другого. Олимпийский комитет во время подготовки заверил нас, что в гимнастике оценки в десять баллов не существует, возмущаются инженеры из фирмы «Лонжин», которых пресса уже насмешливо прозвала командой «единица-запятая-ноль-ноль». В 13 часов 40 минут вердикт вынесен: банк данных не выдержал непривычно высоких оценок. Девочка победила компьютер.

Инженерам дают время до завтра: надо приспособить систему к девочке. Они жмут на кнопки, запускают программы. Необходимо добавить еще одну цифру. Переместить запятую. Насколько велика вероятность, что гимнастка повторит свой подвиг, как вы думаете, завтра «это» может случиться снова? Не знаю, отвечает английский судья. Не знаю, отвечает судья из Чехословакии. Они силятся представить себе упражнения на бревне, за которые можно было бы поставить десять баллов. Им это не удастся. Никто из гимнастов никогда не получал десяти баллов на Олимпийских играх. Им продолжают задавать вопросы. Вы уверены, что вас не захватил восторг публики? Нет, отвечают они. Они скрупулезно разобрали выступление девочки, старались на чем-нибудь ее подловить, найти ошибку — и не нашли. Ни малейшей ошибки, оценку снижать не за что. Мало того, некоторые из судей рады

бы пойти еще дальше, поставить ей одиннадцать из десяти баллов! Двенадцать, тут же набавляет судья из Канады. Надо придумать новые оценки! Надо отказаться от цифр.

«А если бы Команечи состязалась с абстракцией, а не с реальными людьми, ей бы все равно можно было поставить десять баллов?» — спрашивают у Кэти Ригби, бывшей гимнастки, которая теперь комментирует Олимпийские игры для Эй-би-си.

«Думаю, если бы Надя сделала все то, что она делает, одна в пустом зале, она по-прежнему заслуживала бы десяти баллов», — отвечает Ригби, пытаясь представить себе абстракцию более абстрактную, чем совершенство.

Событие стремятся поместить хоть в какие-то рамки. На следующее утро Олимпийский комитет требует, чтобы Надя прошла три дополнительные проверки на допинг. Событие порождает споры. Присутствуем ли мы при появлении нового поколения малюток-гимнасток или имеем дело с феноменом? В любом случае геополитическое потрясение произошло. Советским тренерам сделали внушение: товарищи, нельзя позволить Румынии нас унижить, Людмила должна нас спасти! Но во второй половине дня Людмила, завершив свои вольные упражнения, застыла в трагической позе статуи, была вознаграждена умеренными аплодисментами и разрыдалась в объятиях тренера на глазах у невозмутимой румынки.

Говоря о ней, призывают на помощь стихи — разве не плывет она в безмолвном воздушном океане? Спорт — чересчур грубый, едва ли не топорный в сравнении с тем, что все видели своими глазами, и газетчики отвергают, вычеркивают написанное, начинают заново: она не лепит пространство, она и есть пространство, она не передает чувство, она сама — чувство. Она является, словно ангел, — вы заметили, что она окружена ореолом, дымкой от истеричных вспышек, она возносится над законами, правилами и догмами, прекрасная, несравненная и разрушающая все машина.

Комментируют ее выступление: да, в Ольге на Олимпийских играх 1972 года в Мюнхене можно было разглядеть предвещательницу Нади, но в Наде-то есть все одновременно! И грация, и точность, и свобода движений, и риск, и сила, а с виду никогда не подумаешь! Говорят, она может повторить свою композицию пятнадцать раз подряд. А как сложена... Косточки из шелка. Морфологическое превосходство. Она более гибкая.

Ищут слова, складывают их то в одном, то в другом порядке — но как уловить ее очертания, как ее изобразить? Маленькая коммунистическая фея. Маленькая коммунистическая фея, которая никогда не улыбается. Слово «прелестная» вычеркивают, потому что в последние несколько дней его употребляли слишком часто, тем не менее она именно такая и есть: мучительно прелестная, нестерпимо хорошенькая. И им, вынужденным смотреть на Надю с позиции взрослых, — да, им хочется втереться в ее заполненное трудом детство, приблизиться к девочке, затянутой в белоснежный купальник, на котором нет ни малейшего следа пота. «Олимпийская Лолита, в которой едва сорок килограммов веса, четырнадцатилетняя школьница с мальчишеской фигуркой, выполняющая все, чего от нее требуют», — пишут они. Хочется зарядиться от этой сверкающей и стремительной волшебной игрушки. Вырваться из-под власти собственного организма, забитого ленивыми гормонами. К девочке так и тянет прикоснуться, приблизиться, туго сжатая пружина желания готова выстрелить — и вот все уже закончилось, комбинация на бревне продолжалась девяносто секунд. Это разрастается как эпидемия. Перекупщики сбывают по сотне долларов билеты на финал, которые стоили шестнадцать, — все мечтают увидеть ее акробатические дорожки. Когда она выступает, боишься за нее — она такая легонькая, сможет ли она приземлиться? Когда она, разбегаясь перед прыжком, помогает себе локтями набрать еще большую скорость, ее твердое безукоризненное тело в белом купальнике, эта летящая машина, ускользает в чудесное, гладкое, недосыгаемое детство.

Теперь на все смотрят по-другому. Надя задала новую точку отсчета. Любая другая гимнастка — просто ошибка, искажение идеала. И годы, разделяющие ее и тех, кого уже начинают называть «другими», тех, кто сейчас, когда девочка возвращается на помост, нервно натягивают на попки края купальников, становятся более весомыми. «Другие» торопятся спрятать плоть, убрать все, что внезапно начинает казаться лишним, неприличным и даже смешным. Их купальники выглядят теперь слишком открытыми и, пожалуй, тесноватыми, неспособными сдерживать пусть и сдавленные трико груди, которые едва заметно подрагивают, когда эти молодые женщины бегут к гимнастическому коню. Все это — груди, бедра, — объясняет во время повторной трансляции специалист, все это замедляет вращение, утяжеляет прыжки, линии утрачивают четкость. Людмила «уже чересчур женщина». На фотографии в газете она кажется слишком большой и нескладной рядом с румынской нимфеткой, а что касается Ольги, открыто говоря, на нее и смотреть неловко. Камера задерживается на ее лице, смертельно побледневшем после награждения румынской соперницы. О нет, она не устала, она просто свое отработала, ей двадцать лет, она почти (тут слышатся смешки присутствующих в студии журналистов)... она почти старуха, и ее малость заездили. Одни издеваются, другие хмурятся: давайте останемся честными. Эта Людмила женственна? Да, но в этом нет ничего плохого, она настоящая аристократка. А Ольга, в конце концов, — вчерашняя фея, и Наде еще предстоит пережить то, что сейчас переживает она. И в это самое мгновение камера останавливается на личике румынки, нервно покусывающей палец, и журналист шепчет: «Какой крохотный у нее пальчик...»

Перевод с французского Александры Васильковой

ШТУДИИ

ПОЭЗИЯ

Пролегомены

Владимир Березин

Учебник поэзии не совсем то, чем он кажется

Для начала нужно произнести моё любимое присловье про академика Крылова. Академик-кораблестроитель Алексей Николаевич Крылов (1863–1945) на защите чьей-то диссертации сказал: «Выступая здесь оппонентом, я хотел бы напомнить, что это слово в Древнем Риме означало человека, что бежал за колесницей триумфатора и выкрикивал ему разную хулу, чтобы тот не слишком возгордился».

Мы имеем дело с большим томом, действительно полезным. Читатель получил своего рода комментированную хрестоматию с расширенными при этом функциями. И общеобразовательных изданий такого рода я не упомню со времён гапаровских книг, многочисленных учебников для высшей школы и знаменитой «Мысли, вооружённой рифмами» Холщевникова, к которым, на мой взгляд, авторы напрасно не отсылают читателей в справочном аппарате.

Нужно, правда, ещё сказать об актуальности задачи.

Поэзия стала самым свободным и демократичным искусством — актёрам нужен театр, кинематографистам — камера и прокат, романист сталкивается с утратой привычки к долгому чтению. В этом смысле поэзия неуязвима — она как раз доступна почти без посредников, или — вовсе без посредников, со слуха. Появление фундаментальной книги для самообразования — такое же естественное явление, как чтение стихов со сцены.

Слово «фундаментальная» я хотел бы освободить от оттенка простого одобрения, с которым оно употребляется (в тот момент, когда говорят просто о большой книге, хотя книга эта чрезвычайно толста).

Это действительно фундаментальный труд о поэзии вообще, насколько можно в одной книге совместить минимальные основы теории стихосложения, историю, список понятий и, наконец, довольно большой стихотворный корпус.

Но мы должны при этом понимать, что имеем дело не просто с книгой, а с учебником «для чтения и обсуждения», для чего к нему приращен специальный сайт, а сайты, как мы понимаем, в размерах слабо ограничены. Сайт этот (poesia.ru) находится в разработке (по крайней мере, на момент написания этой рецензии), и ничего, кроме оглавления книги, в нём пока не обнаруживается. Впрочем, ход сделан верный, однако гово-

рить о его успехе пока ещё рано.

То есть, это не учебник для выучивания терминов, не словарь (вернее, словарь в пределах особого круга любителей и производителей поэзии, круга интересного, но не универсального). Видно, что авторы сконцентрировали своё внимание не на «поэзии вообще», а на русской поэзии, и даже больше — на современной отечественной поэзии, причём, вычлененной и объединенной согласно их поэтическим и эстетическим вкусам.

Это, как говорят учёные люди — пролегомены. То есть предварительные рассуждения, введение в тему.

Научная квалификация авторов у меня сомнения не вызывает (кажется, там нет никого без учёной степени — минимум кандидатской). При этом, книга написана вне того отвратительного «птичьего» языка, который часто бывает свойственен современным гуманитарным наукам.

Поэзия: Учебник / Н.М. Азарова, К.М. Корчагин, Д.В. Кузьмин, В.А. Плуныян и др.

М.: ОГИ, 2016. - 886 с. 1500 экз. (п)
ISBN 978-5-94282-782-3

поколений. Я предвижу, что даже некоторое количество тех, что попали на страницы этой книги, будут позднее смыты временем. Это неизбежно, и учебник не лист спасения, а фотография быстрого процесса, который не прекратился. С именными списками придётся смириться — например, в моём случае, практически полностью совпадая с моими в исторические времена, они начинают сильно различаться

было мало, а людей, умеющих рифмовать (несмотря на уроки версификации) — ещё меньше. Тогда в дело шли внепоэтические критерии — классовые, религиозные и прочие. Теперь наши сограждане почти поголовно грамотны, две трети населения пишут что-то — хотя бы в социальных сетях. Потому критерий отсеивания невозможно предложить — он упирается во вкусы круга. И тут «ваше слово против моего» и наоборот. Вопрос «Отчего N. включён в учебник, хотя NN мне нравится больше» теряет смысл.

После этого отступления нужно сказать, что всё только начинается.

Если рассматривать этот учебник как живой текст, который будет потом исправляться, переписываться и дописываться — он вполне успешен. То есть я наблюдаю там довольно много неточности в формулировках, которые пересказаны для целевой аудитории специальным упрощённым языком. Некоторое количество поэтов,

В книгах прошлого были попытки написать введение или пояснение к понятиям внутри слова «поэзия» простое, как автомат Калашникова. (Сборка-разборка автомата Калашникова было, замечу кстати, обязательным умением для старшеклассников в советских школах). Это вполне оправданный тип разговора с читательской массой — не размахивать автоматом, конечно, а свести разговор к простым понятным приёмам, а дальше уж те, кто заинтересуются, пойдут дальше, освоят приёмы сложные, и — пошло-поехало. На этом фоне некоторые упрощения в «Поэзии» нынешней мне кажутся даже излишними. И наоборот, тематическая сортировка вопросов поэзии несколько факультативна — типа деления поэтической продукции на лирическую и нарративную.

Или появление разделов, над которыми кто только не иронизировал, типа «Поэзия и музыка», «Поэзия и архи-

сать едят это разными средствами — например, избегает употреблять глаголы, придающие тексту динамику. Подобный останавливающий мгновение взгляд можно найти уже в стихотворениях второй половины XIX века, во времени совпадающих с началом распространения фотографии как технического средства и как взгляда на мир».

Чем это принципиально отличается от подхода «Поэзия и живопись» (в той главе, правда, говорится и о графической поэзии), не очень понятно. Почему статичные образы вещей привязаны именно к фотографии, а не к пейзажу или натюрморту, всегда ли фотография статична (кажется, не всегда) и проч., и проч. Мы знаем множество стихотворений, в которых описываются фотографии, но выделить из них какой-то особый приём сложно. Дело тут не в статичности взгляда, а, быть может, в отношении «достоверное — недостоверное — кажущееся достоверным», но тут я вступаю на зыбкую почву додумывания.

Будет ли додумывание продуктивным занятием старшеклассников — непостоянный вопрос. А задача ввести в круг чтения современную малоизвестную поэзию, «поэзию для узкого круга» кажется почти неразрешимой. Но сама попытка остаётся важной. Кстати фраза, с которой начинается книга — «поэзия не совсем то, чем она кажется» (и которую уже много цитируют), старшим поколением соотносится с совами из знаменитого (для них) сериала «Твин Пикс». При этом желание не сказать, а упомянуть «обо всём» и создаёт понятные проблемы не для чтения, а для использования книги в качестве учебника.

В прежние времена я служил, правда, недолго учителем в школе — и, честно говоря, мне сложно представить себе «Поэзию» именно как школьный учебник (и даже университетский). Как заставить старшеклассника штудировать эти почти девятьсот страниц текста? Такого можно ожидать только начинающего поэта (не всякого) — в качестве вводного экспертного мнения. Тех самых пролегоменов к любимому занятию.

Теперь дело не за покупателем (хотя цена в тысячу примерно рублей мне кажется в любом случае переводящей книгу в раздел редких), так вот — не за покупателем, а именно за теми, кто по ней будет учиться — самостоятельно или в аудиториях.

Старшеклассник многое поймёт.

Предвижу я и некоторую претензию — именным списком современной поэзии будут довольны не все, то есть некоторое количество людей будут недовольны, не найдя себя или людей своего круга среди упоминаемых и цитируемых. Это претензия слабая, и вот почему: современная поэзия неминуемо шире любой даже такой толстой книжки. Более того, никакой учебник не является списком Шиндлера, который спасёт имена поэтов для будущих

в настоящем, хотя и совпадая в некотором количестве случаев. Да, это выбор авторов — но это ведь примеры, а они вольны выбирать примеры из своего круга. Служат ли эти строки примерами? Да, они выполняют эту функцию. В остальном учебник следует именно за современной литературной ситуацией.

Дело в том, что понятие представительности автора, весомость течений и кружков, всё это формировалось в то время, когда значительная часть нашего Отечества была неграмотна, писателей

обнаруживших всё-таки себя в тексте, не согласны с их идентификацией сами или же не согласны их, поэтов, исследователи — и они предъявляют вполне весомые аргументы к вопросу о произвольном описании.

В отличие от фундаментальных предшественников, не заботившихся о сознательном упрощении конструкций (с одной стороны) и введении новых имён, маргинальных для неискущённого читателя (с другой стороны), авторы учебника попадают в точку повышенной ответственности.

«Поэзия и фотография». К примеру, в главе о фотографии говорится о «стихах вместо последовательного развертывающегося описания чувства или мысли изображаются различные вещи, причем изображаются так как если бы они были увидены на фотографии. Такие стихи пытаются запечатлеть некий оптический образ и предлагают читателю восстановить его по описанию».

Этот образ статичен (выделено авторами — В.Б.): фигуры и вещи, запечатленные на фотографии, всегда неподвижны, и поэт пытается

Как страшно жить

Сергей Шулаков

НОВОСТИ

Левый берег

В Фениксе, штат Аризона, были названы лауреаты премии Lefty Awards-2016, присуждаемой ассоциацией Left Coast Crime.

Юмористический роман — Донна Эндрюс «Властелин крыльев» (на самом деле это непереводаемая игра слов, поскольку в оригинале книга называется «Lord of the Wings»);

Исторический роман — Рис Боуэн «Зло во дворце» («Malice at the Palace»);

Региональная премия Левого берега — Гиги Пандиан «Случайный алхимик» («The Accidental Alchemist»);

Иностраннный роман — («The Nature of the Beast»).

Неизвестный Холмс

Уолтер Эллиот, 80-летний краевед и историк из шотландского города Селкэрк, обнаружил у себя на чердаке небольшую книжку, изданную в честь благотворительного базара, состоявшегося в 1903 году. На базаре собирали средства на строительство нового моста через реку Эттрик, приток реки Твид. Книжка содержала статьи, стихи и рассказы местных литераторов, и среди них — ранее никому не известный рассказ о Шерлоке Холмсе.

Многочисленные специалисты по Холмсу и совсем уж бесчисленные любители сразу же выразили сомнения в аутентичности рассказа — точнее, в том, что он принадлежит перу Конан Дойла. В холмсианском каноне практически нет текстов, где рассказчиком выступал бы не доктор Ватсон; «настоящий» Холмс славился презрением к художественной литературе и вряд ли держал на полках собрание сочинений Маколея; наконец, любительский стиль рассказа не похож на выверенный профессионализм Конан Дойла. Единственное, что можно положить на другую чашу весов, — это несомненное и задокументированное в том же сборнике участие сэра Артура в кампании по сбору денег: как показывает объявление, он открывал благотворительный базар 12 декабря 1903 года (в рассказе эту торжественную обязанность выполняет доктор Ватсон). Так что мы с большой вероятностью имеем дело с одним из первых осознанных примеров фанфика — причем, судя по всему, одобренного и санкционированного автором.

Подготовил Даниил Мартин

Очевидная коммерческая направленность западной остросюжетной литературы хороша тем, что позволяет уловить, что же именно волнует тамошнего обывателя. Исходя из того, что британские авторы первой двадцатки взялись за тему маньяков, можно предположить, что англичане страшатся не мигрантов или кризиса, а своего милого соседа, который, возможно, по своей природе безумный и безжалостный изверг.

Брайтонский клеймовщик

Даже профану ясно, что Питер Джеймс — исключая его шпионские романы — азартно коллекционирует девиации. Однако завораживает факт: эти ужасающие отклонения писатель описывает с таким художественным мастерством, что загнать его книги в ячейку паралитературы невозможно. В «Одержимом» Питер Джеймс исследовал проблему психиатрии на примере маньяка, который долго сожительствовал с родной матерью, а потом ступил на свой маньячный путь. В книге «За сумеречным порогом» описал ощущения заживо погребенных из-за халатности врачей, и даже рожденных в могиле младенцев. «Проклятый» — роман о бизнесмене, который возвел оккультные практики — а если называть вещи своими именами, поклонение дьяволу — в ранг инноваций и добился немалых прибылей. «Алхимик» — семисотстраничный гримуар, ведьмина книга с элементами остросюжетной прозы. Роман «Мертвый, как ты» посвящен феномену фетишизма, а именно привлекательности для определенного вида извращенцев дорогих и модных дамских туфель. На этот раз автор осчастливил нас волосами. Именно женские волосы, прохладные, с неуловимым запахом свежести, что, когда женщина даже самой обычной внешности помавает головой, едва слышно трещат статическим электричеством о материю блузки, которые являются убийным элементом женской привлекательности, их, женщин, смертельным оружием, сквозь которые, развеваемые ветерком, струится солнечный свет или ночные огни города, которые, разметавшись по утренней подушке, способны довести до... самых романтических переживаний, и которые... Да — для маньяка из новой книги Питера Джеймса объектом присвоения стали волосы. Притаившись на заднем сидении автобуса, он, с достигнутой частыми упражнениями великой лви-

костью, одним чиком отточенных ножниц срезает у сидящей впереди красотки прядь, — и она обречена.

«Клеймо смерти» — продолжение серии о Роуе Грейсе, детектив-суперинтенданте (это максимально высокий ранг для сыщика-практика британской полиции). В курортном приморском Брайтоне пропадают женщины, но каждое новое исчезновение волей обстоятельств сопровождается обнаружением тела жертвы, исчезнув-

Джеймс П.
Клеймо смерти /
Пер. с англ. С. Самуйлова.
М.: Центрполиграф, 2016. — 447 с. —
(Иностраннный детектив). 8000 экз. (п)
ISBN 978-5-227-06496-7

шей много лет назад. Только Грейсу, с его огромным опытом ловли маньяков, приходится в голову составить из этих звеньев единую цепь. Каждое новое похищение образованный маньяк именуется проектом. Данные в отдельных главах исповедальные высказывания психа содержат много любопытного. Один его друг, по словам маньяка, ничего не имеет против убийств, и понимает резоны убийцы. Другой тоже в целом не против, но его «смущает моральный аспект». А третий категорически его осуждает. Встретив подобное в самом начале повествования, задаешься вопросом: что за странные друзья? Почему еще не в полиции с заявлением на приятеля-маньяка? Что же до мотивов самого убийцы — они тривиальны. «Логан — прелестная девушка. Подходящая. Бегаешь марафон, должна была выйти замуж, да только теперь этому уже не бывать — и я тут ни при чем. Вот это и помогает мне в моральной ориентации. Нельзя обращаться с мужчинами так, как позволяет себе она. Ее надо наказать».

Каждой своей жертве маньяк наносит клеймо «Ты мертва», поэтому ему, в традициях английской полиции, присвоено кодовое имя Брайтонский клеймовщик. Из романов Питера Джеймса мы узнаем подробности работы тамошних слуг закона, какие не почерпнем из официальных источников: кабинеты малы и плохо проветриваются, часто временные, на период расследования конкретного дела. Подобно тому, как английские акте-

ры из суеверия не произносят названия пьесы Шекспира «Макбет», говорят: «та шотландская пьеса», произнести «день сегодня выдался тихий» для британского полицейского то же, что для российского летчика «последний вылет», наши пилоты и моряки говорят «крайний». Все это любопытно, однако книга оставляет тяжелое впечатление как раз из-за подробных описаний ощущений жертв. «Она снова заворочалась, задержалась, напрягая все болезненнее врезающиеся в тело нити. Да это же нелепо. У нее столько дел. Ее ждут пациенты. На субботу намечена большая вечеринка — встреча девчонок из школьного выпуска, с партнерами, в зальной церкви на Эксетер-стрит, которую они все вместе помогли спасти от застройщиков... Мысли вдруг заметались в панике — она ведь не знает, сколько осталось до субботы! Может быть, все уже прошло?».

Как обычно, Джеймс не щадит читателя, раз за разом мы встречаем все более чудовищные образы, максимально жесткие сюжетные повороты, но в «Клейме...» он, кажется, превзошел самого себя, и индекс «16+» следовало бы повысить. Друзья маньяка — его одноклассники, заспиритованные в прозрачных чанах. «Приснул я ему в лицо из баллончика, отключил, и оставил сюда. Потом позабавился — ампутировал руки и ноги, но убивать не стал. Подвесил к потолку в мешке из миткаля, снабдил подгузником, кормил через капельницу. Вы даже не представляете, как было весело!».

Господа присяжные

«Он до сих пор не мог поверить, что сделали эти руки. С виду обычные, они сотворили такое, переступили через такие границы... Впрочем, дело не в руках. Дело в ней». Если иные писатели дистанцируются от своих героев-маньяков, то Нил Уайт в романе «Игра на выбывание» («Next to Die») действует по системе Станиславского, если такое сравнение уместно в разговоре о литературе. Иной раз мелькнет подозрение: с таким знанием дела описать переживания маньяка, когда, например, он, глядя на свои руки, совершившие омерзительное злодеяние, обвиняет не себя, а жертву, может только маньяк. Кто же еще слышит в голове призыв, который «сначала звучал как шепот, потом, как рычание»? Подозрение, конечно, беспочвенное. Нил Уайт — практикующий юрист, маньячные романы он сочиняет без отрыва от основной деятельности, что для писателей высокого уровня редкость.

Нил Уайт

Главными героями «Игры на выбывание» стали братья. Младший — адвокат, ему приходится защищать преступников. Дела об убийствах в английской адвокатской практике считаются полезными для карьеры — платят убийцы своим защитникам мало, зато резонанс большой, известность быстрая и широкая. Но приговоры в таких делах, по Уайту, часто довольно сомнительны — присяжные играют в детективов, на основании предъявленных им сведений они, словно сыщики, пытаются установить, кто же убийца, и приняв решение, психологически уже не могут отказаться от него, ведь они, как им кажется, распутали дело... Старший брат — полицейский, который злодеев ловит. Но противоречия между братьями имеют не только профессиональные причины. После того, как погибла их сестра, старший старается изгнать воспоминания, собирая по торжественным дням членов семьи в доме матери. «Его можно было

найдены, а обвиняемый держится настолько естественно, что адвокат предвидит победу. Жесткая и бесчеловечная, опять же на первый взгляд, дама-детектив, сознавая, что доказательства недостаточно, просит Сэма, старшего брата, втереться в доверие к младшему, и разузнать, что поведал ему обвиняемый. Двойная моральная коллизия на лицо, но ею фабула не исчерпывается.

«Ну давай же, убегай, — злоеющим шепотом, похожим на иппение, произнесла женщина. — Почему вы просто меня не отпустите? — Это будет совсем не то...» В мрачном мире Нила Уайта маньяками может оказаться самая заурядная семейная пара, — муж много работает, жена спускает деньги на наряды и сумочки, и любит приложиться к бутылке. А по ночам они предаются кошмарным играм с похищенными женщинами. Но и эта, вторая коллизия — маньяки повсюду — не последняя. Роман этот в основном о тяжелой адвокатской доле. Весь профессиональный опыт, чутье и факты говорят Джо о том, что его подзащитный невиновен, что полицейские не того взяли. Жесткость методов, интуиция, как обоснование, поспешность действий полицейских чинов говорят о том же. И все это создает ложную картину. Грубые и нудные полицейские, по Уайту, правы, и на них вся надежда. А образованный и гуманный адвокат заблуждался. Но обе стороны — части единого целого; без института защиты, без адвокатов, которые в процессе состязательно-цели, система правосудия была бы еще более несовершенной. Эта, в общем, простая мысль замешана в романе Нила Уайта на таких чудовищных образах, таких жутких психологических мучениях жертв, процессе их привыкания к заточению, словно в дневнике Миранды из «Коллекционера» Фаулза, что читателю, и без того понимающему ее истинность, не остается ничего иного, как молиться на современную юстицию.

Уайт Н.
Игра на выбывание /
Пер. с англ. А. Осиповой.
М.: Центрполиграф, 2016. — 399 с. —
(Иностраннный детектив). 2500 экз. (п)
ISBN 078-5-227-06243-7

назвать своего рода «семейной совестью». Именно он старался всех сплотить, превращая дни рождения, праздники или просто погожие деньки, подходящие для прогулки, во что-то вроде всеобщей повинности. Паркерам приходилось послушно собираться вместе и мучительно поддерживать разговор».

Джо, младшему брату, приходится защищать обычного на вид обывателя, обвиняемого в убийстве сожительницы и дочери. Тела не

Литературная жизнь

Подведены итоги конкурса «Страницы античности»

Мария Якушина

В Музее Серебряного века прошла церемония награждения победителей международного литературного конкурса «Страницы античности».

Литературный конкурс «Страницы античности», проводимый в рамках Перекрестного года России и Греции, ставил своей целью знакомство участников с богатым культурным историческим и литературным наследием Древней Греции. В конкурсе участвовали короткие литературные произведения, соотносимые с историей и литературой Древней Греции.

Учредителями и организаторами конкурса выступили Греческий культурный центр в Москве, «MediaШкола» при газете «Аргументы и факты», газета «Книжное обозрение», проект «Культурная Инициатива» и круизная компания «Mediterran».

Конкурс проходил в международном формате — подавать работы можно было на 11 языках: греческом, русском, белорусском, украинском, польском, английском, немецком, итальянском, испанском, финском. По факту в оргкомитет поступили работы на четырех языках: русском, греческом, украинском, английском.

Всего в конкурсе приняли участие около 200 человек из 13 стран (Россия, Греция, Беларусь, Украина, Сербия, Болгария, Казахстан, Узбекистан, Грузия, Польша, Финляндия, Германия, США).

В состав жюри входили президент круизной компании «Mediterran» Александр Астрихинский, заместитель директора Греческого культурного центра Елена Бунина, писатель, преподаватель литературного мастерства в «MediaШколе» при газете «Аргументы и факты» Евгения Доброва, доцент кафедры византийской и новогреческой филологии Филологического факультета МГУ им. М.В. Ломо-

носова Ксения Климова, поэт, культуролог, доцент Института общественных наук Михаил Кукин, главный редактор газеты «Книжное обозрение» Александр Набоков, доцент кафедры скандинавских, финского, нидерландского и греческого языков МГИМО Анна Торопова, поэт, основатель проекта «Культурная Инициатива» Юрий Цветков, заведующий Музеем Серебряного века (Государственный литературный музей «Дом В.Я. Брюсова») Михаил Шапошников, директор Греческого культурного центра Теодора Янници.

Жюри отметило глубокое увлечение авторов проблематикой античной Эллады, ее мифов и исторических сюжетов. Призовые места распределены следующим образом:

I. Номинация «Лисандр и Алкивиад» (художественный рассказ о героях, которые навсегда вошли в историю благодаря Пелопоннесской войне):

1. Татьяна Ковган
2. Станислав Росовецкий
3. Инна Степанищева

II. Номинация «Аргонавты: стословие» (рассказ или стихотворение на заданную тему объемом около 100 слов):

1. Ольга Колобова
2. Алексей Кузнецов
3. Алина Кудрявцева

III. Номинация для школьников «Мифы Древней Греции»:

1. Александра Дворецкая
2. Алена Снегирева
3. Илья Дырин

Призом за первые места во всех номинациях стал двухнедельный круиз на яхте по Ионическому или Эгейскому морю в 2016 году; за вторые места — недельный, а за третьи — подарочные сертификаты на обучение в «MediaШколе»

Александр Астрихинский награждает Алину Кудрявцеву

при газете «Аргументы и факты».

Также ценными призами были награждены Екатерина Суворова, Анастасия Лядская, М.Л. Рябков, Валентина Малец, Фариса-Мария Титова, Родион Мустафин, а также за содержательность и объемность Александра Бахчеван, Николай Хрибков и Магдалена Манчева. Кроме того, почетным упоминанием и ценным призом отмечена работа Алены Гомберг, написанная на английском языке.

Работы победителей и финалистов конкурса размещены на сайте Греческого культурного центра в рубрике «Библиотека».

Церемонию награждения сопровождала концертная программа в исполнении пианистки Анны Онуфри-

вой и директора Греческого культурного центра актрисы Теодоры Янници, прочитавшей монологи из трагедии Софокла «Антигона».

«Конкурс получился ярким, борьба за первые места была жаркой, вполне соответствующая воинственной тематике самих номинаций (подвиги аргонавтов, Пелопоннесские войны и т.д.), — делится впечатлениями член жюри Михаил Кукин. — Уровень участников, как всегда в таких конкурсах, был весьма неравным — от ученических детских работ до мастерских сочинений вполне профессиональных, состоявшихся прозаиков и поэтов. Но такого рода конкурсы ценны тем, что способствуют перемешиванию слоев в толще литературной жизни, сводят вместе начинающих и маститых, дают

шанс выдвинуться молодым или малоизвестным периферийным авторам».

«Фактически безо всякой рекламы конкурса мы получили большое число работ, написанных как на мифологические темы, так и на темы древнегреческой истории, — добавляет идейный вдохновитель конкурса Александр Астрихинский. — И не только из России, но так же из Украины, Узбекистана, Казахстана. Это говорит об искреннем интересе самых разных людей к Греции, ее истории и культуре. Также порадовало большое число работ школьников, в которых они проявили недюжинную фантазию и увлеченность мифологией. Цель и ценность подобных литературных конкурсов в том, чтобы поддерживать интерес читающей публики к литературе, пробовать

свои силы в творчестве. Ведь это и есть культура. Это и есть как раз создание такого культурного слоя, из которого выходят писатели, внесшие действительно ценный вклад в слово, в литературу. А ценность нашего конкурса еще и в том, что он поддерживает и развивает межкультурные связи. Мы ставили своей целью как-то освежить взгляд на огромный пласт античной греческой литературы, из которой, собственно, берет начало литература общеевропейская; старались собрать современные произведения на вечные темы. По большому счету, нам это удалось».

«На мой взгляд, ценность в том, что некоторые участники с нуля изучали заданную тему, — подключается к обсуждению заместитель директора Греческого культурного центра Елена Бунина, — и, начиная писать в той или иной номинации, так увлеклись данной тематикой, что хотели бы продолжать писать на тему античности и древнегреческих мифов. Нам, Греческому культурному центру, особенно ценно знать, что очень много людей любят, увлекаются и пишут о Греции, воспроизводят древнегреческие мифы в своем слоге и даже пытаются проводить параллели с современностью. Как популяризаторы греческой культуры в России мы очень гордимся данным фактом и конечно же будем стараться привлекать и организовывать мероприятия, раскрывающие ту или иную тему в культуре как Древней, так и современной Греции».

В завершение церемонии награждения директор ГКЦ Теодора Янници выразила искреннюю глубокую благодарность коллегам организаторам, жюри и всем участникам конкурса, который, как она надеется, послужит добрым началом интересных литературно-познавательных проектов на будущее.

Сто новых имен

Завершился всероссийский поэтический конкурс «Музыка слов», организованный интернет-магазином Лабиринт.ру.

В конкурсе приняли участие 4240 человек, для которых поэзия не обязательно является профессией, но всегда — образом жизни. Объявлены имена 100 финалистов и 3 победителей.

Победителями конкурса стали: Ирина Истратова — стихотворение «Платок», Екатерина Задирко — «О любви», Айрат Мустафин — «Солнце-апельсин».

Стихи победителей будут изданы отдельными авторскими сборниками; их имена будут отмечены на поэтической карте России (<http://www.labyrinth.ru/poets>). Произведения ста

финалистов войдут в состав коллективного поэтического сборника.

Помимо основной программы, в конкурсе были заявлены две специальные номинации.

Поэт и музыкант Андрей «Дельфин» Лысиков назвал имена трех конкурсантов, чьи работы также будут опубликованы в сборнике финалистов. Поэтесса

Ирина Астахова (Ах Астахова) выбрала трех победителей среди тех, кто подготовил видеосюжет своих стихов, и пригласила выступить их авторов на одном из концертов в 2016 году.

Среди участников конкурса — жители всех регионов страны. В шорт-лист вошли работы конкурсантов из 57 городов, от Астрахани до Читы.

Благодарим участников конкурса за смелость, творческие эксперименты, радость открытий. Желанием дальнейших успехов и, конечно, вдохновения!

Организаторы выражают благодарность за поддержку конкурса коллективу Литературного института имени А.М. Горького и членам конкурсного жюри: Сергею Есину, Алексею Алехину,

Вениамину Смехову, Илье Фаликову, Дмитрию Баку, Григорию Кружкову, Юрию Цветкову, Дане Сидерос, Льву Оборину и Дмитрию Гасину.

Организаторы предлагают региональным СМИ рассмотреть возможность публикации стихотворений финалистов. Свяжитесь можно по электронной почте j.kulakova@labyrinth-shop.ru.

«авиатор»

фрагмент

Говорил ей: в холода носи шапку, иначе отморозишь уши. Посмотри, говорил, сколько сейчас прохожих без ушей. Она соглашалась, мол, да-да, надо бы, но не носила. Смеялась над шуткой и продолжала ходить без шапки. Такая вот картинка всплыла в памяти, хотя о ком здесь идет речь — ума не приложу.

Или, допустим, вспомнился скандал — безобразный, изнурительный. Непонятно где разыгравшийся. Обидно то, что началось общение хорошо, можно сказать, доброжелательно, а потом слово за слово все переругались. Главное, самим же потом стало удивительно — почему, зачем?

Кто-то заметил, что часто так бывает на поминках: часа полтора говорят о том, каким покойник был хорошим человеком. А потом кто-то из пришедших вспоминает, что был покойник, оказывается, не только хорошим. И тут, как по команде, многие начинают высказываться, дополнять — и мало-помалу приходят к выводу, что был он, вообще-то, первостатейным мерзавцем.

Или совсем уж фантазмагория: кому-то дают по голове куском колбасы, и вот этот человек катится по наклонной плоскости, катится и не может остановиться, и от этого качения кружится голова...

Моя голова. Кружится. Лежу на кровати.

Где я?

Шаги.

Вошел неизвестный в белом халате. Стоял, положив руку на губы, смотрел на меня (в дверной щели еще чья-то голова). Я же, в свою очередь, смотрел на него — не открываясь как бы. Из-под неплотно сомкнутых ресниц. Он заметил их дрожание.

— Проснулись?

Я открыл глаза. Приблизившись к моей кровати, неизвестный протянул руку:

— Гейгер. Ваш врач.

Я вытащил из-под одеяла правую руку и почувствовал бережное рукопожатие Гейгера. Так касаются, когда боятся сломать. На мгновение он оглянулся, и дверь захлопнулась. Не отпуская моей руки, Гейгер наклонился ко мне:

— А вы — Иннокентий Петрович Платонов, не так ли?

Я не мог этого подтвердить. Если он так говорит, значит, имеет на то основания. Иннокентий Петрович... Я молча спрятал руку под одеяло.

— Вы ничего не помните? — спросил Гейгер.

Я покачал головой. Иннокентий Петрович Платонов. Респектабельно. Немного, может быть, литературно.

— Помните, как я сейчас подошел к кровати? Как назвал себя?

Зачем он так со мной? Или я действительно совсем плох? Выдержав паузу, говорю скрипуче:

— Помню.

— А до этого?

Я почувствовал, как меня душат слезы. Они вырвались наружу, и я зарыдал. Взяв с прикроватного столика салфетку, Гейгер вытер мне лицо.

— Ну что вы, Иннокентий Петрович. На свете так мало событий, о которых стоит помнить, а вы расстраиваетесь.

— Моя память восстановится?

— Очень на это надеюсь. У вас такой случай, что ничего нельзя утверждать наверняка. — Он поставил мне градусник. — Знаете, вы вспоминайте побольше, здесь важно ваше усилие. Нужно, чтобы вы сами все вспомнили.

Вижу волосы в носу Гейгера. На подбородке царапины после бритвы.

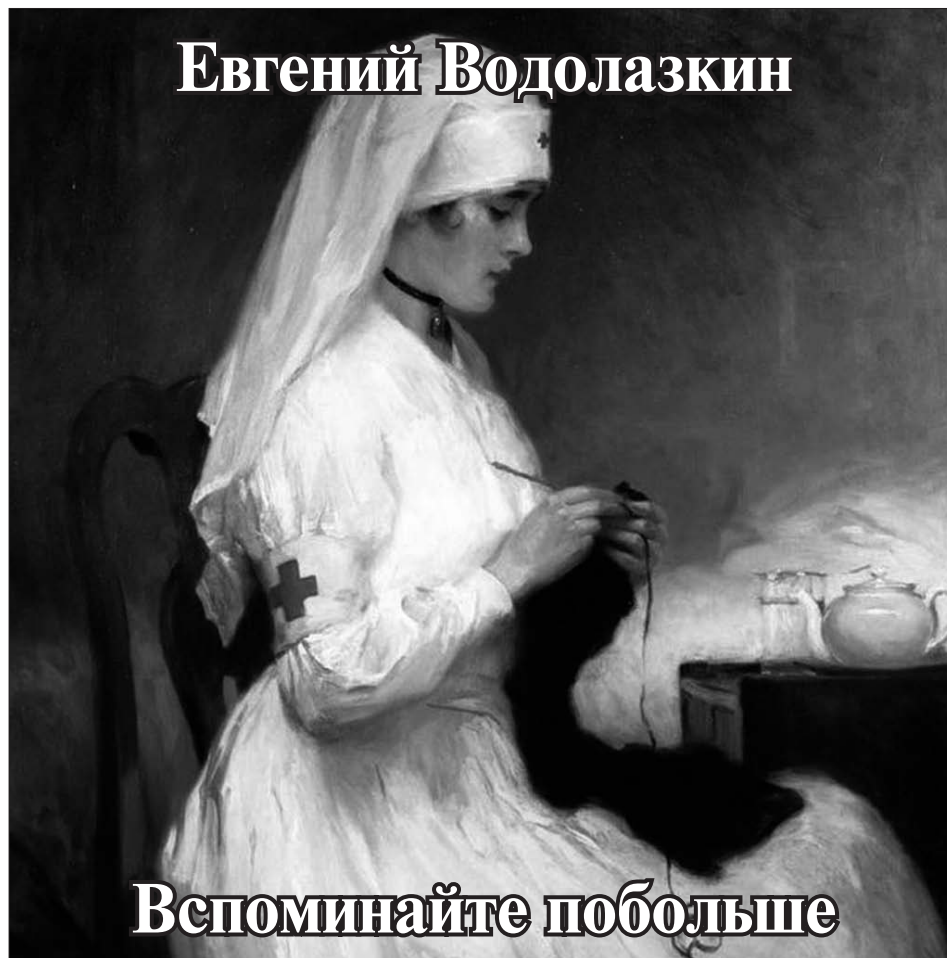
Спокойно смотрит на меня. Высокий лоб, прямой нос, пенсне — будто кто-то его нарисовал. Есть лица настолько типичные, что кажутся выдуманными.

— Я попал в аварию?

— Можно сказать и так.

В открытой форточке воздух палаты смешивается с зимним воздухом за окном. Становится мутным, дрожит, плавится, и вертикальная планка рамы сливается со стволом дерева, и ранние сумерки —

В апреле в Редакции Елены Шубиной выходит новый роман Евгения Водолазкина «Авиатор». Петербург начала XX века, дачное детство в Сиверской и Алуште, гимназия и первая любовь, революция 1917-го, влюбленность в авиацию, Соловки... — на больничной койке Иннокентий Петрович Платонов записывает свои спутанные воспоминания, надеясь восстановить загадочным образом утраченную память. Впрочем, потеря памяти — еще не самое загадочное, что с ним случилось...

где-то я уже это видел. И влетающие снежинки видел. Тающие, не долетев до подошвы... Где?

— Я ничего не помню. Только мелочи какие-то — снежинки в больничной форточке, прохлада стекла, если к нему прикоснуться лбом. Событий — не помню.

— Я бы мог вам, конечно, напомнить что-то из происшедшего, но жизнь во всей полноте не перескажешь. Из вашей жизни я знаю только самое внешнее: где вы жили, с кем имели дело. При этом мне неизвестна история ваших мыслей, ощущений — понимаете? — Он вытащил у меня из подмышки градусник. — 38,5. Многовато.

Понедельник

Вчера еще не было времени. А сегодня — понедельник. Дело было так. Гейгер принес карандаш и толстую тетрадь. Ушел. Вернулся с подставкой для письма.

— Все, что произошло за день, записывайте. И все, что из прошлого вспомните, тоже записывайте. Этот ежедневник — для меня. Я буду видеть, как быстро мы в нашем деле продвигаемся.

— Все мои события пока что связаны с вами. Значит, писать про вас?

— Abgemacht. Описывайте и оценивайте меня всесторонне — моя скромная персона потянет за собой другие нити вашего сознания. А круг вашего общения мы будем расширять постепенно.

Гейгер приладил подставку над моим животом. Она печально приподнималась с каждым моим вздохом, словно сама вздыхала. Гейгер поправил. Открыл тетрадь, вставил мне в пальцы карандаш — что, вообще говоря, лишнее. Я хоть и болею (спрашивается — чем?), но руками-ногами двигаю. Что, собственно, записывать — ничего ведь не происходит и ничего не вспоминается.

Тетрадь огромная — хватило бы для романа. Я кручу в руке карандаш. Чем же я все-таки болею? Доктор, я буду жить?

— Доктор, какое сегодня число?

Молчит. Я тоже молчу. Разве я спросил что-то неприличное?

— Давайте так, — произносит наконец Гейгер. — Давайте вы будете указывать только дни недели. Так мы легче поладим со временем.

Гейгер — сама загадочность. Отвечаю:

— Abgemacht.

Смеется.

А я взял и записал все — за вчера и за сегодня.

Вторник

Сегодня познакомился с сестрой Валентиной. Стройна. Немногословна.

Когда она вошла, прикинулся спящим — это уже входит в привычку. Потом открыл один глаз и спросил:

— Как вас зовут?

— Валентина. Врач сказал, вам нужен покой.

На все дальнейшие вопросы не отвечала. Стоя спиной ко мне, драила шваброй пол. Торжество ритма. Когда наклонялась, чтобы прополоскать в ведре тряпку, под халатом проступало ее белье. Какой уж тут покой...

Шучу. Сил — никаких. Утром мерил температуру — 38,7, Гейгера это беспокоит.

Меня беспокоит, что не получается отличать воспоминания от снов.

Неоднозначные впечатления сегодняшней ночи. Лежу дома с температурой — инфлюэнца. Бабушкина рука прохладна, градусник прохладен. Снежные вихри за окном — заметают дорогу в гимназию, куда я сегодня не пошел. Там, значит, дойдут на переключке до «П» (скользит по журналу, весь в мелу, палец) и вызовут Платонова.

А Платонова нет, докладывает староста класса, он остался дома в связи с инфлюэнцей, ему, поди, «Робинзона Крузо» читают. В доме, возможно, слышны ходики. Бабушка, продолжает староста, прижимает к носу пенсне, и глаза ее от стекол велики и выпуклы. Выразительная картинка, соглашается учитель, назовем это апофеозом чтения (оживление в классе).

Суть происходящего, говорит староста, если вкратце, сводится к следующему. Легкомысленный молодой человек отправляется в морское путешествие и терпит кораблекрушение. Его выбрасывает на необитаемый остров, где он остается без средств к существованию, а главное — без людей. Людей нет вообще. Если бы он с самого начала вел себя благообразно... Я не знаю, как это выразить, чтобы не впасть в менторский тон. Такая как бы притча о блудном сыне.

На классной доске (вчерашняя арифметика) уравнение, доски пола хранят влагу утренней уборки. Учитель живо представляет себе беспомощное барахтанье Робинзона в его стремлении достичь берега. Увидеть катастрофу в ее истинном размахе ему помогает картина Айвазовского «Девятый вал». Молчание потрясенного учителя не прерывается ни единым возгласом. За двойными рамами едва слышны колеса экипажей.

Я и сам нередко почитывал «Робинзона Крузо», но во время болезни не очень-то почитаешь. Резь в глазах, строки плывут. Я слежу за бабушкиными губами. Перед тем как перевернуть страницу, она подносит к губам палец. Иногда прихлебывает остывший чай, и тогда на «Робинзона Крузо» летят едва заметные брызги. Иногда — крошки от съеденного между главами сухаря. Выздоровев, я внимательно перелистываю прочитанное и вытряхиваю хлебные частицы, высокие и сплюснутые.

— Помню много разных мест и людей, — сообщил я, волнуясь, Гейгеру, — помню какие-то высказывания. Но хоть убей — не помню, кто именно какие слова произносил. И — где.

Гейгер спокоен. Он надеется, что это пройдет.

Он не считает это существенным.

А может, это и вправду несущественно? Может, имеет значение только то, что слова были произнесены и сохранились, а уж кем и где — дело десятое? Надо будет спросить об этом у Гейгера — он, кажется, все знает.

Среда

А бывает и так: слова не сохранились, но картинка — в совершенной целостности. Сидит, например, человек в сумерках. В комнате уже полумрак, а он все не включает света — экономит, что ли? Скорбная неподвижность. Локоть упирается в стол, лоб покоится на ладони, мизинец на отлете. Даже в темноте видно, что одежда его в складках, вся бурая такая до бесцветности, и одним белым пятном лицо и рука. Человек как бы в задумчивости, хотя на самом деле ни о чем и не думает, просто отдыхает. Может, даже говорит что-то, только слов не слышно. Мне, собственно, его слова неважны, да и с кем ему говорить — с самим собой? Он ведь не знает, что я за ним наблюдаю, а если что и говорит, то не мне. Шевелит губами, смотрит в окно. Капли на стекле отражают свечение улицы, переливаются огнями экипажей. Форточка скрипит.

До сих пор я видел в палате лишь двух человек — Гейгера и Валентину. Врач и медсестра — а кто еще, собственно, нужен? Собрался с силами, встал, подошел к окну — во дворе пусто, снег по колено. Один раз, держась за стенку, вышел из палаты в коридор — тут же появилась Валентина: у вас постельный режим, вернитесь в палату. Режим...

Кстати: оба выглядят старорежимно. Гейгер если не в халате, так обязательно в тройке. Напоминает Чехова... Я-то все думал — кого он мне напоминает? Чехова! Еще и пенсне носит. Из ныне живущих пенсне я видел, по-моему, только у Станиславского, но тот — человек театра... Впрочем, я бы сказал, что в лечашей меня паре есть какая-то театральность. Валентина — вылитая сестра милосердия военного времени. 1914-й. Уж не знаю, как они отнесутся к моему впечатлению — Гейгер ведь это прочтет, так мы условились. В конце концов, он сам просил меня писать без утайки все, что замечаю, вспоминаю, думаю, — пожалуйста, я так и пишу.

Литературная жизнь

Всем сдвинуться!

В Москве пройдет фестиваль литературных новинок «Книжный сдвиг» — уникальный совместный проект Библиотеки-читальни им. И.С.Тургенева и ведущих издательств страны. Главная миссия фестиваля — рассказать о новинках книжной индустрии, которые способны изменить жизнь. Библиотека выступает здесь в качестве литературного эксперта, подбирающего для читателей самые важные тексты. Одновременно библиотека — то пространство, где издательство знакомится со своей аудиторией. В программе фестиваля: встречи с известными современными писателями, литературоведами и редакторами, читки новых романов, книжные акции и розыгрыши, продажа книг по издательской цене.

Первый участник и вдохновитель фестиваля — «Редакция Елены Шубиной» — трендсеттер, формирующий современный литературный процесс. Книги «Редакция Елены Шубиной» — серьезная, актуальная и увлекательная художественная и

мемуарная проза, по преимуществу русская. «Редакция Елены Шубиной» работает с «высокой литературой». Она объединяет очень разных, но неизменно высокопрофессиональных писателей, среди которых Татьяна Толстая, Евгений Водолазкин, Людмила Улицкая, Алексей Иванов, Захар Прилепин, Леонид Юзефович, Михаил Шишкин, Александр Терехов, Александр Кабаков, Сергей Кузнецов, Марина Степнова, Игорь Сахновский, Андрей Аствацатуров и другие.

Фестиваль пройдет до 14 до 21 апреля. Читатели смогут купить книги «Редакция Елены Шубиной» по издательской цене ежедневно с 15.00 до 21.00 в специально оборудованной зоне, а также получить фирменный подарок за покупку и принять участие в розыгрышах и акциях. Редакторы будут продавать книги, а также расскажут посетителям библиотеки о последних новинках и книгах-бестселлерах. В почтовом ящике редакции все желающие смогут оставить свои рукописи.

Программа фестиваля

14 апреля. 20.00.

Конференц-зал

Открытие фестиваля. Дискуссия «Как современная литература становится классикой?».

Куратор — Елена Шубина, издатель, руководитель редакции русской современной прозы издательства АСТ («Редакция Елены Шубиной»). Участвуют: писатель, литературовед Майя Кучерская, литературный критик, книжный обозреватель портала Meduza Галина Юзефович, литературный критик, обозреватель портала «Лента.ру» Наталья Кочеткова, литературный критик, радио- и телеведущий Николай Александров и другие. Разговор пойдет о литературном процессе, критике, читательских отзывах, о том, что влияет на судьбу современного писателя.

15 апреля. 20.00.

Читальный зал

Людмила Улицкая. Встреча с читателями, презентация

романа «Лестница Якова». Автограф-сессия

«Лестница Якова» — это роман-притча, причудливо разветвленная семейная хроника с множеством героев и филигранно выстроенным сюжетом. В центре романа — параллельные судьбы Якова Осецкого, человека книги и интеллектуала, рожденного в конце XIX века, и его внучки Норы — театрального художника, личности своеобразной и деятельной. Их «знакомство» состоялось в начале XXI века, когда Нора прочла переписку Якова и бабушки Марии и получила в архиве КГБ доступ к его личному делу... В основу романа легли письма из личного архива автора.

17 апреля. 18.00.

Читальный зал

Татьяна Толстая. Встреча с читателями, презентация сборников из серии «Легкие миры». Автограф-сессия

Татьяна Толстая — прозаик, публицист, телеведущая («Школа злословия»), лауреат премии «Триумф» и Премии им. Белкина («Легкие миры»). Автор романа «Кысь», сбор-

ников рассказов «На золотом крыльце сидели...», «День», «Ночь», «Изюм», «Легкие миры», «Невидимая дева», «Девушка в цвету», «Войлочный век» и др.

В новую книгу Татьяны Толстой «Девушка в цвету» вошли как новые, так и публиковавшиеся ранее автобиографические тексты — о молодости и о семье, о путешествиях во Францию и жизни в Америке, а также эссе о литературе, кино, искусстве. Сборник «Войлочный век» включает как рассказы и эссе, объединенные темой времени.

21 апреля. 20.00.

Читальный зал

Евгений Водолазкин. Встреча с читателями. Презентация нового романа «Авиатор». Театральная читка отрывков из книги под руководством театрального художника и режиссёра Александры Ловяниковой. Автограф-сессия

Евгений Водолазкин — прозаик, филолог. Автор бестселлера «Лавр» и изящного historical fiction «Соловьев и Ларионов». В Рос-

сии его называют «русским Умберто Эко», в Америке — после выхода «Лавра» на английском — «русским Маркесом». Ему же достаточно быть самим собой. Произведения Водолазкина переведены на многие иностранные языки. Герой нового романа «Авиатор» — человек в состоянии *tabula rasa*: очнувшись однажды на боковой койке, он понимает, что не знает про себя ровным счётом ничего — ни своего имени, ни кто он такой, ни где находится. В надежде восстановить историю своей жизни, он начинает записывать посетившие его воспоминания, отрывочные и хаотичные: Петербург начала XX века, дачное детство в Сиверской и Алуште, гимназия и первая любовь, революция 1917-го, влюбленность в авиацию, Соловки... Но откуда он так точно помнит детали быта, фразы, запахи, звуки того времени, если на звонидаре — 1999 год?..

Гости смогут принять участие в квесте по роману «Авиатор» и розыгрыше странички из рукописи.

Русский формат

Сергей Шулаков

Костромской издатель Максим Бурдин взялся за выполнение задачи глобального масштаба — он пытается вывести поэтов и писателей русской провинции, русскоязычных авторов зарубежья из электронного пространства. Выпуск третьего по счету сборника «Форма слова» совпал с вручением премии «Слово 2015», итоги которой были подведены в конце февраля.

Слова из аннотации о том, что сборник «дает представление о неформате современной русской литературы», что поначалустораживают, приходится понимать именно в том смысле, что собранные Максимом Бурдиным под обложками печатных сборников авторы до сего дня были обречены на формат интернета. Для писателя важно признание, а его полный круг запускается respectableны-

ми бумажными публикациями, упоминаниями в специализированных изданиях. К тому же редко какое, пусть и самое современное произведение, воспринимается только из себя — необходимо почувствовать шлейф традиции, уловить опознавательные знаки. Произведение должно располагаться на своем месте, обрета гармоничное единство со средой — результатом тщательного редакторского отбо-

ра. Такой естественной средой являются именно печатные страницы, а не электронное пространство, в котором произведение, конечно, не мертво, но еще и не полностью живо.

География сборников впечатляет: здесь мы найдем авторов от Праги до Южно-Сахалинска, несколько украинских поэтов, жителей отдаленных мест, где, оказывается, жива литература —

например, Александр Матов, родившийся в 1993 году житель села Сладково Тюменской области, и даже русскоязычного поэта Юрия Башару из Новой Зеландии.

Лауреатом премии «Слово 2015» в номинации «Поэзия» стал петербуржец Валерий Трофимов. Премию в номинации «Проза» взяла москвичка Елена Костандис. Для участия в конкурсе было прислано 20 000 работ.

В жюри вошли поэт, критик, преподаватель Литературного института им. Горького Сергей Арутюнов, поэт, прозаик, публицист Максим Лаврентьев, Издатель и критик, член Координационного совета Российского общества современных авторов. Сергей Галиченко, Лариса Шуваева — поэт, прозаик, и сам Максим Бурдин, поэт, прозаик, критик и соучредитель премии.

Житейские истории

Мария Бахтина

В литературной гостиной Лолы Звонаревой в культурном центре «Булгаковский дом» состоялся творческий вечер писательницы Рады Полищук, представившей две новые книги прозы — сборник воспоминаний «За одним столом сидели. Портреты. Эссе. Этюды. Беседы. Воспоминания», выпущенный московским издательством «МИК», и рассказы «Житейские истории. Из старых тетрадей» (М.: Текст). Обе книги вошли в лонг-лист литературной премии «Писатели XXI века».

Немного рассказав о своей творческой судь-

бе и о том эмоциональном потрясении, каким стала для неё смерть самого близкого человека — мамы, после которой не имевшая литературного образования Рада Полищук начала писать прозу, писательница прочитала несколько новых рассказов и воспоминания о встречах и долгой дружбе с поэтом-фронтовиком и переводчиком Александром Ревичем и его супругой.

О своем знакомстве с прозаиком, о давних занятиях на литературных семинарах под руководством Сергея Есина и Леонида Жуховицкого вспомина-

Рада Полищук и Леонид Бахнов

секретарь Союза писателей Москвы Антон Молчанов.

Лола Звонарева рассказала, что на страницах возглавляемого ею международного литературного альманаха «Литературные знакомства» в 2015 году Сергей Есин в небольшом эссе тепло написал о своей первой встрече с прозой Рады Полищук, отметив растущее мастерство писательницы в её новых книгах. Высокую оценку творчеству Рады Полищук дала поэт и прозаик Ольга Постникова. Об интересных публикациях писательницы на страницах журнала «Дружба народов» за последние 20 лет расска-

зал Леонид Бахнов, заведующий отделом прозы этого авторитетного журнала.

Рахмет Гишева, адыгейская детская писательница, поведала о давней дружбе с Радой Полищук, о её первых прозаических опытах, сразу вызвавших большой интерес читателей и горячий эмоциональный отклик. Поэт Григорий Певцов отметил глубокий лиризм произведений писательницы и сделал акцент на узнаваемой поэтичности интонации её оригинальной прозы. Это отметили все выступавшие на вечере литераторы. Поэтесса Зульфия Алькаева как рецензент книги прозы

Рады Полищук «Я и Я» оставилась на том, что отличает это издание от предыдущих книг писательницы, подчеркнув её психологический и мистический характер, выстроенную автором систему зеркал. Поэтесса и прозаик Людмила Осокина рассказала о своей работе как редактора над сборником стихов Рады Полищук, выпущенным в специальной издательской серии, представляющей членов Союза писателей Москвы.

Завершая вечер, Рада Полищук прочитала стихи, посвященные любимому мужу писателю Александру Кирносу.

Мне бы место у окна

Бывают дни, когда становится так скучно, что, кажется, вся жизнь пройдет под грохот равнодушной тишины. В такие дни особенно не достает друзей. И вы сидите у окна. И ждете. И надеетесь: «Может, кто-нибудь зайдет». И вдруг приходит что-то вроде вдохновения — и сразу нарушает тишину, снимая тапочки в прихожей, неловко шлепая по полу, обходит комнаты, пока не завершит свою экскурсию в гостиной, чтобы торжественно изречь: «Пожалуй, тут я и останусь». И что же? Остается, как много лет назад в гостях у заскучавшего поэта остался Крэг — баран из Кутенейских гор (расположившийся в шкафу, где было так же хорошо, как в Кутенейских горах), и как осталась Добрая Змея (она свернулась на зеленом абажуре). Когда же появился Гридиг из таинственного сна — кошмарное «страшило» с головой слона, чешуйками на теле и хвостом кита, — ему налили в раковину тепленькой воды. И всё бы хорошо, однако, вы же понимаете, что вечно это продолжаться не могло: как ни уютно прятаться под крышей, когда на улице промозглая погода, но если выглянуло солнце — такое положение изводит.

Побольше бутербродов с маслом для Змеи, для Гридига побольше манной каши, десятки сырников для Окуджавы, которые он поливал сметаной, и множество реди-

Окуджава Б.
Прелестные приключения.
Сказка / Ил. Е.Антоненкова.
М.: Время, 2016. — 128 с.: ил. — (Время — детство!). 10 000 экз. (п)
ISBN 978-5-9691-1419-7

сок для барана, — с такой поклажей все четверо отправились на белом корабле в далекий серебристо-синий путь. Они искали приключений, больших и маленьких, но главное — «прелестных», а напоролась на ужасные несчастья... Сначала волны проглотили их корабль, потом порывом ветра куда-то унесло Морского Гридига, змея исчезла вслед за ним, а Крэг и Булата забросило на остров, где двое жутких великанов их крепко-накрепко связали и приготовились поджарить на костре! Ах, что бы было — страшно и подумать, но, слава богу, в самый подходящий миг кусты зашевелились: из леса вышел Гридиг — их спаситель, и великаны тут же убежали, дрожа от страха, точно зайцы, а он — бедняга, утирал потоком ливши-

ся слезы и причитал: «Я очень испугался. Я ведь добрый...»

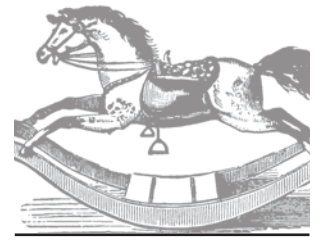
Проблемы, впрочем, не исчезли, как эти злые великаны: ну да, им удалось не превратиться в сытный ужин, но и самим-то ведь поужинать не удалось! Хотелось пить, хотелось есть, хотелось отдохнуть немного, но надо было двигаться вперед, искать по запаху песка и гальки море, в котором, может быть, еще качался на волнах корабль. И тут на горизонте появились муравьи. Они смеялись... Полагаете, что это не к добру? Ну что вы! Муравьи — трудолюбивые ребята, и любят проводить короткий свой досуг, рассказывая что-нибудь смешное. Увидев наших путников, они решили им помочь и подвез-

ти туда, откуда можно позвонить из телефонной будки-автомата и заказать такси. Такси в пустыне? — удивитесь вы. А что такого? Да, такси. Не желтое, как в городе Нью-Йорке, не черное, как в Лондоне, а голубое. Оно приехало, точнее прилетело, и строгим стрекозиным голосом сказало: «Садитесь, граждане, садитесь! Время — деньги». И снова — в путь-дорогу! И снова всё как будто бы сложилось хорошо. И снова редкая удача внезапно обернулась катастрофой: вооруженный пулеметом, за ними гнался Шмель-разбойник, когда они как раз летели над царством отвратительных жуков, а голубая стрекоза, перевозившая четверку пассажи-

ров, хрипела, выбившись из сил, в любой момент готовая упасть. И где же, ну скажите, на свете справедливость?

Как до нее добраться? Сколько ехать? И что сказать, когда окажется, что в данную минуту ее на месте, к сожалению, нет? Ну... что тут скажешь. Игривые вопросы звучат в истории Булата Окуджавы, как перестук колес Восточного экспресса: под этот звук нельзя скучать, под этот звук положено мечтать, в него могла бы уместиться жизнь, вот только... есть ли в этой жизни одно такое маленькое место у окна, чтобы отдать его тем самым приключениям? Да... что тут скажешь... В конце концов, позорная, крамольная, невольная мысль однажды посещает голову рассказчика: возможно, приключения не так уж и нужны? Ведь если бы они сидели дома, то ничего бы из того, что так безжалостно на них свалилось, конечно, не случилось. И не было бы шторма, и не было бы плена, падений, ссадин и тревог, и неудобств, и разных страхов... и того костра, вокруг которого они плясали, когда чудовища пустились наутек, и встречи с муравьями, которые смеялись, и долгого полета над землей с зажатым зонтиком в руках, и разных мыслей, которыми приятно поделиться, а не глотать их в одиночестве, как горькие невкусные пилюли.

НОВОСТИ

Охота на сову

Детская литературная премия «Глаголица», отметившая свой третий день рождения, была придумана для тех учеников, чья любовь к литературе не ограничивалась одним только чтением. Лауреатами премии становились юные писатели, поэты и переводчики из Республики Татарстан. Однако с этого года в конкурсе смогут принять участие дети и подростки со всей России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторов лучших прозаических и поэтических произведений, написанных как на русском, так и на татарском языке, а также лучших русскоязычных эссеистов и переводчиков с татарского, французского, английского и немецкого языков на русский, члены жюри третьего сезона выберут коллегиальным решением. В 2016 году судьба «Хрустальной совы» будет зависеть от мнения поэта, писателя и переводчика Виктора Лунина, знаменитого детского прозаика Сергея Махотина, поэта и переводчика Михаила Яснова, писателя Тамары Крюковой, эссеиста Лилии Газизовой, известного татарского поэта Роберта Миннуллина, писателя и журналиста Рустема Гусмановича, заслуженного деятеля искусств Республики Татарстан Бориса Вайнера, лауреата премии «Дебют» и «Звездный билет» Анны Русс и поэта Рифата Салахова.

Стоит сказать, что прием заявок на участие в обновленном и только что стартовавшем конкурсе продлится до 12 сентября 2016 года. Хотя организаторы премии настаивают на том, что их главная цель состоит в попытке возродить традицию семейного чтения и приобщить как можно больше детей к искусству, вероятно, не лишним будет напомнить и о тех, вполне конкретных, призах, которые ждут молодых соискателей. Итак, каждый лауреат получит в подарок планшет и комплект книг «Малая библиотека», а также «сертификат» на участие в мастер-классах с известными татарскими и российскими писателями и путешественниками из Русского Географического Общества, возможность пожить в лагере и опубликовать свою работу в альманахе «Глаголица», побывать на торжественной церемонии награждения победителей, которая пройдет в Казани, и посетить самые красивые и памятные места в Татарстане.

Счастливые не замерзают

Проживающая на Лерхенштрассе в старом доме семнадцать «бэ» вместе с грустной усталой мамой, вечно хмурой старшей сестрой и совсем еще маленьким братом, эта девочка в толстых очках, очень часто спадающих на нос, — как ни странно, как ни смешно — была признана самым счастливым ребенком на свете. Только прежде чем спрашивать: «Кем это признана?», и «Почему?», и «Хотелось бы знать, как, вообще, принимают подобного рода решения?», — вы, пожалуй, должны кое-что понимать. Дело в том, что она — эта самая Элла Хуфнагель — ровно семь жутких месяцев и двадцать два дня ждет и ждет, не теряя надежды, той секунды, когда он вернется: ее добрый, ласковый, нежный, предприимчивый и удивительный папа, — потому что она скучает по коричневой бороде, щекотавшей, когда он ее целовал, по огромным

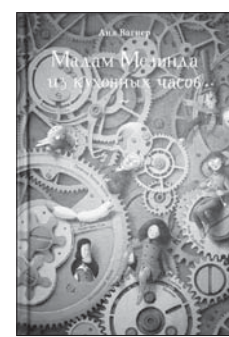
рукам, обнимавшим, когда было холодно, и по сказкам, которые вечером он всегда ей рассказывал. А теперь он ушел, но, куда ни взгляни, — он же тут, он же рядом, вот же книжки, которые он подарил и которые словно бы с ней говорят его мягким шершавым шепотом, вот его фотографии, а вот его стул, на который, конечно, никто так ни разу и не присел с того самого дня... С того самого дня Элла верит: он вернется. Однако... Однако, подумайте: когда бы не он — может быть, ничего бы вообще не случилось? Разве стала бы Элла счастливой? Да и вряд ли бы к ней в таком случае заявила мадам Мелинда.

Эта дама явилась внезапно: просто выскочила из часов, что висели у них на кухне, и, скатившись по стенке вниз, приземлилась на эллипс живот. А потом, перебравшись на стол, разрешила себя рассмотреть: изумитель-

но тонкая, стройная, аккуратная и смешная, она прыгала среди хлебных крошек в зашнурованных сапогах, доходящих до самых колен, и казалось, что незнакомка забралась в этот мир по ошибке из какой-то неведомой сказки. К сожалению, а может быть, к счастью, но Мелинда пришла не из книжки, а из места, вполне реального и когда-то волшебного красивого, но теперь, увы, обреченного. Потому что с тех самых пор, как один Бессердечный Принц превратился в правителя этой славной долины, его Жуткие парни — то есть солдаты — отобрали у бедных жителей их улыбки и смех, даже песенки, даже детские шутки и привычку всегда обниматься, танцевать, целоваться... И теперь там свирепствует холод и стоит ледяный страх, а еще там никто не помнит, что творится в душе, если бабочки вдруг начинают порхать в животе.

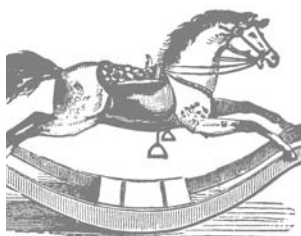
И по этой причине Мелинда обратилась к Элле Хуфнагель — счастливейшей из людей: чтоб вернуть всё, что было похищено, то есть счастье, тепло и смех.

И конечно, любая другая отказалась бы помогать, потому что уж слишком рискованно и, конечно, смертельно опасно, только Элла... нет-нет, уж она не могла отказаться. И, конечно же, из-за него. Из-за папы. Не своего — а ее, этой девочки. Из-за папы Мелинды — чудесного изобретателя, соорудившего машины времени и счастья, благодаря которым его единственная дочка смогла найти ту точку на карте, где находилась Элла, и выпрыгнуть из кухонных часов в ее квартире, чтобы спросить, поможет ли ей та найти ее отца, похищенного по приказу Принца. А что до смеха и тепла, которых всем так не хватает... Ах, разве можно думать о каком-то счастье, когда любимым

Вагнер А.
Мадам Мелинда из кухонных часов: Повесть-сказка со стихами автора; Пер. с нем. Г.Снежинской; Ил. А.Вайнера.
СПб: Поляндрия Принт, 2016. — 224 с.: ил. 2000 экз. (п) ISBN 978-5-9907383-0-0

папа заточен в местечке под названием Нигде? Однако это происходит постоянно — мы узнаем о нем по звуку, с которым счастье вышло вон. Но, может, звук, с которым к счастью, прихрамывая и спотыкаясь, бегут две эти девочки, о нем способен тоже что-то очень важное сказать?

НОВОСТИ

Андерсен едет в Китай

Лауреатом премии имени Ханса Кристиана Андерсена впервые стал китайский автор. «Малая Нобелевская по литературе», крупнейшая награда в области детского чтения, досталась в этом году Цао Вэньсюаню. До этого ни одному писателю из КНР не удавалось даже пройти в финал премии.

Цао Вэньсюань — профессор Пекинского университета, писатель, хорошо известный в литературном сообществе КНР, лауреат нескольких китайских премий. Члены жюри отметили, что приняли решение единогласно, поскольку Цао Вэньсюань «прекрасно пишет о сложной жизни детей, столкнувшихся с большими вызовами».

Праздник чтения

Март — месяц окружных туров конкурса юных чтецов «Живая классика». В ГБУК г. Москвы «ЦБС ЮЗАО» были подведены итоги финального тура окружного этапа конкурса. 55 школьников из 26 школ округа претендовали на название финалиста конкурса. В центральной библиотеке № 190 выступили 11 финалистов. В финал по Москве от Юго-Западного округа вышли трое. Василий Серегин и Илья Нестеров читали А.П.Чехова «Радость», Тихон Гладков — рассказ В.И.Даля.

ГБУК г. Москвы «ЦБС ЮЗАО» выражает огромную благодарность членам жюри, в состав которого вошли:

- Заместитель генерального директора «ЦБС ЮЗАО», кандидат педагогических наук, вице-президент Русской ассоциации чтения Мария Белоколенко;
- Педагог, психолог, автор детских книг, член союза писателей России Анна Гончарова;
- Заслуженная артистка, актриса Малого театра, руководитель театральной студии «Лик» Инесса Рахвалова;
- Художественный руководитель театра на Юго-Западе, заслуженный артист России Олег Леушев;
- Заведующая литературной частью «Театра на Юго-Западе» Анастасия Павлова;
- Организатор литературных фестивалей, член организационного комитета конкурса «Живая классика» Нина Александрова.

Провел конкурс почетный читатель Юго-Западного округа, победитель городского этапа конкурса по чтению вслух в 2015 году Иван Дахненко.

Волшебнус светус

Марина Надеждина

Кто из нас хоть раз не мечтал быть волшебником? Согласитесь, бывают ситуации, когда магические способности кажутся предметом первой жизненной необходимости. И нужны они вовсе не для того, чтобы покататься на крылатом единороге, добыть философский камень или победить Всемирное Зло... а чтобы просто навести порядок в собственной семье. Потому что бывает так, что кажется — ничего кроме магии уже не работает. Было бы замечательно воскликнуть: «Со стола убираем!» или «Спаять — не вставать!» или «Быстрас рас-сказываем!» или «Черту не переходим!» — и оп-ля! дети немедленно начинают помогать по хозяйству, послушно забираются в кровать, подробно объясняют, что они на этот раз натворили, и перестают вредничать, когда нужно есть суп...

В семье, которую придумала писатель и психолог Анна Гончарова, все именно так и происходит. Кажется, маме Убираюшке, папе Добывамусу, дедушке Починимусу, бабушке Приготовляюшке и прабабушке Заботушке ужасно повезло. Они — заклинайки, особенные люди, обладающие даром словесной магии: «скажут какие-нибудь слова волшебные — и все встает на свои места». Кстати, если вы не знали, раду на делают именно заклинайки: когда идет дождь, они собирают самые красивые капельки и, как только выглянет солнце, распыляют их по небу со словами; «Волшебнус светус воду разноцветус!» Не жизнь, а сказка — во всех смыслах этого слова! Истории про такую семью, пожалуй, просто обидно будет читать... или нет?

Конечно, нет. Семейная жизнь заклинаек далеко не так проста, как может показаться. Книга Анны Гончаровой на самом деле не о магическом бегстве от проблем, а наоборот — об ответственности. Ведь и задумчивый Знамус, который за своими вечными книжками способен забыть о любом поручении и любом домашнем деле, и неутомимый Придумус, который, как нетрудно догадаться, постоянно что-то придумывает и в процессе придумывания постоянно что-то разлиняет, и маленькая Хитрюша, про которую, наверное, ничего и объяснять не надо — они тоже заклинайки. Когда они вырастут, то тоже станут волшебниками — но какими? Такими, какими научат быть мама, папа, бабушка, дедушка и прабабушка, разумеется. Поэтому одна из главных обязанностей родителей-закли-

Гончарова А.
Заклинайки.
М.: Белый город, 2016. — 64 с.: ил.
3000 экз. (п) ISBN 978-5-9067-5

наек — объяснить детям, как правильно применять волшебство и почему далеко не все проблемы в жизни можно и нужно решать при помощи заклинаний. Например, приучать себя не грызть ногти и правильно вести себя за столом юный волшебник должен исключительно сам. Да

и взрослым волшебникам надо уметь бороться с «заклинательными» искушениями. В самом деле, есть же предел родительскому терпению — один забывает, другой проливает, третья не слушается... не лучше ли переименовать их в Забывамуса, Разливамуса и Непослушайку? Нет, ни в коем случае! А почему — читайте и узнаете.

Родители найдут в книге Анны Гончаровой немало хороших педагогических советов, а дети — интересные факты и просто занимательные истории. Это добрая и полезная книга о человеческих ценностях — немагических, обычных, необходимых, чтобы каждый день, в самых повседневных занятиях создавать и поддерживать удивительную сущность под названием Семья. Хотя, если подумать, все родители — немного волшебники...

Анна Гончарова: «Я в душе ребёнок»

Анна Гончарова возникла в детском книжном мире несколько лет назад. За это время успела написать более двадцати книг, провести свыше двух сотен встреч с читателями, не раз представить российскую детскую литературу на зарубежных книжных форумах... Совсем недавно она приняла участие в фестивале Корнея Чуковского (репортаж об открытии фестиваля читайте в следующем номере «КО»). После выступления Анна ответила на вопросы нашего корреспондента.

— Практически на всех ваших книгах написано: «Сказки, которые помогают детям и родителям». Почему именно ваши сказки помогают, другие — нет?

— Испокон веков сказки были огромным помощником в объяснении детям важных вещей. Волшебные истории не в назидательной, а в мягкой, увлекательной форме знакомили детей с окружающим миром, природой, общением, понятиями добра и зла. Вот и сейчас сказки не только увлекают детей чтением, но и показывают выход из непростых ситуаций.

В своих историях я стараюсь на примере сказочных героев дать множество подсказок детям и родителям, объяснить простыми словами важные вещи, волнующие ребенка, помочь лучше понять себя и других, больше мечтать и замечать красоту вокруг, учиться общаться, ценить добро, отвечать за свои поступки.

— Известны ли случаи, когда ваши сказки помогали читателям в конкретных жизненных ситуациях?

— Часто на творческих встречах подходят родители и делятся своими историями, возникающими после моих историй. Недавно я выступала на открытии Недели детской книги в Белгороде, второй год подряд. И второй раз ко мне подошла мама очаровательного мальчика Степы. Она рассказала, что сын

Анна Гончарова

после чтения моих историй и зубы чистит два раза в день, и игрушки на место кладет, чтобы они не попали в Страну небубанных игрушек, и к врачам без боязни ходит...

Приятно, когда на почту приходят письма с благодарностями за доброту и тепло моих книг с примерами улучшения поведения детей. Очень трогательно, когда родители просят написать еще про какие-то моменты воспитания, говоря при этом, что ребенок лучше поймет их через мои сказки.

— Наверняка это еще и потому, что вы по образованию педагог, филолог, психолог?

— Конечно, образование очень помогает — оно дало мне знание особен-

ностей развития, задач определенного возраста, приёмов общения с детьми. Но мне кажется, самое главное, что я сама в душе ребёнок, до сих пор верящий в сказки и чудеса. Наверное, поэтому и получается говорить с детьми на одном языке, замечать прекрасное, ценить улыбки и радоваться простым вещам. Нам, взрослым, многому можно у детей поучиться.

— В вашей самой известной серии главные герои — милые и забавные енотики. Почему вы выбрали в качестве героев этих сказок животных?

— Маленьким детям зачастую проще ассоциировать себя со сказочными зверятами из волшебного леса, чем с реальными мальчиками и девочками. Мои первые сказки я начала рассказывать сыну, которому тогда было три годика. Это были истории про его любимую игрушку — енотика Еню. Так возник главный герой, потом к нему присоединилась младшая сестренка Еля. Из этих историй и родилась серия сказок про Еню и Елю.

— В вашей новой книге «Заклинайки» главные герои — не енотики, а забавные чело-вечки. Почему?

— Серию про енотиков читают детям от двух лет, а дети шести-девяти лет читают ее самостоятельно. У книги про заклинаек другая возрастная категория. Это повесть-сказка для детей 7-12 лет,

затрагивающая уже более глубокие темы. Например, в ней поднимается такой сложный вопрос, как смерть близкого человека... Но в целом это история про забавную жизнь одного сказочного семейства. Мне очень хотелось привлечь внимание на такие ценности, как дружба, умение быть большой семьей, создавать вокруг волшебство и принимать друга такими, какие мы есть.

— Это первая книга не про Еню и Елю?

— Нет. Одной из моих первых книг была повесть про Иву и Лёну — брата с сестрой, которые спасают свою волшебную планету, где темные силы пытаются стереть улыбки с лиц людей и сделать мир серым и мрачным. Сейчас, кроме следующих историй про Еню и Елю, я работаю над продолжением приключений Ивы и Лёны, также заканчиваю создание «Цветочных историй». Это притчи для школьников о любви и добре, каждая заканчивается стихотворением. В этой книге будут необычные иллюстрации — работы талантливого фотохудожника Елены Мартынюк.

— Все ваши книги, которых уже больше двадцати, выходят в одном издательстве. Почему такое постоянство?

— Мне везет на прекрасных людей — и очень повезло с издательством. Там работают чудесные, увлеченные люди. А руководит ими Константин Васильевич Чеченев — про-

фессионал высокого класса. Не случайно в моих книгах читатели отмечают не только содержание, но и высокое качество издания.

— Вы проводите много творческих встреч в различных российских городах и за рубежом. Еще не возникает дилемма — писать или выступать?

— Возникает, еще и интересно давать приходится (смеется). Я рада, что есть потребность в моих книгах, и во встречах с читателями. Очень вдохновляет, когда видишь горящие глаза детей, отвечаешь на вопросы, получаешь живой отклик. Например, недавно в Доме Москвы в Риге один из детей в финале моего часового выступления попросил продолжить читать сказки.

— Где читатели смогут увидеть вас в ближайшее время?

— На днях я лечу на Международный фестиваль детской и юношеской книги в Кишинев, потом буду участвовать в литературном фестивале «КУБ» в Красноярске, впереди Библионочь в РГДБ, Санкт-Петербургский книжный салон, фестиваль «Книги России» на Красной площади, IX германо-российский фестиваль в Берлине... Это большое счастье, что сейчас, в том числе благодаря государственной поддержке, у взрослых и маленьких читателей есть много возможностей лишиться раз окунуться в праздничную атмосферу любви к чтению.

Вытянутый остров длиной около восьми лиг разделял реку на два рукава; верхняя его оконечность рассекала срединное течение Тельтеарны, а нижняя лежала близко к невыжженному берегу, до которого не удалось добраться медведю. Здесь, у нижней, восточной оконечности, поток бурливо перекачивался через длинную и узкую поперечную отмель, изрытую коварными глубокими ямами, — остатки насыпной дороги, построенной давно сгинувшими людьми в незапамятные времена. Остров опоясывали широкие полосы тростника, и в бурю ветер и волны не налетали на каменистые берега всей мощью, а незаметно ослабевали в сотрясающихся густых зарослях. На восточной оконечности, чуть поодаль от берега, над лесом поднималась скалистая гряда, тянувшаяся до середины острова, точно спинной хребет.

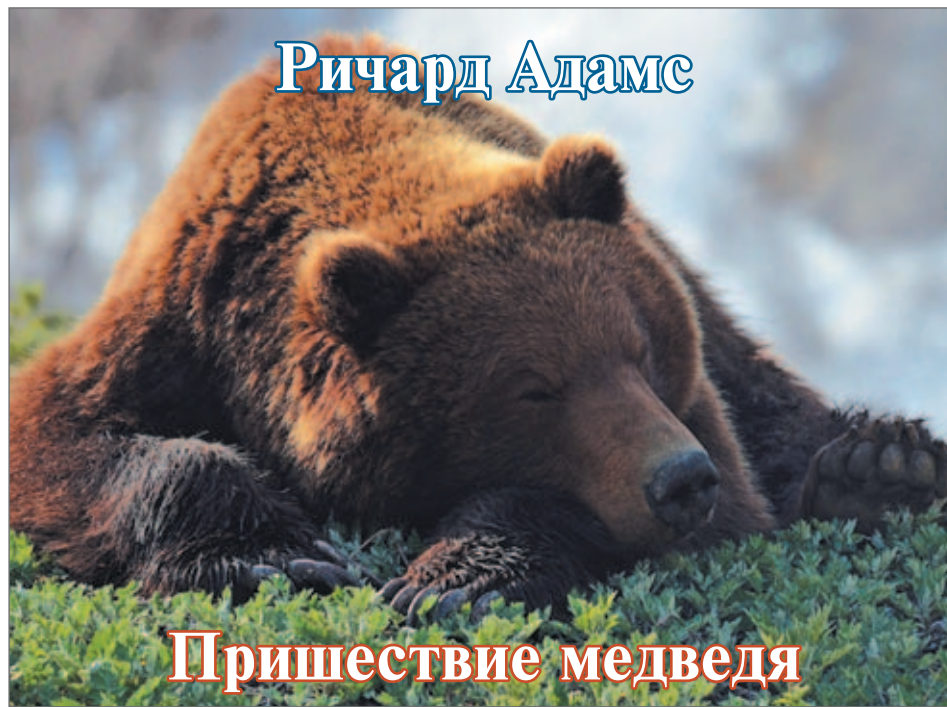
У подножия этой гряды, среди усыпанных зелеными цветами квианов, спал мертвым сном громадный медведь. В прибрежных тростниковых зарослях и на нижних склонах горы было не счесть животных, принесенных сюда рекой. Многие умерли, обгорев в огне или захлебнувшись в воде, но многие, особенно водоплавающие — выдры, лягушки, змеи, — выжили и уже приходили в себя и начинали искать пищу. Тысячи птиц, прилетевших на остров с горящего берега, с возбужденным гомоном сновали в кронах ночных деревьев, выбитые из привычного ритма. Несмотря на смертельную усталость и голод, ни одно животное не смыкало глаз, боясь оказаться чьей-нибудь добычей. Здесь, в незнакомой местности, никто не знал, где искать безопасное укрытие, и подобно тому, как холодная земля порождает туман, общее ощущение потерянности порождало тревожную, напряженную атмосферу — резкие испуганные крики, шорохи беспорядочной возни, внезапные птички вспорхи, — совершенно нехарактерную для ночной жизни леса, тихой и осторожной. Один только медведь, недвижимый, как скала в море, продолжал спать, ничего не слыша, ничего не чуя, даже не чувствуя боли там, где огонь выжжет огромные проплешины на мехе и обуглил кожу.

На рассвете подул легкий ветер, принося из-за реки запах глеющего лесного пожара, простершегося на много лиг. Над скалистой грядой поднялось солнце, но лес под западным ее склоном оставался в тени. Здесь и укрывались спасшиеся от пожара животные, растерянные и смятенные, не осмеливаясь выйти на яркий свет, теперь заливающий открытые берега и сверкающий на воде.

Из-за ослепительного солнечного света и всепроникающего запаха обугленных деревьев животные не заметили приближения человека, который шел через отмель по колену в воде, пригибая голову ниже пушистых метелок тростника. Он был в холщовых штанах и кожаном жакете, сшитом грубыми стежками на плечах и по бокам. На ногах — уродливое подобие башмаков: кожаные мешки, туго перевязанные на шиколотках. На груди у него висело ожерелье из острых изогнутых клыков, на поясе болтался длинный нож и колчан со стрелами. Оснащенный лук он нацепил на шею, чтоб не намочить. В руке человек держал палку, к ней за лапы были привязаны три мертвые птицы — журавль и два фазана.

Достигнув западного мыса острова, он остановился, осторожно поднял голову и пристально посмотрел вверх зарослей в лес. Потом медленно двинулся к берегу, раздвигая перед собой тростник с шорохом,

Самой любимой книгой Ричарда Адамса был не принесший ему мировую «кроличий» эпос «Обитатели холмов», а «Шардик» — история о человеке и медведе. Медведь всего лишь спасался от лесного пожара, прыгнул в реку, был подхвачен водой и очнулся измученным, обожженным, далеко от привычных мест, на незнакомом острове. А охотник Кельдерек твердо знал, что однажды придет время — бог-медведь Шардик вернется на землю, чтобы вызволить его племя из давнего изгнания на окраине Бекланской империи. Человек и зверь встретились — и мир начал стремительно меняться. На русском языке «Шардик» выходит в издательстве «Азбука».

похожим на свист серпа в высокой траве. Пара уток взлетела перед ним, но он не обратил на них внимания: стреляя в птицу на лету, недолго и стрелу потерять. Добравшись до

суши, он затаился на корточках в высоких кустах болиголова.

Там он просидел два часа, неподвижно и настороженно; солнце тем временем поднялось выше и уже ползло над склоном горы. Дважды человек выстрелил, и обе стрелы попали в цель — одна в гуся, другая в кетлана, маленького лесного оленя. В обоих случаях он из укрытия не вышел, а оставил добычу лежать, где упала. Повсюду вокруг ощущалось тревожное возбуждение, и ветер приносил запах гаря, поэтому человек почел за лучшее сидеть тихо и ждать, когда еще какое-нибудь из растерянных и испуганных животных, покинувших обжитые места, случайно приблизится на расстояние выстрела. И вот он неподвижно сидел на корточках, весь зрение и слух, как эскимос над прорубью, и шевелился лишь изредка, отгоняя мышкару.

Завидев леопарда, человек не шелохнулся, только быстро закусил губу и крепче сжал лук. Леопард шел среди деревьев прямо на него, медленно ступая и озираясь по сторонам. Было видно, что он не просто встревожен, но также голоден и готов к нападению, — опасный зверь, с таким одинокому охотнику лучше не встречаться. Он подошел ближе, остановился и несколько мгновений пристально смотрел прямо перед собой, потом повернулся и на мягких лапах направился к месту, где лежал кетлан с торчащей из шеи оперенной стрелой. Когда леопард вытянул голову вперед, приносясь к запаху крови, человек бесшумно выбрался из укрытия и двинулся по широкой дуге вокруг него, останавливаясь за каждым дере-

вом и проверяя, не переместился ли зверь. Он отворачивал голову на каждом тихом выдохе и переставлял ноги осторожно, стараясь не наступать на сухие ветки или россыпи камешков.

Охотник уже находился примерно в половине полета стрелы от леопарда, когда вдруг из ближних кустов трусой выбежал кабан, наткнулся на него и с визгом метнулся обратно в тенистые заросли. Леопард встрепенулся, повел пристальным взглядом и чуть погодя тронулся в сторону, откуда раздался шум.

Охотник быстро зашагал прочь, подавляя паническое желание пуститься бегом. Оглянувшись, он увидел, что леопард перешел на легкую рысцу, и только тогда швырнул на землю палку с птицами и побежал со всей мочи, направляясь к скалистой гряде в надежде уйти от ужасного преследователя в густом подлеске на нижних склонах. У подножия скалы, где начинались заросли квиана, мужчина повернулся и вскинул лук. Он хорошо понимал, каково иметь дело с раненым леопардом, но сейчас решил, что последний отчаянный шанс спастись — это попытаться ускользнуть от погони среди кустов и ползучих растений достаточно долго, чтобы успеть вса- дить в зверя несколько стрел и таким образом либо обезвредить его, либо обратить в бегство. Он прицелился и отпустил тетиву, но руки у него дрожали от страха, и стрела лишь вспорола шкуру на боку леопарда, несколько мгновений болталась там, а потом выпала. Леопард оскалил клыки, с рычанием кинулся вперед, а охотник понесся вверх по склону, не разбирая пути. Под ногой у него крутанулся шаткий камень, и он кубарем скатился обратно. Резкая боль обожгла левое плечо, проткнутое острым суком, а потом от страшного удара у него перешибло дыхание. Он со всего маху врезался в какую-то громадную косматую грудку и лежал пластом на земле, судорож-

но хватая ртом воздух, ничего не соображая от ужаса. Лук мужчина потерял при падении, а когда он с трудом поднялся на четвереньки — увидел, что вся левая рука у него в крови.

На крутом откосе, с которого он скатился, появился леопард.

Охотник замер и задержал дыхание, стараясь не издавать ни звука, но из спертых легких вырвался шумный выдох, и зверь по-птичьи быстро повернул к нему голову. Прижав уши, хлеща хвостом, дикая кошка припала к земле перед прыжком. Мужчина ясно увидел изогнутые верхние клыки и на несколько долгих мгновений завис над смертью, как над головкружительной пропастью, на дне которой его жизнь разобьется вдребезги.

Внезапно он почувствовал сильный толчок, а секундой позже обнаружил, что лежит навзничь, уставившись вверх. Над ним, подобно могучему кипарису, стоял на задних лапах зверь — так близко, что явственно слышался запах косматой шкуры. Зверь столь громадный, что оглушенный охотник не сразу понял, что это вообще такое. Подобно тому как солдат, вынесенный без чувств с поля боя, ошеломленно озирается вокруг, когда приходит в сознание, и, заметив сначала кучу мусора, потом двух женщин с вязанками хвороста, потом растопленный очаг, догадывается наконец, что находится в деревне, — так же и охотник увидел сначала когтистую лапу больше своей головы, потом высоченную мохнатую стену в проплешинах глубоких, до мяса, ожогов, потом

огромное клиновидное рыло, четко очерченное на фоне неба, и только тогда сообразил, что это, не иначе, какое-то животное. Леопард оставался на прежнем месте, но теперь испуганно съехался, неотрывно глядя снизу вверх на жуткое существо, наверняка буравившее его свирепым взглядом. На следующую минуту исполнившийся зверь одним ударом передней лапы смахнул леопарда с откоса, и тот, кувыркаясь в воздухе, отлетел далеко в сторону и с треском рухнул в квиановые заросли. С хриплым ревом, поднявшим тучу птиц, косматое чудовище повернулось, чтобы напасть снова. Опускаясь на все четыре лапы, оно задело левым боком о дерево и отпрянуло прочь, рыча и скалясь от боли. Потом услышало, как леопард продирается сквозь подлесок, двинулось на шум и в два счета скрылось из виду.

Охотник медленно поднимался на ноги, держась за раненое плечо. От страха, сколь угодно сильного, порой опоминаешься мгновенно, как пробуждаешься от глубокого сна. Мужчина отыскал свой лук и вскарабкался на откос. Он точно знал, что ему ничего не пригрелось, но ум его недоверчиво кружил вокруг несомненного факта, будто челн в водовороте. Он видел медведя. Но что это за медведь такой? Откуда здесь взялся? Находился ли уже на острове, когда он пришел сюда по отмели утром, или явился как ответ на его молитву? А может, он сам — когда в полубеспамятстве стоял на четвереньках под откосом — проделал отчаянное иллюзорное путешествие в потусторонний мир, чтобы вызвать оттуда ужасного зверя? Так или иначе, в одном сомневаться не приходилось: откуда бы он ни появился, этот громадный медведь, одним ударом подкинувший в воздух взрослого леопарда, теперь он принадлежит этому миру, облепленный плотью и кровью. И уже не стинет с лица земли, как не стинет вон тот воробышек на ветке.

Перевод с английского Марии Куренной

альбом

«анатомия смеха»

Поверх барьеров

Дмитрий Малков

Анатомия смеха:
Английская карикатура
XVIII - первой трети
XX века / Авт.-сост.
В. Успенский.

М.: Арт-Волхонка, 2016. –
352 с.: ил. Тираж не указан. (о)
ISBN 978-5-9907400-1-3

Джеймс Гилрей по оригиналу Джона Снейда. Очень скользко.
10 февраля 1808

Джеймс Гилрей по оригиналу Томаса Бреддила.
Король Бродбинггеа и Гулливер. 26 июня 1803

Джеймс Гилрей. Французская свобода. 21 декабря 1792

Легенды о суховатом и добродушном английском юморе придумали, скорее всего, сами англичане. Не исключено, что для того, чтобы посмеяться над простодушными жителями континента. Диккенс, Вудхаус, Честертон – лишь одна сторона этой медали, и даже у Шекспира, кроме сэра Эгъючика, существуют Фальстаф и дядюшка Тоби. Англичан не зря прозвали «бифитерами», – настоящий английский смех насыщен и плотен, как бифштекс с кровью под добрую пинту портера.

Но, кроме того, английский юмор преследует, кроме собственно осмеяния, и еще одну цель. Лессинг писал, что искусство, особенно сатира, призвано исправлять то, что не входит в компетенцию закона. Аналогичным образом тексты Свифта и Теккерея, как и рисунки Роуландсона и Гилрея, служат делу образования и просвещения масс. Немаловажным тут является тот аспект, что задолго до «окон РОСТА» англичане ввели традицию выставлять сатирические изображения в витринах, делая их доступными для абсолютно всех слоев общества. «Брожу по улицам, люблюсь, как на вечной ярмонке, разложенными в лавках товарами, смотрю на смешные карикатуры, выставленные на дверях в эстампных кабинетах, и дивлюсь охоте англичан. Как француз на всякий случай напишет песенку, так англичанин на всё выдумает карикатуру», – писал Николай Карамзин в 1790 году в «Письмах русского путешественника». Пушкин же в статье «О ничтожестве литературы русской» говорил, что в Англии «всякое замечательное происшествие подает повод к сатирической картинке». Очевидная злободневность, актуальность сатирических рисунков была вполне адекватной заменой фельетонов для тех, кто по неграмотности или отсутствию денег не имел возможности прочитать газету.

XVIII век, в полном соответствии с историческими традициями, был преисполнен юмора. Средневековье заканчивалось, наступало Новое время, и человечество, смеясь, расставалось со своим прошлым. В уже упомянутой статье Пушкин отмечает, что «ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная» были излюбленными орудиями эпохи Просвещения. Именно тогда происходило становление английского парламентаризма, ограничение абсолютной власти монархии, и, если в Европе карикатура продолжала оставаться жанром маргинальным, отчасти, в силу своей пограничности, опасным, то на Острове она являлась вариантом ежедневной легальной революции. Возможно, в том числе и благодаря этому, при всей направленности к реформам и свободам, Великобритании миновала революция настоящая.

Несомненно, что «королевой жанра» была карикатура политическая. Английская сатира всегда тяготела к социальной тематике, абсолютно не стесняясь при этом в средствах и выражениях. До сих пор, к сожалению, толком не переведены на русский памфлеты XVII-XVIII веков, по сравнению с которыми «правдинские» рисунки Бориса Ефимова и компотные эскизы Жириновского кажутся невинным лепетом лорда Фаунтлероя. Обычным делом, например, было обвинить оппонента в каком-нибудь совсем уж несусветном грехе вроде изнасилования парламентской кошечки аккурат на кафедре во время дебатов. Чем чудовищнее был поклеп, тем ярче горели страсти. Суть обвинения забывалась, но пятно оставалось навечно. Потные, жрущие, блюющие, пускающие газы политики глядят на нас и с карикатур. При этом англичане не щадили не только заокеанских деятелей, но и себя. Излюбленным образом художников становится Джон Булл – жирный, красноносый коротышка, ненасытный и непристойный, истинное воплощение среднего англичанина. Английская картина мира состояла из стереотипов, не последним из которых было высокомерие по отношению к иным нациям, будь то китайцы, готтентоты или свои же соседи шотландцы. Само это высокомерие позволяло смеяться и над собственными недостатками, ибо добродетель подсказывала быть великодушным и объективным.

В английской карикатуре, как нигде более отразилось бурное кипение XVIII века, с его каждодневным соединением низкого и высокого, традиций и фронды, самого отчаянного либертинажа и самого истового пуританства.

Джеймс Гилрей. Сила красоты. Февраль 1792

Джеймс Гилрей. Демократ, или Разум и философия. 1 марта 1793

Джеймс Гилрей. Республиканская гремучая змея очаровывает
Бедфордскую белку. 16 ноября 1795

Джеймс Гилрей. Джон Булл обедает. 24 октября 1798